

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 4 (180)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 8

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., проф., академик РАО Асмолов А.Г.,
д.пс.н., проф. Батулин Н.А.
(отв. редактор),
к.м.н., доц. Беребин М.А.
(отв. секретарь),
д.пс.н., проф. Грязева-Добшинская В.Г.,
д.пс.н., проф. Доценко Е.Л.,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО Зинченко Ю.П.,
д.пс.н., проф. Знаков В.В.,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО Малых С.Б.,
д.пс.н., доц. Солдатова Е.Л.,
д.пс.н., проф. Ушаков Д.В.

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психодиагностика

БАТУРИН Н.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Технология разработки тестов: часть III	4
ЗАГОРЮЕВ А.Л. Метод прямого определения ретестовой надёжности и разрешающей способности психодиагностической методики	19
БАТУРИН Н.А., МИНБАЛЕЕВ А.В. Проблемы охраны авторских прав на психологические продукты	26
БАТУРИН Н.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Принципы определения сложности психодиагностических методик	36
ИВАНОВ А.Е. Анализ отечественных и зарубежных этических кодексов психолога (на примере этических требований в психодиагностике)	44

Новые методы психодиагностики

БАТУРИН Н.А., КИМ Т.Д., НАУМЕНКО А.С. Многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала и подходы к ее операционализации	48
ВЫБОЙЩИК И.В., ИНОЗЕМЦЕВ Д.В., КАРЛЫШЕВ Г.В., ЮСУПОВА Ю.Л. Разработка метода изучения точности профессиональной оценки	58
МАТВЕЕВА Л.Г., ТАРАСОВА Е.В. Диагностика эмоционального интеллекта на основе процедуры ассесмент-центра	63

Психодиагностика в различных областях практики

АСТАЕВА А.В. Основные проблемы нейропсихологического исследования в детском возрасте	71
МЕЩЕРЯКОВА К.В., РЯЗАНОВА А.Ю. Психодиагностические критерии нарушений критичности подростков при судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизе	77
БЕРЕБИН М.А., КОЧКИНА Ю.В. Психодиагностические критерии прогноза нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников правоохранительных органов	82
КУРГАНСКИЙ Н.А. Принципы В.Д. Небылицына и измерение психических состояний (к 80-летию со дня рождения В.Д. Небылицына)	91
Abstracts and keywords	95

CONTENTS

General psychodiagnostics

BATURIN N.A., MELNIKOVA N.N. Technology of test development: part III.	4
ZAGORYUEV A.L. The immediate determination of retest reliability and discriminative ability of psychognostic method	19
BATURIN N.A., MINBALEEV A.V. Problems of psychological products copyright protection	26
BATURIN N.A., MELNIKOVA N.N. Principles of identification of psychodiagnostics instruments complexity	36
IVANOV A.E. The analysis of local and foreign Codes of Good Practice of psychologists (On example of ethical requirements in psychodiagnostics)	44

New methods in psychodiagnostics

BATURIN N.A., KIM T.D., NAUMENKO A.S. Multilevel model of innovative professional potential and methods of its operationalization	48
VYBOYSHCHIK I.V., INOZEMTCEV D.V., KARLYSHEV G.V., YUSUPOVA Y.L. Method development of professional evaluation accuracy study	58
MATVEEVA L.G., TARASOVA E.V. Diagnostics of emotional intelligence on the basis of assessment-center procedure	63

Psychodiagnostics in various areas of practice

ASTAEVA A.V. The basic problems of neuropsychological researches at children's age ...	71
MESHCHERYAKOVA K.V., RYAZANOVA A.J. Psychodiagnostic criteria for violations of the criticality of adolescents in forensic psychiatry and forensic psychological examination	77
BEREBIN M.A., KOTSHKINA Y.A. Psychodiagnostic criteria for prediction of disruption of mental adaptation and reliability of professional law enforcement officers	82
KURGANSKY N.A. Nebylitsyn's principles and assessment of psychological states (to the 80 anniversary of V.D. Nebylitsyn birth date).....	91

Abstracts and keywords	95
-------------------------------------	----

Общая психодиагностика

УДК 159.922
ББК Ю937

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ТЕСТОВ: ЧАСТЬ III

Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова

Статья является продолжением описания технологии разработки тестов, содержащейся в двух предыдущих номерах журнала. В ней в рамках дальнейшего обсуждения пошаговой технологии разработки тестов описывается пятый этап, который называется в общей схеме «стандартизационным». В статье рассматриваются разные методы стандартизации тестов и особенности различных видов норм. В частности, обсуждаются вопросы, касающиеся формирования репрезентативных выборок стандартизации и принципы стратификации при формировании групповых норм. Приводятся положения, обеспечивающие эффективность работы экспертов при установлении предметно-ориентированных норм. Обсуждаются проблемы, связанные с выработкой критериально-ориентированных норм.

Ключевые слова: разработка теста, стандартизация теста, нормы, репрезентативные выборки стандартизации, стратификация, «секущий балл», вероятностные таблицы ожиданий.

Введение

В первой части цикла статей была представлена общая схема процесса разработки тестов, приведена последовательность этапов и шагов разработки и указаны основные задачи, решаемые на каждом из них [2]. Там же были описаны два начальных этапа: этап I – организационный и этап II – содержательный, которые являются фундаментом создания любой методики, задавая стратегическую линию разработки и обеспечивая валидность методики на содержательном уровне. Во второй части цикла статей обсуждались этапы, в рамках которых происходит непосредственная разработка и эмпирическая проверка самого тестового инструментария: этап III – «подготовительный» и этап IV – «исследовательский», которые были посвящены вопросам формулирования и отбора эффективных тестовых пунктов, там же обсуждались проблемы проверки основных психометрических показателей тестов: надёжности и валидности [3]. Данная статья продолжает поэтапное описание универсальной технологической процедуры разработки тестов. Она посвящена вопросам стандартизации разработанного, апробированного и проверенного теста.

Этап V. Стандартизационный

Шаг 9. Стандартизация методики

Этап, на котором происходит стандартизация методики, – один из наиболее существенных для формирования пользовательских характеристик разработанного теста. Конечная цель стандартизации – это всегда получение норм, которые позволяют перевести полученные в процессе тестирования «сырые» данные в стандартные, чтобы затем корректно интерпретировать итоговые тестовые показатели конкретных людей. Считается, что нормы нужны, прежде всего, для практического применения теста в диагностических целях. При применении того же теста для исследовательских целей корректнее использовать «сырые» показатели, не подвергнутые никаким преобразованиям, и нормы здесь практически не добавляют полезной информации [1, 5, 14]. Поэтому методики, специально разрабатываемые для использования исключительно в научных целях, могут обходиться без стандартизации. Тесты же, которые планируется применять главным образом как диагностический инструментарий, без надёжных стандартов практически непригодны. Исключение до недавнего времени составляли проективные, клинические и другие виды методик, относящиеся к категории экспертных, которые ис-

пользовались без проведения процедуры стандартизации. Однако в последнее время разработчики и издатели тестов ориентированы не только на проверку надежности и валидности всех видов тестов, но также на проведение их стандартизации.

Как уже отмечалось, к процедуре стандартизации допускаются лишь готовые тесты, с тщательно выверенной и утверждённой процедурой проведения, полностью прошедшие проверку надёжности и валидности (см. этап IV – исследовательский). Если в тесте существуют серьёзные недоработки, то никакая стандартизация, даже на очень представительных выборках, не способна исправить ситуацию: тест будет непригоден для пользования, а временные и материальные средства, потраченные на стандартизацию, пропадут впустую.

В отечественной практике разработки тестов процедуры стандартизации обычно не связывают с особыми теоретическими сложностями. Традиционный подход – «чем больше выборка стандартизации и широта охвата контингента, тем лучше» – ставит акценты на трудностях, обусловленных нехваткой материальных и временных ресурсов. Однако такой подход является весьма односторонним и приводит к недооценке серьёзности и ответственности данной задачи и необходимости осмысления и тщательного планирования всех действий и методов, используемых на этапе стандартизации теста.

На самом деле, объём выборки стандартизации далеко не первый по важности критерий качества полученных норм, а при грамотной организации процесса стандартизации можно обойтись и меньшими ресурсами, получив в то же время более корректные результаты.

Чтобы грамотно организовать процесс стандартизации, важно в первую очередь понимать, для какой практической цели создаются тестовые нормы [11, 17]. Существует много разных методов стандартизации тестов и несколько видов норм, которые предназначены для разных практических целей. Выше уже отмечалось, что нормы, в конечном счете, нужны для интерпретации результатов теста. Именно они определяют правила принятия практических решений. Поэтому так важно, чтобы разработанные в процессе стандартизации нормы были действительно полезны для практики и помогали принять правильное решение.

По сути, нормы – это основания для оценки «сырых» показателей, полученных конкретным лицом при выполнении теста. Важно иметь ясность относительно того, что именно необходимо оценить. Например, при использовании теста учебных достижений разработчика может интересовать: а) положение конкретного студента относительно других студентов того же года обучения; б) уровень усвоения им знаний по данному предмету или в) вероятность того, что этот студент будет успешно справляться с некоторыми видами профессиональной деятельности.

Приведённый пример иллюстрирует 3 вида норм, наиболее явно отличающихся друг от друга и предназначенных для разных практических целей.

1. *Групповые нормы* (иногда их называют выборочными, статистическими, относительными) – отображают выполнение теста в выборке стандартизации. При использовании таких норм «сырые» показатели конкретного испытуемого соотносят с эмпирически полученным распределением оценок в выборке стандартизации, что позволяет узнать, какое место он занимает в этом распределении. Подобные нормы называют относительными, поскольку они выявляют статус испытуемого относительно некоторой группы, взятой в качестве нормативной. Для удобства соотнесения при получении таких норм используют различные преобразования исходных показателей (процентили, Z-показатели, T-баллы, станайны и др.)

Традиционно групповые нормы используются для большинства тестов (особенно тестов интеллекта и личности). Часто в рамках одного теста такие нормы рассчитывают отдельно для разных категорий обследуемых (например, для групп, различающихся по возрасту, полу, социальному положению и т. д.). Нормы данного вида не только позволяют сравнивать отдельных людей между собой, но также дают возможность соотносить результаты разных тестов, выполненных одним человеком.

2. *Предметно-ориентированные* (domain-referenced) нормы – призваны отражать уровень мастерства (mastery), которое показал тестируемый (количество знаний, качество освоения навыков и т. д.). Учитывая специфику этого вида норм, их иногда называют ориентированными на содержание и абсолютными. Для установления таких норм определяется «стандарт исполнения», который выража-

ется либо в проценте выполненных заданий, либо через «секущий» балл (cut score), который подразделяет протестированных людей на группы по принципу «прошёл/не прошёл». (При использовании нескольких секущих оценок могут выделяться несколько категорий, например: «начальный уровень усвоения знаний», «базовый» и «продвинутой»). В современной практике существует более десятка методов получения предметно-ориентированных норм, к установлению которых часто привлекаются эксперты [11]. Предметно-ориентированные нормы актуальны, прежде всего, для тестов достижений и широко используются в системе образования, а также для таких целей, как лицензирование и сертификация.

3. *Критериальные* (criterion-referenced) нормы – отражают вероятность того, что испытуемые, получившие некоторый балл по тесту, достигнут критериального показателя. Критериальные нормы получают посредством эмпирического соотнесения тестовых показателей с оценками по критерию и обычно представляют в виде так называемых «таблиц ожидания». Критериальные нормы могут быть рассчитаны как для тестов достижений, так и для тестов, измеряющих способности и личностные черты. При этом основная сфера применения таких норм связана с практическими задачами отбора и прогноза.

Несмотря на различия в способах получения и представления, указанные виды норм не противоречат, а наоборот, дополняют друг друга. Хорошо, если один и тот же тест сопровождается разными видами норм: это делает его применение более универсальным, а интерпретацию более «тонкой». Напомним, что выбор вида норм определяется практической целью и осуществляется в самом начале разработки, ещё на этапе планирования проекта.

Независимо от того, нормы какого вида планируется получить, стандартизация любой методики предполагает следующую *последовательность действий*: (1) формирование выборки стандартизации, (2) эмпирические процедуры установления стандартов, (3) фиксация способов перехода к нормам.

Однако для получения норм разных видов существуют различия в способах выполнения этих трёх задач: используются разные методы, по-разному распределяются акценты. Поэтому необходимо отдельно рассмотреть специфику процесса стандартизации для каждого из вы-

шеназванных видов норм, более подробно останавливаясь на моментах, заслуживающих особого внимания разработчика.

Стандартизация для получения групповых норм

Как уже отмечалось раньше, групповые нормы (выборочные, статистические) воспринимаются как традиционные и используются в большинстве известных тестов. Напомним, что такие нормы указывают относительное положение обследуемого на фоне нормативной выборки и позволяют оценить полученный им результат в сравнении с результатами других людей. Специфика этих норм в том, что они всегда *зависят от характеристик конкретной совокупности людей, на которых они рассчитывались*. Поэтому задача формирования выборки стандартизации для этого вида норм особенно актуальна. *Здесь качество выборки – определяющий аспект стандартизации*. Если выборка сформирована некорректно, нормирование теста не только будет бесполезным, но даже может оказаться вредным, вводя пользователя в заблуждение.

Формирование выборки стандартизации

Две важные переменные, определяющие качество выборки, – это её *объём и репрезентативность*. При этом репрезентативность выборки считается более важным показателем, чем её объём, хотя и к объёму выборки предъявляются достаточно строгие требования [1, 5, 14]. Достаточно большое количество людей в выборке необходимо для уменьшения значения стандартной погрешности. Качественные же характеристики выборки определяют основы для интерпретации: на фоне какой группы будут рассматриваться получаемые при использовании методики результаты.

Если говорить о количественной стороне выборки стандартизации, то согласно Стандартам Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA) для любых тестов выборки меньше 150 человек считаются «не соответствующими требованиям» (см. форму рецензии). Эта величина определяется по большей части из чисто статистических соображений. При этом верхняя граница чётко не оговаривается: хорошими могут считаться выборки и в количестве 300 человек, и достигающие нескольких тысяч испытуемых. Вопрос о том, какую величину выборки можно считать «достаточной» для стандартизации

конкретного теста, не решается изолированно от вопроса о её качественном составе. А решение этого вопроса, в свою очередь, зависит от практического назначения теста.

Формирование выборки следует начинать с точного описания популяции, на которую планируется распространить полученные нормы («целевой популяции»), что следует сделать еще на начальных этапах разработки теста. Есть тесты, которые изначально предназначены для диагностики представителей очень общих популяций, таких, как «взрослые работающие люди» или «студенты вузов». Другие тесты узко специализированы и ориентированы на конкретные, чётко обозначенные группы, например, «офисные работники компаний, занимающиеся продажей недвижимости». Естественно, ориентация теста на более широкие и неопределённые популяции требует более объёмных и разнородных по составу выборок для стандартизации. Нормы для ограниченных популяций могут быть получены на меньших по объёму выборках.

Однако и для тестов, ориентированных на общие популяции, объём выборки можно значительно сократить без потери качества результата, если хорошо поработать над её репрезентативностью. В настоящее время грандиозные выборки, собранные методом случайного отбора, которые были так популярны несколько десятилетий назад, сменяются меньшими по объёму, но более продуманными стратифицированными выборками.

Стратификация (от «страта» – «слой») – процесс выделения в общей популяции некоторых категорий (слоёв), характеризующихся качественно различными признаками (например, возраст, пол, социальное положение). *Стратифицированная выборка* – это выборка, составленная с учётом представленности разных категорий (страт) в популяции. Стратифицированная выборка считается более репрезентативной, чем случайно отобранная, поскольку отражает пропорции разных социально-демографических групп в общей популяции. Например, если в популяции «мужчин от 20 до 30 лет» 50 % имеют среднее образование, 20 % являются студентами вузов и 30 % имеют законченное высшее образование, то и в выборке испытуемые должны быть представлены в той же самой пропорции.

Однако составление стратифицированной выборки непростая задача. Основная сложность состоит в *правильном выделении признаков для формирования страт*. Общую

популяцию можно разделить на группы сотней различных способов. Традиционно для выделения страт учитываются такие параметры, как пол, возраст, иногда профессиональный статус, уровень дохода и другие социально-демографические показатели. Возникает вопрос: всегда ли это оправдано, и какие именно из многих доступных показателей следует выбрать в качестве стратифицирующих признаков при стандартизации конкретного теста? Нелишним будет напомнить, что использование только 2-х дихотомических признаков (например, пол (м/ж) и образование (среднее/высшее)) уже предполагают 4 группы, если добавить к этому 3-й признак (например, семейное положение) – будет уже 8 групп, и т. д. Поэтому из практических соображений при формировании выборки имеет смысл ограничиться небольшим количеством наиболее важных признаков. Как их определить?

Существует правило, согласно которому в основе формирования страт должны лежать *признаки, которые наиболее связаны с измеряемой тестом переменной*. Например, если стоит задача стандартизировать тест, направленный на диагностику лояльности к организации, то следует поработать над тем, чтобы обозначить переменные, способные провоцировать различия в уровне лояльности. Так, если есть веские теоретические (или эмпирические) основания утверждать, что лояльность к организации должна различаться у мужчин и женщин, то признак пола целесообразно использовать как стратифицирующий при формировании выборки стандартизации. Но может быть, здесь более полезными окажутся такие признаки, как характер организации (коммерческая/бюджетная), стаж работы или должностной статус?

Поэтому ещё раз отметим, что шаблонная стратификация, в основу которой положены стандартные характеристики (такие, как пол, возраст) далеко не всегда приводит к желаемым результатам, поскольку изучаемая тестом переменная может быть нечувствительна к этим признакам, и выделение соответствующих групп практически ничего не даст. Цель стратификации – учесть возможные вариации диагностируемой тестом переменной в популяции и отразить это в выборке посредством пропорциональной представленности соответствующих групп. Именно это обеспечивает репрезентативность выборки стандартизации. Таким образом, при формировании выборки стандартизации для кон-

кретного теста признаки, которые будут положены в основу стратификации, выбираются в зависимости от его содержания и практического назначения. Соответственно для теста, измеряющего мыслительные функции, это будут одни признаки, для теста, измеряющего экстраверсию, – другие, честность – третьи.

Если удалось найти реальные основы для стратификации, то две выборки, извлечённые из одной генеральной совокупности, не должны давать заметно отличающихся норм. Это будет говорить о том, что они действительно репрезентативны для популяции. Если же какой-то важный признак для стратификации остался неучтённым, то две выборки могут продуцировать различные нормы, и это может быть спровоцировано как раз вариацией в них неучтённого признака. В тех случаях, когда сложно выделить обоснованные признаки для стратификации, задачу получения устойчивых норм можно решить только за счёт увеличения объёма выборки стандартизации. И здесь случайный метод отбора из популяции большой по объёму выборки может быть оправданным.

Для тестов, ориентированных на общие популяции, часто проводится *дифференцированная стандартизация*, т. е. тест обеспечивается целым набором норм, полученных для разных групп. Так, многие интеллектуальные тесты нормируются отдельно для разных возрастных групп, личностные – часто сопровождаются различными нормами для мужчин и женщин. Также нормы могут быть представлены отдельно для групп, отличающихся уровнем дохода, образования или по национальному признаку.

Дифференцированная стандартизация повышает пользовательский потенциал методики и считается одним из важных показателей качества теста (см. рецензию EFPA). Такие нормы могут использоваться отдельно или наряду с общегрупповыми показателями.

Если к стандартизации была привлечена большая стратифицированная выборка, то выделение из неё подгрупп и подсчёт норм для каждой из них не представляют собой сложностей. Однако надо помнить, что в каждой такой подгруппе должно быть достаточное количество человек (не менее 150 согласно стандартам EFPA), иначе полученные нормы будут непригодны из-за высокого значения стандартной погрешности.

В связи с этим возникает вопрос практического плана: до какой степени детализации

следует «дробить» общую выборку на подгруппы? В каких случаях более выгодно (и корректно) будет остановиться на объединённых нормах (например, совместно для мужчин и женщин или для разных возрастных групп)? Ответ на этот вопрос достаточно прост. После того, как проведено массовое обследование и получены данные для всей выборочной совокупности, необходимо проверить, существуют ли значимые различия в показателях по тесту между интересующими разработчика группами. Для этого удобно использовать многомерный дисперсионный анализ (программы, выполняющие такой анализ, представлены почти в каждом современном статистическом пакете, например SPSS) [6]. Дисперсионный анализ поможет выделить группы, нуждающиеся в отдельной стандартизации. Если же по полученным для конкретного теста данным различия (например, между мужчинами и женщинами) отсутствуют, то и нет необходимости в дифференцированной стандартизации этих групп. Здесь следует принять решение в пользу объединённой выборки стандартизации, которая от этого выиграет по объёму.

Ещё один фактор повышения практической ценности теста и одновременно уменьшения затрат на стандартизацию – это *исходное ограничение совокупности обследуемых, на которую планируется распространить использование теста после его разработки* [1, 5, 14]. Во многих случаях более полезными бывают специфические нормы для групп, непосредственно соответствующих характеру и области практического применения теста. Например, узко профильный тест может быть стандартизирован специально для таких совокупностей, как «первокурсники технических вузов» или «рабочие промышленных предприятий». На самом деле, большинство тестов по своему содержанию и назначению не претендуют на универсальность и не требуют норм, полученных на широкомасштабных выборках. Допускается даже, что конкретные организации могут накапливать свои нормы для внутренних целей (например, это могут быть нормы при тестировании претендентов на определённые должности внутри организации или нормы в приёмной комиссии конкретного колледжа).

Другая сторона этого вопроса состоит в том, что в связи с организационными и материальными сложностями получения универсальных норм для больших популяций многие

авторы идут по пути переопределения генеральной совокупности на этапе стандартизации, умышленно сужая её и определяя в терминах групп, которые удалось привлечь к стандартизации теста. Учитывая всю условность такого подхода, его всё же следует признать более корректным (и, по крайней мере, честным по отношению к пользователю), чем распространение норм на широкие популяции при отсутствии соответствующей выборки стандартизации.

В любом случае границы нормативной выборки должны быть чётко определены и приведены вместе с нормами в Руководстве к тесту, чтобы эта информация была доступна для пользователя. Если возникнет потребность в расширении сферы применения теста, он может быть повторно стандартизован другой группой исследователей на других выборках. Такое развитие событий на этапе эксплуатации теста вполне естественно и отвечает современным тенденциям перехода процесса разработки тестов от индивидуальных инициатив к широкомасштабным общественным проектам. Например, для координации таких проектов в США еще в 1993 году по инициативе АРА и Министерств обороны, образования и труда был создан Государственный совет по тестированию и оценке.

Процедуры установления групповых норм

Способы получения групповых норм всегда эмпирические. Когда сформирована выборка стандартизации, проводится массовое обследование с помощью разработанной методики. Переход к нормированным данным основан на преобразовании сырых показателей в стандартную шкалу, ориентированную на эмпирически полученное распределение показателей в выборке стандартизации. Существует несколько способов преобразования сырых оценок в стандартные (среди них процентиля, Z-показатели, T-баллы, станайны и др.). Подробные описания статистических процедур, применяемых при разных способах преобразования, широко представлены в современной литературе и доступны любому интересующемуся лицу. Единственный вопрос, которого следует коснуться в данной статье, – это вопрос о том, какой из многочисленных вариантов следует выбрать при стандартизации конкретного теста.

Чаще всего метод преобразования выбирают из соображений удобства пользования или же «по привычке» (характерно, что мно-

гие авторы обычно используют для стандартизации своих тестов один-два «любимых» метода). Следует отметить, что если эмпирическое распределение, полученное на выборке стандартизации близко к нормальному, то все способы дают практически идентичные результаты, и полученные нормы легко, без искажений могут быть переведены из одной шкалы в другую. Однако, учитывая возможность получения «неидеальных» распределений, полезно знать некоторые особенности каждого способа преобразования, чтобы подобрать наилучший для конкретного теста. Рассмотрим наиболее популярные стандартные показатели, акцентировав внимание на условиях их применения и возможных ограничениях.

Процентили – самый простой и понятный для пользователя способ преобразования, который отражает значение индивидуального показателя через процент случаев «лежащих» (расположенных) в выборке стандартизации ниже данного балла. Несмотря на наглядность и простоту получения, процентиля имеют ряд существенных недостатков, которые ограничивают возможности их использования [1, 5, 14]. Во-первых, процентиля представляют собой значения порядковой шкалы, поэтому не пригодны для многих процедур статистического анализа. Во-вторых, распределение процентилей по своей природе равномерное (прямоугольное). Поэтому при наложении его на данные, близкие по своему распределению к форме нормальной кривой (а большинство эмпирически полученных распределений именно таковы), результаты могут быть сильно искажены. В частности, в середине распределения небольшие отклонения от среднего будут увеличиваться процентилями, а значительные (на краях кривой) – неадекватно сжиматься. По сути, процентиля отражают относительное положение каждого индивидуума в выборке и не способны показать величину различия между тестовыми оценками.

Более совершенные способы преобразования выражают тестовый балл в терминах «расстояния от среднего», а это расстояние, как правило, измеряется в единицах стандартного отклонения. Такие способы преобразования «выравнивают» все различия в исходных единицах измерения и позволяют легко соотносить друг с другом не только результаты отдельных испытуемых, но и показатели, полученные по разным тестам. Поэтому такие показатели по праву называют «стандартными».

Для их получения существуют «линейные» и «нелинейные» способы преобразования. Специфика стандартных показателей, полученных способом «линейного» преобразования, состоит в том, что они в точности воспроизводят все особенности распределения «сырых» баллов. «Нелинейный» способ преобразования призван «подогнать» не совсем нормальное эмпирическое распределение к заданному типу (обычно – к типу нормальной кривой).

Классическим образцом линейного преобразования является *Z-показатель*. Используя *Z-баллы*, мы получаем информацию о том, выше или ниже среднего находится показатель конкретного испытуемого и насколько (в единицах стандартного отклонения). Однако, несмотря на «статистическую прозрачность», *Z-баллы* весьма неудобны для пользователя. Во-первых, *Z-шкала* имеет малое количество целых позиций (от -3 до 3), что делает необходимым введение дробных значений. Во-вторых, данная шкала использует отрицательные значения, что не приветствуется при сообщении результатов клиенту или заказчику. Поэтому на практике чаще используются вторичные линейные преобразования *Z-показателя* (например, *T-баллы*), которые также сохраняют все особенности исходного эмпирического распределения, но избавлены от 2 выше-названных пользовательских недостатков. Например, *T-баллы* более удобны и понятны для пользователя, поскольку имеют среднее отклонение, равное 50, а стандартное – 10. Это позволяет увеличить разброс шкалы и избежать дробных и отрицательных величин.

Есть одно условие, определяющее правомерность использования стандартных показателей, полученных посредством линейного преобразования. Важно, чтобы эмпирическое распределение в выборке стандартизации действительно соответствовало форме нормальной кривой. Если распределение существенно отклоняется от параметров «нормального», то полученные нормы не позволяют провести адекватную интерпретацию результатов.

Небольшие отклонения эмпирического распределения от «нормы» можно откорректировать посредством «нелинейного преобразования». Для этого «сырые» баллы, например, сначала преобразуют в процентильные эквиваленты, а затем переводят в стандартные, используя таблицы значений функции плотности нормального распределения. Такой

способ преобразования, как и другие подобные ему, называется «нормализацией», а полученные единицы – «нормализованными». Примером нормализованных показателей могут быть *станайны* и *стены*, которые представлены в удобной для пользователя форме (например, 9-балльная шкала станайнов или 10-балльная шкала стенов).

Нормализация как способ формирования тестовых норм может показаться очень привлекательным методом, поскольку позволяет «сгладить» недостатки в разработке теста, выправив несовершенное эмпирическое распределение. Однако следует избегать чрезмерной эксплуатации этого полезного свойства.

В целом нормализацию рекомендуется проводить, если:

а) существуют лишь незначительные отклонения от формы нормального распределения;

б) есть веские теоретические основания предполагать наличие нормального распределения по изучаемому признаку в целевой популяции;

в) есть основания считать, что отклонение эмпирического распределения от нормального произошло в силу определённых недостатков в формулировке пунктов теста, а не из-за особенностей выборки, или других факторов, влияющих на исследуемое свойство [1, 5, 14].

На самом деле, если применить нормализацию к сильно смещённым распределениям, то недостатки будут видны сразу. Например, из-за дефектов распределения компьютерные программы нормализации «выдают» стандартные баллы с пропуском или повтором одних и тех же значений. В таких случаях приходится прибегать к выравниванию шкал «вручную», экстраполируя некоторые шкальные значения. При этом необходимо подчеркнуть, что такая экстраполяция допустима, только если у разработчика есть уверенность в том, что указанные проблемы нормализации являются следствием незначительного несовершенства выборки стандартизации (например, недостаточность ее величины).

В целом стандартизация с целью получения групповых норм (независимо от того, какой способ преобразования использовался) всё же ориентирована на эмпирическое распределение, приближенное к нормальному. Если в выборке стандартизации получено очень далёкое от нормального распределение, то установление рассматриваемого вида норм

будет затруднено. Конечно, абсолютно нормальное распределение («стандартная нормальная кривая») является в реальности, скорее, теоретическим идеалом. Эмпирические распределения всегда несколько отличаются от идеальной формы: бывают несколько асимметричные или уплощённые и т. п. Однако речь идёт о том, что они все-таки могут быть отнесены к этому классу распределений. Естественно, нередки случаи, когда разработчик изначально стремился получить распределение другой формы (исходя из целей тестирования или учитывая природу конструкта). В этих случаях модель нормального распределения и основанные на ней методы стандартизации не смогут обеспечить адекватно интерпретируемых результатов и следует искать другие способы стандартизации.

Но если есть веские основания предполагать, что распределение изучаемого свойства в генеральной совокупности всё же должно быть нормальным, то причину отклонений в форме эмпирического распределения следует искать либо в ошибках при отборе пунктов, либо в дефектах выборки стандартизации.

Нормы, полученные для разных групп или для выборочной совокупности, в целом фиксируются в виде *таблиц перевода сырых оценок в стандартные*. В Руководстве для пользователя обязательно должны указываться количественные и качественные характеристики выборок, на которых были получены нормы.

Стандартизация с целью получения предметно-ориентированных (domain-referenced) норм

Рассмотренные выше групповые нормы позволяют интерпретировать тестовый балл как относительно высокий или низкий, однако они не отражают абсолютную величину психологической переменной. Например, если конкретный студент при выполнении экзаменационного теста показал результат на одно стандартное отклонение выше среднего, это говорит о том, что он знает предмет лучше, чем средний студент, но ничего не сообщает о том, «сколько» знания у него имеется в абсолютных единицах.

При этом такая информация является весьма важной, например, для вынесения адекватной оценки степени усвоения знаний учащимися или студентами после прохождения некоторого курса. Особенно актуально это становится, когда стоит задача сертифи-

кации или лицензирования специалистов. Можно, конечно, при выдаче разрешения на профессиональную деятельность ориентироваться на относительные показатели выполнения квалификационного теста в выборке прошедших обучение... Однако представьте себе последствия такого подхода, например, при выдаче лицензии на использование нового метода в хирургической практике или же при принятии решений о допуске к полётам летчиков-испытателей? Очевидно, что в сферах, где требуется адекватная оценка качества усвоения знаний или овладения некоторыми умениями и навыками, не очень важно, как конкретный претендент выглядит на фоне общей выборки.

В сфере образования и для целей сертификации и лицензирования чаще используются *предметно-ориентированные нормы, где в качестве интерпретационной системы используется не некоторая совокупность людей, а чётко определённая содержательная область*. При этом интерпретация результатов теста производится не посредством сравнения с показателями, полученными другими людьми, а с точки зрения его смыслового содержания, т. е. определяется, что тестируемый знает или что он может делать.

Исторически предметно-ориентированные тесты намного старше ориентированных на групповые нормы. Ещё в начале прошлого века делались попытки детально описать уровни выполнения теста с точки зрения его содержания. Для этого результаты конкретного испытуемого оценивались на основе сопоставления с набором стандартных образцов. Тогда в педагогике было популярно понятие «mastery» в смысле овладения чем-либо или усвоения определённых учебных единиц [13]. Однако позже в связи с распространением статистических методов такой способ нормирования вытеснили групповые нормы. В последние годы происходит все большее распространение тестирования в области образования и разработка многочисленных тестов достижений в других областях практики, вследствие чего интерес к предметно-ориентированному нормированию тестов снова активизировался. В настоящее время создаются разнообразные методы установления таких норм, например, Г. Сайзек в своей обзорной статье описывает 10 таких методов [11].

Существует мнение, что практико-ориентированные нормы применимы лишь для тестов достижений, где чётко и полно

описано содержание требуемых знаний. Лучшее всего они подходят для проверки конкретных навыков (например, таких, как базовые арифметические навыки), вся совокупность которых является чрезвычайно фиксированной и определённой и представляет небольшой объем содержания, который полностью покрывается тестом. Для таких тестов 85 % правильных ответов будет говорить о 85% освоении заданных навыков [5]. При этом тест позволит выделить «области» ошибок (например, покажет, какие конкретно арифметические операции недостаточно освоены). Однако, если тест представляет собой лишь выборку из всей совокупности знаний (а таких тестов большинство), то здесь ещё надо доказать, что выполнение теста на 85 % соответствует 85%-ному усвоению знаний. Кроме того, подобный способ оценки сложно использовать к более высоким уровням знаний (например, в процентном эквиваленте практически невозможно оценить уровень понимания).

Однако сложности методической реализации не уменьшают практический запрос на абсолютную форму оценки. Во многих областях практики из соображений безопасности требуется установление критических точек, отражающих минимальный адекватный уровень в исполнении деятельности. В современном понимании предметно-ориентированные нормы не столько предоставляют информацию об абсолютной величине знаний, сколько отвечают на вопрос о том, *«сколько необходимо получить баллов, чтобы уровень знаний считался достаточным»* [11, 12].

Таким образом, при стандартизации, направленной на получение предметно-ориентированных норм, устанавливается некоторый стандарт выполнения теста (performance standard), который соотносится с задаваемым уровнем компетенций [11, 17, 20]. Этот стандарт выполнения фиксируется в виде некоторого «секущего» балла (cut score), иногда он же называется проходным баллом (passing score). По сути, «секущий» балл призван провести различия между двумя или более уровнями выполнения. Соответственно нормирование теста предполагает выделение некоторых категорий тестируемых, отличающихся уровнями выполнения (или достижения). Для одних тестов могут быть использованы лишь две категории, такие, как «прошёл /не прошёл», «аттестован /не аттестован»; для других требуется более градуированная клас-

сификация, например: «начальный уровень, базовый, продвинутый» и др.

В современной практике существует более десятка методов установления предметно-ориентированных норм [10, 11]. Практически все они требуют привлечения экспертов.

Методы установления предметно-ориентированных норм

По сути, сам процесс установления предметно-ориентированных норм представляет собой тщательно спланированную и организованную процедуру, направленную на получение квалифицированного экспертного мнения. Разные методы реализуют эту задачу разными способами.

Большинство методов установления предметно-ориентированных норм основаны на концепции так называемого *«рискованного экзаменуемого»* (borderline student) – имеющего одинаковую вероятность (50/50) сдать экзамен или провалить его. (Иногда используются и другие версии этой концепции: например, человек, обладающий минимальным необходимым уровнем способностей или компетенций – «minimally acceptable person», «minimally competent examinee» и т. д.).

Имея в виду такого рода гипотетических испытуемых, эксперты выносят суждения о том, сможет ли подобный испытуемый правильно ответить на каждый конкретный пункт теста, либо прогнозируют вероятность правильного ответа и т. д. Экспертов также могут просить подразделять конкретных экзаменуемых на группы относительно пограничной линии или сортировать выполненные ими работы (например, тексты или творческие задания). При этом мнения экспертов могут комбинироваться с реальными статистическими данными, например, о сложности пунктов или о распределении показателей в выделенных группах испытуемых.

Формат данной статьи не предполагает подробного описания конкретных технологий реализации разнообразных методов. Для ознакомления с ними можно обратиться к соответствующим источникам [9–10, 11, 13, 15, 18–20]. Здесь же приведём несколько примеров для иллюстрации основных подходов, используемых при установлении предметно-ориентированных норм.

Наиболее известный метод принадлежит У. Ангоффу и носит его имя [9]. В настоящее время существует много модификаций и усовершенствований этого метода, однако изна-

чальная оригинальная версия, несмотря на её некоторую «наивность», наиболее подходит, чтобы проиллюстрировать базовый принцип, характеризующий всю группу родственных методов. Специально отобранным экспертам предлагается просмотреть тест по пунктам и, имея в виду гипотетического «рискованного экзаменуемого», решить, мог бы такой человек ответить правильно на каждый из пунктов теста. Пункты, доступные, по мнению экспертов, для такого испытуемого, получают «1» балл, а усреднённая по группе экспертов сумма баллов для всего теста определяет «секущий» балл. Как правило, для надёжности такая процедура проводится два раза.

Вариации метода Ангоффа состоят в модификации задач для экспертов (например, они могут оценивать вероятность правильного ответа) и включают дополнительные процедуры организации групповой деятельности (дискуссии для стабилизации представления о «пограничном испытуемом», обмен мнениями между сериями оценок, обратную связь о полученных нормативах и т. д.) [15, 16, 18].

Иногда для облегчения когнитивной задачи экспертам предоставляются статистические данные, характеризующие пункты теста. Например, при использовании «Метода маркировки» (Bookmark method) эксперты снабжаются специальными буклетами (ordered item booklet – OIB), в которых пункты расположены по одному на странице в порядке возрастания их трудности. (Показатели сложности пунктов могут быть получены ранее, на этапе отбора пунктов при помощи IRT-технологии или традиционным способом). Экспертам предлагается поместить маркер на той странице буклета, где, по их мнению, вероятность гипотетического пограничного испытуемого ответить на вопрос правильно опускается ниже заданной величины (например, станет ниже 75 % или 67 %) [19].

Более известные у нас методы, такие, как «Метод контрастных групп» и «Метод пограничной группы» акцентируют внимание экспертов не на оценке пунктов теста, а на классификации экзаменуемых. Например, первый из названных методов предлагает экспертам (знающим экзаменуемых), выделить из них две группы: «masters» и «nonmasters». «Секущий балл» здесь получают способом, более ориентированным на традиционные статистические методы: он выбирается на пересечении эмпирических распределений тестовых оценок двух полученных групп так, чтобы наи-

лучшим образом дифференцировать эти группы [11].

В настоящее время за рубежом активно создаются новые методы установления предметно-ориентированных норм и совершенствуются уже известные. В целом новые модификации методов направлены на то, чтобы обеспечить (1) воспроизводимость результатов, (2) достоверность источников информации, (3) соответствие полученных норм целям тестирования [20]. Эти эффекты достигаются несколькими способами. Во-первых, за счёт введения процедур, повышающих надёжность экспертных суждений (предварительная тренировка экспертов, несколько раундов оценивания и т. д.). Во-вторых, это использование ресурсов групповых процессов в работе экспертов (групповые обсуждения, обмен мнениями, обратная связь в процессе принятия решений и т. д.). В-третьих, за счёт комбинации экспертных процедур с анализом реальных эмпирических данных (статистических характеристик пунктов, распределений тестовых оценок и т. д.).

Тем не менее все методы установления предметно-ориентированных норм не обходятся без критики. На самом деле, когда получен конкретный результат в виде «секущего» балла, практически невозможно оценить его достоверность. Качество получаемых норм этого вида целиком зависит от качества работы экспертов. Поэтому в стандартах AERA, APA & NCME, регламентирующих деятельность по установлению предметно-ориентированных норм, особое внимание уделяется *качеству организации самого процесса получения норм с помощью экспертов* [8].

Организация процесса получения предметно-ориентированных норм

В зарубежной практике существуют хорошо обоснованные и проработанные положения, касающиеся организации процесса получения предметно-ориентированных норм. Эти положения направлены на повышение эффективности работы экспертной группы и в итоге обеспечивают качество получаемых норм. Независимо от применяемого метода процесс установления предметно-ориентированных норм предполагает чётко определённую *последовательность стадий* [11]. К сожалению, такое пристальное внимание непосредственно к экспертной процедуре нетипично для отечественной практики разработки тестов, и это, на наш взгляд, является серь-

ёзным упущением. Поэтому остановимся на описании этих стадий чуть подробнее.

1. *Выбор метода стандартизации.* Выбор метода установления стандартов определяется двумя факторами: (1) целью, для которой создаются стандарты, (2) спецификой формата пунктов теста. Так, выделяют 4 типичных цели, для которых могут быть использованы предметно-ориентированные нормы: (а) сопровождение процесса обучения, (б) выпускной экзамен, (в) подготовка отчётности о качестве образовательного процесса, (г) сертификация и лицензирование.

Разное назначение теста предполагает формирование разных классификационных групп и соответственно разные требования к «секущему» баллу. Также обозначенные цели различаются по оценке затрат, связанных с возможными неверными решениями (некоторые из них допускают значительный риск, другие – должны максимально исключить его). Формат пунктов также следует учитывать при выборе метода, поскольку существуют методы, рассчитанные на дихотомические формы, на задания с множественным выбором или же предназначенные для тестов использующих задания с открытыми ответами и пробы деятельности.

2. *Планирование деятельности по установлению стандартов.* На этой стадии составляется подробный план экспертной процедуры и подготавливаются все необходимые материалы и технические средства, которые будут востребованы в процессе работы экспертов. Например, производится разработка и настройка программного обеспечения, подготовка печатных материалов (буклетов, бланков, оценочных листов). Также при необходимости формируются группы экзаменуемых, которые могут быть привлечены к тестированию.

3. *Подготовка описаний для разных категорий исполнения.* Принято, что при установлении предметно-ориентированных норм заранее обозначаются категории, которые планируется выделить посредством секущего балла (performance level labels – PLLs). Для этих категорий составляются подробные текстовые описания (performance level descriptions – PLDs). Эти описания помогают экспертам ориентироваться в поставленной задаче, а впоследствии могут быть использованы также и для интерпретации результатов.

4. *Отбор экспертов.* Для предметно-ориентированных норм задача формирования

выборки стандартизации заменяется задачей отбора экспертов (participants). В зависимости от специфики метода для работы отбираются эксперты (как правило, не менее 10 человек), которые хорошо знакомы с соответствующей содержательной областью. В отдельных случаях требуется также, чтобы эксперты были знакомы с людьми, привлекаемыми к эмпирическому исследованию в качестве испытуемых (examinee).

5. *Подготовка экспертов.* Группы экспертов, привлекаемые к установлению стандартов, проходят специальную подготовку. Подготовка включает подробное ознакомление с предстоящей процедурой, тренировку навыков оценки по заданной схеме и т. д. Если метод предполагает групповой процесс принятия решений, то в программу подготовки экспертов включают специальный социально-психологический тренинг, направленный на формирование навыков работы в группе.

6. *Сопровождение процедуры установления стандартов.* Сопровождение работы экспертов – очень ответственная задача. Специально подготовленные модераторы управляют процессом работы экспертов. Они отслеживают последовательность действий, собирают и обрабатывают полученные оценки, предоставляют обратную связь участникам и т. д. Во многих случаях такие специалисты должны владеть и социально-психологическими навыками работы с группой, поскольку (как того требуют отдельные методы) им приходится выступать в роли фасилитатора, управляя дискуссией и процессом принятия решений в группе.

7. *Оценка процесса установления стандартов.* В большинстве случаев качество готовых нормативов можно оценить, только оценив качество самого процесса их получения. Поэтому этой заключительной стадии процесса уделяется особое внимание. Оценке подвергаются все стадии процесса, для чего используется специально подготовленная документация. Для оценки корректности процесса используются и другие источники информации, такие, как видеозаписи групповых дискуссий и обратная связь от участников процесса (для чего им раздаются специальные анкеты). По результатам комплексной оценки процесса производится утверждение или отклонение полученных нормативов.

Повышенное внимание и активный социальный интерес к этой форме стандартизации

тестов вызваны тем, что на основе предметно-ориентированных норм принимаются важные решения, серьёзно влияющие на судьбу конкретных людей. Поэтому возможные ошибки, которые проходят незаметными при чисто описательных интерпретациях, здесь должны быть сведены к минимуму. В то же время сама условность метода экспертной оценки заставляет максимально жёстко регламентировать и контролировать его.

Полученные *предметно-ориентированные нормы для конкретного теста фиксируются* в виде констатации «секущего» балла (баллов), обозначения категорий обследуемых, выделяемых на основе нормирования (performance level labels – PLLs) и их подробного описания (performance level descriptions – PLDs). Также в Руководстве для пользователя указывается точное целевое назначение полученных нормативов.

Стандартизация с целью получения критериальных (criterion-referenced) норм

Два вида норм, описанные выше, служат полезными ориентирами для интерпретации: групповые нормы позволяют сравнивать друг с другом показатели отдельных испытуемых и данные по разным тестам, предметно-ориентированные нормы дают возможность соотносить уровень индивидуальных достижений с требуемым стандартом исполнения. Тем не менее всё ещё остаются неясными психологические следствия того или иного балла. Например, что значит, иметь уровень выше среднего по тестам доброжелательности или честности: как это будет отражаться на реальном поведении? Или какова будет успешность профессиональной деятельности для людей, преодолевших необходимый барьер при оценке качества усвоенных ими знаний? Для полноты интерпретации не хватает *соотносённости тестовых баллов с некоторыми внешними по отношению к тесту явлениями*.

Этот пробел восполняют критериальные нормы, которые связывают тестовые показатели с внешними параметрами, выступающими в качестве критерия. Такие нормы отражают вероятность того, что испытуемые, получившие некоторый балл по тесту, достигнут критериального показателя. Критериальные нормы широко применяют для целей прогноза и отбора. При этом они могут быть рассчитаны как для тестов достижений, так и для тестов, измеряющих способности и личностные черты.

Методы установления критериально-ориентированных норм

Наиболее распространенный способ представления критериальных норм – это таблицы ожидания [1, 4, 5]. В *таблицах ожидания* приводятся вероятности различных критериальных исходов для лиц, получивших тот или иной тестовый балл. Значения этих вероятностей определяются экспериментально. Для испытуемых, составляющих выборку стандартизации, получают показатели по тесту (который в этом случае называется «преддиктором») и по критерию. Затем с помощью специальных статистических процедур соотносят эти показатели.

Статистические процедуры, которые применяются для построения таблиц ожидания, не представляют большой сложности. Самый простой способ использует двумерное распределение, связывающее значения тестовых показателей с оценками по критерию. Для удобства тестовые показатели и оценки по критерию предварительно группируют в интервалы или же представляют в порядковой или номинальной шкале (например: ниже среднего /средний /выше среднего). В таблице ожиданий столбцы обычно соответствуют интервалам тестовых баллов, а строки – нескольким уровням критерия. В каждой ячейке таблицы фиксируется число случаев (в процентах), соответствующих каждому конкретному сочетанию тестовых результатов и оценок по критерию. Например, из такой таблицы можно получить сведения о том, сколько процентов учащихся, получивших при тестировании логического мышления результаты «ниже среднего», «средние» и «выше среднего», попадают в группу с низкой, средней и высокой успеваемостью по математике. (По существу, таблицы предсказания в некотором роде репрезентируют корреляционное поле, отражающее взаимосвязь тестовых и критериальных оценок).

Более детальные таблицы могут быть рассчитаны с учётом каждого тестового балла. При этом для составления таблиц ожидания рекомендуется использовать тестовые показатели, уже стандартизированные другим способом (например, переведённые в стены или T-баллы). Иногда для прогноза критериальных показателей используются уравнения регрессии. Однако в таблицах ожиданий, основанных на уравнениях регрессии, прогнозируемые показатели следует сопровождать значениями стандартных по-

грешностей (так как в этом случае они могут быть немалыми).

Критериальные нормы, как правило, разрабатывают для тестов, уже подтвердивших (на IV-м «Исследовательском» этапе) свою валидность по отношению к выбранному критерию. Однако для того, чтобы были получены полезные для практики нормы, необходим достаточно *высокий коэффициент корреляции между тестом и критерием*. В то время как для целей проверки критериальной валидности (согласно стандартам EFPA) «отвечает требованиям» уже коэффициент взаимосвязи с критерием $r=0,2$, такой показатель недостаточен для того, чтобы можно было получить «работоспособные» критериальные нормы. При таком уровне взаимосвязи таблицы ожидания не принесут существенной пользы для практики, поскольку будут «сильно размыты», особенно в середине.

Часто, исходя из практических целей, ориентированных на отбор и прогноз, таблицы ожиданий дополняются выделением критериального балла. *Критериальный балл* – это тестовый показатель, с этого балла прогнозируется успешность искомой деятельности не ниже заданной вероятности (например, успеваемость на уровне «не ниже среднего» с вероятностью 95 %). Это своего рода «секущий» балл, который маркирует заданную вероятность критериального поведения. Для конкретного теста критериальный балл, например, может быть равен 6 или 8 стенам или др.

Процедурно задача установления критериального балла заключается в том, чтобы «отсечь» с правой стороны таблицы ожиданий область тестовых результатов, которые гарантируют необходимый уровень выполнения деятельности с заданной вероятностью. Балл, через который проходит «секущая линия», и определяется как критериальный. (Конкретные технологии получения такого рода критериальных баллов подробно описаны в широко известных источниках: см., например, Анастази А., 2001, Готтсданкер Р., 1982).

Требования к *формированию выборки стандартизации*, используемой при получении критериальных норм, по существу, те же, что и для групповых норм. Качество таблицы ожидания зависит от репрезентативности и объёма конкретной выборки. При неадекватном формировании выборки стандартизации эффективность прогноза будет сомнительна из-за больших выборочных погрешностей или

из-за невозможности переноса полученных результатов на целевую популяцию [1, 4, 5].

Однако критериальные нормы редко рассчитывают для широких популяций. Поскольку тесты, использующие такие нормы, максимально практикоориентированы, то пользователя обычно интересует прогноз, затрагивающий вполне конкретные группы. Поэтому критериальные нормы обычно устанавливаются для локальных целевых групп, соответствующих назначению теста. Часто конкретные организации даже формируют свои нормы для внутренних целей отбора кандидатов. Однако иногда в качестве целевой может быть обозначена и достаточно широкая популяция (например, выпускники школ). В таких случаях при формировании выборок стандартизации необходимо ориентироваться на описанные выше принципы стратификации.

К одному тесту могут прилагаться несколько таблиц ожиданий, предназначенных для разных групп (например, для мужчин и женщин или для представителей разных профессий). Проблемы дифференцированной стандартизации подробно рассматривались при обсуждении групповых норм. Они же остаются актуальными и при подготовке норм критериальных.

Для одного теста также может быть получено *несколько разных критериальных норм*, связывающих показатели теста с разными критериями. Например, тест интеллекта может соотноситься и с успешностью обучения, и с успешностью некоторой профессиональной деятельности.

Серьёзная проблема, с которой сталкиваются разработчики, выбирающие для стандартизации этот вид норм, связана с *качеством критерия*. Во II части статьи вопрос качества критерия подробно рассматривался в разделе, касающемся проверки критериальной валидности теста [3]. Не повторяя детали обсуждения, напомним, что, учитывая современное состояние отечественной психодиагностики, в большинстве случаев сложно найти адекватные и надёжные методы замера критерия. Особые трудности возникают, если в качестве критериев используется сложная по своей структуре деятельность, где не совсем ясна относительная важность отдельных функций и отсутствуют проверенные средства их измерения.

Однако если эта проблема решена на этапе проверки критериальной валидности, то она уже не будет актуальной на этапе стан-

дартизации. На самом деле, для расчета критериальных норм можно воспользоваться уже имеющимися данными (при условии, что критериальная валидность теста проверялась на репрезентативной и достаточной по объёму выборке). Нередко при формировании норм существует необходимость расширить выборку. При этом для замера критерия имеет смысл оставить тот же метод, который использовался и при проверке критериальной валидности.

В настоящее время критериальные нормы широко применяются на практике, однако, это не избавляет их от критики. Таблицы ожидания иллюстрируют с особой ясностью проблему практической психологии – а именно – сложность предсказания индивидуальных результатов на основе статистического прогноза [1, 5, 7]. Например, если конкретному показателю теста соответствует вероятность 0,45 достижения критерия (например, успешной сдачи экзамена), то это действительно означает, что 45% испытуемых с таким показателем сдадут экзамен, но кто именно составит эти 45%?

Тем не менее, несмотря на неизбежные ошибки предсказания, касающиеся конкретных людей, критериальные нормы и принятые на их основе решения всё же следует признать полезными. Как известно, применение теста на практике оправдано, если ошибка оценки, полученная при использовании его результатов, меньше той, которая могла бы иметь место при принятии решений совсем без тестирования. Например, если при отборе кандидатов на вакантное место критериальные нормы позволяют уменьшить долю ошибочно принятых на работу специалистов, не обладающих необходимыми компетенциями, то такой тест может быть признан не только полезным, но и экономически выгодным.

Напомним, что для многих видов деятельности ошибочное принятие несоответствующих кандидатов (false-positive decision) представляется более нежелательным, с точки зрения социальной безопасности, чем ошибочное отклонение тех, кто мог бы справиться с работой на должном уровне (false-negative decision). Поэтому критериальный балл (о котором говорилось выше), отмечающий необходимый для желаемого поведения тестовый показатель, обычно устанавливаются в соответствии с достаточно высокими значениями вероятности (как правило, не ниже 80 %).

Полученные критериальные нормы фиксируются в виде развёрнутых таблиц ожидания (которые могут быть рассчитаны для разных групп и для разных критериев). При необходимости каждая таблица сопровождается указанием на соответствующий критериальный балл. В Руководстве для пользователя обязательно приводятся количественные и качественные характеристики выборок, на которых были получены нормы. Также указывается точное целевое назначение критериальных норм и при необходимости описываются правила принятия решений на основе полученных нормативов.

В заключение стоит отметить, что, как уже говорилось выше, конкретный тест может сопровождаться разными видами норм. Например, тестовые показатели могут быть переведены в Т-баллы, а на основе Т-баллов построены таблицы ожиданий, связывающие тест с критериальным поведением. Также тест может быть одновременно снабжён и предметно-ориентированными нормами, отражающими уровень освоения некоторых навыков, и критериально-ориентированными, показывающими вероятность успешности в разных видах деятельности для людей с разными тестовыми показателями. Напомним, что выбор вида норм, прежде всего, определяется практическим назначением теста. Однако использование одновременно разных видов норм и их соотнесение предоставляет больше возможностей для интерпретации, что повышает практическую ценность теста.

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2001. – 668 с.
2. Батурин, Н.А. Технология разработки тестов: часть I / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 6. – № 30(163). – С. 4–14.
3. Батурин, Н.А. Технология разработки тестов: часть II / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 7. – № 42(175). – С. 11–25.
4. Готтсданкер, Р. Основы психологического эксперимента / Р. Готтсданкер. – М.: МГУ, 1982. – 464 с.
5. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование / П. Клайн;

под ред. Л.Ф. Бурлачука. – Киев: Изд-во «ПАН Лтд», 1994. – 688 с.

6. Наследов, А.Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А.Д. Наследов. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.

7. Шмелёв А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелёв. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

8. American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education. *Standards for educational and psychological testing*. – Washington, DC: American Educational Research Association, 1999. – 101 p.

9. Angoff, W.H. *Scales, norms, equivalent scores* / W.H. Angoff // *Educational measurement* / ed. by R.L. Thorndike. – Washington, DC: American Council on Education, 1971. – P. 508–600.

10. Cizek, G.J. *Setting performance standards: concepts, methods, and perspectives* / G.J. Cizek. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.

11. Cizek, G.J. *Standard Setting* / G.J. Cizek // *Handbook of test development* / ed. by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – Mahwah, NJ: Lawrence Associates, 2006. – P. 225–258.

12. Downing, S.M. *Twelve steps for effective test development* / S.M. Downing // *Handbook of test development* / ed. by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – Mahwah, NJ: Lawrence Associates, 2006. – P. 3–25.

13. Ebel, R.L. *Essentials of educational measurement* / R.L. Ebel. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1979.

14. Furr, R.M. *Psychometrics: an intro-*

duction / R. Michael Furr, Verne R. Bacharach. – Sade Publications, 2008. – 349 p.

15. Hambleton, R.M. *Using an extended Angoff procedure to set standards on complex performance assessments* / R.M. Hambleton, B.S. Plake // *Applied Measurement in Education*. – 1995. – №8. – P. 41–56.

16. Impara, J.C. *Standard Setting: an alternative approach* / J.C. Impara, D.S. Plake // *Journal of Educational Measurement*. – 1998. – №35. – P. 353–366.

17. Kane, M. *Validating the performance standards associated with passing scores* / M. Kane // *Review of Educational Research*. – 1994. – №64 (3). – P. 425–461.

18. Kingston, N.M. *Setting performance standards using the body of work method* / N.M. Kingston, S.R. Kahl, K. Sweeney, L. Bay // *Setting performance standards: concepts, methods, and perspectives* / ed. by G.J. Cizek. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. – P. 219–248.

19. Mitzel, H.C. *The bookmark procedure: Psychological perspectives* / H.C. Mitzel, D.M. Lewis, R.J. Patz, D.R. Green // *Setting performance standards: concepts, methods, and perspectives* / ed. by G.J. Cizek. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. – P. 283–312.

20. Zieky, M.D. *So much has changed: how the setting of cut scores has evolved since the 1980s* / M.D. Zieky // *Setting performance standards: concepts, methods, and perspectives* / ed. by G.J. Cizek. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. – P. 159–174.

Поступила в редакцию 24 января 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University: MNN17@yandex.ru.

МЕТОД ПРЯМОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕТЕСТОВОЙ НАДЁЖНОСТИ И РАЗРЕШАЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

А.Л. Загорюев

Предложен простой и удобный алгоритм прямого определения ретестовой надёжности и разрешающей способности психодиагностической методики, учитывающий погрешность неоднородности выборки. Рассмотрено использование предложенного подхода на примере диагностики выраженности акцентуаций личности.

Ключевые слова: измерения, метрология, психодиагностика, психометрическая характеристика, ретестовая надёжность, разрешающая способность.

Проблема надёжности психодиагностических измерений чрезвычайно актуальна. С одной стороны, отсутствие в абсолютном большинстве отечественных изданий данных о надёжности результатов, полученных с помощью той или иной методики, приводит к массовому некритичному применению методов психодиагностики, что, в свою очередь, определяет отношение общественного мнения к психологическому исследованию и к профессии «психолог». С другой стороны, психологи, не владея практическими навыками определения метрологических характеристик используемых ими методик, предпочитают принять тезис о неприменимости к психодиагностическим методикам требований, традиционных для других естественных наук.

Л.Ф. Бурлачук и С.М. Морозов в словаре-справочнике по психодиагностике определяют надёжность как «характеристику методики, отражающую точность психодиагностических измерений, а также устойчивость результатов теста к действию посторонних случайных факторов» [2, с. 193]. Специфика психических свойств состоит в существенно большей по сравнению с физическими свойствами изменчивости, на первый взгляд спонтанной, а на самом деле, видимо, подверженной влиянию огромного количества факторов-помех. Тем не менее цель психодиагностики как науки и состоит в том, чтобы с помощью новых инструментальных разработок постепенно учитывать всё больше типов помех и тем самым приближаться к измерению собственно интересующего нас свойства.

Точность измерений вообще и психодиагностических в частности целесообразно ха-

рактеризовать погрешностями измерений – чем выше погрешности, тем хуже точность. Погрешности бывают двух видов: систематические и случайные. В первом случае говорят о точности-правильности, а во втором – о точности-воспроизводимости. Систематическая погрешность фиксирует отклонение центра распределения эмпирических результатов и соответственно результата каждого измерения, полученного исследуемой методикой, от истинного значения, и для её определения необходимо это истинное значение знать. Проще всего установить величину систематической погрешности путём проведения измерений на эталонном объекте, если возможно его существование. В этом случае в результаты измерений вводится поправка за «сдвиг», объясняемый исключительно особенностями измерительной процедуры. Однако важнейшей особенностью психологического измерения как раз является принципиальное отсутствие эталонов и очень ограниченная возможность найти причины «сдвига» распределения величины в одной эмпирической совокупности данных относительно любой другой. Косвенно качественная характеристика систематической погрешности измерений осуществляется в ходе валидации методики, когда теоретическое определение исследуемого конструкта сопрягается с его инструментальным отражением, в результате чего психодиагност вправе считать, что методика измеряет желаемое свойство. Иногда в качестве эталона выступает выборка, на которой производится «стандартизация» методики. Но и в этом случае, как правило, редко можно быть уверенным в том, что любой «сдвиг» центра распре-

деления обязан своим существованием особенностям измерительного инструмента, а не особенностям объекта исследований.

В случае осуществления повторных измерений имеет смысл говорить не о систематической погрешности методики, а о систематическом расхождении результатов ретеста. Проверку его наличия можно осуществить, например, с помощью критерия Стьюдента по выборке в целом или по отдельным интервалам изменения зависимой переменной, в которых нет оснований предполагать влияния факторов, приводящих к «сдвигу» данных. При этом удобно рассмотреть точечную диаграмму связи результатов двух сопоставляемых исследований (рис. 1), на которой признаком наличия систематических расхождений может быть нелинейный тренд или отчётливый сдвиг линейного тренда от линии равенства результатов. Причиной наличия систематического расхождения могут быть либо изменения выраженности исследуемого свойства, произошедшие за время между первичным и повторным исследованием, либо изменения в процедуре повторного исследования, либо влияние фактора-помехи, отсутствовавшего в первичном исследовании. Тем не менее выявления систематического расхождения рядов данных ещё недостаточно, чтобы говорить о точности измерений, а следовательно, и об их надёжности.

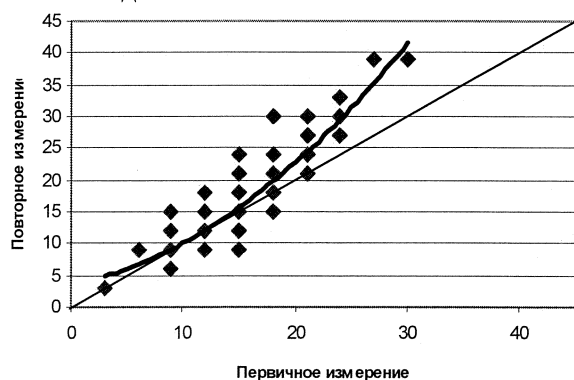

Рис. 1. Пример систематических расхождений результатов первичного и повторного измерения

Таким образом, в качестве характеристики надёжности психодиагностических измерений остаётся рассмотреть их случайную погрешность, или её квадрат – дисперсию. Общую дисперсию результатов эмпирического исследования свойства конкретного объекта принято представлять [1, 2] как сумму двух дисперсий: первая S_t^2 («истинная») обязана своим существованием естественным изменениям измеряемого свойства одного и того же

объекта в разные моменты времени (нестабильность во времени), а вторая S_e^2 отражает нестабильность измерительного инструмента (дисперсия ошибки собственно измерения):

$$S_x^2 = S_t^2 + S_e^2. \quad (1)$$

Если поделить обе части приведённого выражения на S_x^2 и ввести понятие коэффициента надёжности

$$\alpha = \frac{S_t^2}{S_x^2}, \quad (2)$$

то получим

$$\alpha = 1 - \frac{S_e^2}{S_x^2}. \quad (3)$$

Если распределение эмпирических результатов нормальное (а в случае N измерений свойства X одного и того же объекта это можно считать справедливым), то величина общей дисперсии результатов определяется очень просто:

$$S_x^2 = \frac{\sum_{i=1}^N (X_i - \bar{X})^2}{N-1}. \quad (4)$$

Решить вторую часть задачи – найти дисперсию собственно измерительной процедуры можно только в том случае, если измеряемое свойство на протяжении всего периода исследования неизменно. Ещё раз подчеркнём, что в психологическом измерении мы не имеем права принять такое предположение. Таким образом, отделить S_t^2 от S_e^2 невозможно, следовательно, невозможно и определить коэффициент надёжности α .

Может быть, поэтому, переходя к методам определения надёжности, авторы справочника [2, с. 193] осуществляют подмену понятий – многократные повторные измерения свойства у одного и того же испытуемого они заменяют на повторное измерение свойства у группы испытуемых. Если в первом случае мы, действительно, вправе ожидать нормальное распределение результатов теста, то во втором случае распределение оценок испытуемых будет целиком определяться составом выборки. При этом оно может быть каким угодно (в том числе и нормальным), к тому же путём селекции выборки квазинормальное распределение можно обеспечить искусственно. Совершенно понятно, почему осуществлён такой переход – выполнить многократные исследования одного и того же ис-

пытуемого и обеспечить при этом стабильность независимых переменных исследования невозможно, такова специфика психологического (а вообще говоря, и всякого другого) измерения. Однако если в первом (идеальном) случае центр распределения имеет смысл оценки, наиболее близкой к точной, то во втором случае центр распределения (среднее арифметическое) не имеет отношения к «точной» оценке, он может иметь другой смысл – смысл групповой статистической нормы. Дисперсия результатов в первом случае будет суммой двух вышеуказанных дисперсий, а во втором к ним добавится дисперсия неоднородности группы S_g^2 , влияние которой целесообразно исключить:

$$S_x^2 - S_g^2 = S_t^2 + S_e^2. \quad (5)$$

Коэффициент надёжности, характеризующий методику, в этом случае также должен учитывать дисперсию неоднородности группы:

$$\alpha = 1 - \frac{S_e^2}{(S_x^2 - S_g^2)}. \quad (6)$$

Совершенно справедливо авторами справочника [2] указывается, что «реальные оценки ... испытуемых при повторном обследовании изменяются, и их распределение в той или иной степени отличается от исходного» (под исходным понимается первичное). Но затем утверждается, что «при этом дисперсия нового распределения выше исходного на величину дисперсии ошибки измерения» [2, с. 194]. Согласиться с этим утверждением невозможно, так как дисперсия ошибки измерения присутствует и в первичном (исходном) и в повторном распределении, оставаясь неизвестной. Точно так же в обоих измерениях присутствует «истинная» дисперсия и дисперсия неоднородности выборки.

Относительная доля дисперсии нестабильности (ошибки) измерения в общей дисперсии также должна определяться с учётом дисперсии неоднородности. Преобразуя формулу (6), можно получить соответствующее выражение, иллюстрирующее влияние этого параметра:

$$\frac{S_e^2}{S_x^2} = (1 - \alpha) \cdot \left(1 - \frac{S_g^2}{S_x^2}\right). \quad (7)$$

В учебной и справочной литературе [1, с. 102; 2, с. 199] без каких-либо обоснований предлагается в качестве оценки надёжности теста использовать коэффициент парной линейной корреляции Пирсона между результа-

тами исходных и повторных измерений. Несомненно, что коэффициент корреляции и надёжность – это характеристики подобные и между ними должна быть связь. Однако следует признать, что конструкт «надёжность» применительно к поставленной задаче теоретически более обоснован. Коэффициент парной линейной корреляции определяет степень близости экспериментальных точек к прямой, осредняющей их распределение, при этом эта прямая вовсе не обязательно представляет собой биссектрису прямого угла в координатах $X_2 - X_1$ (см. рис. 1). В то же время исходное определение надёжности однозначно указывает на её смысл, заключающийся в воспроизводимости результатов, т. е. их совпадении при первичном (X_1) и повторном (X_2) измерении. Графическое представление воспроизводимости выглядит как облако точек, рассеянных около прямой линии $X_2 = X_1$ в декартовых координатах (рис. 2).

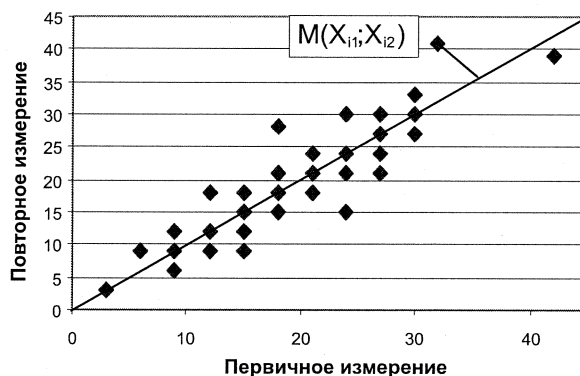

Рис. 2. Графическое представление воспроизводимости результатов измерений

Как уже указывалось выше, **общая дисперсия** результатов измерений представляет собой сумму трёх составляющих – «истинной» дисперсии, дисперсии нестабильности измерений и дисперсии неоднородности выборки. Общую дисперсию можно вычислить как сумму дисперсий первичного и повторного измерения по формуле

$$S_x^2 = \frac{\sum_{i=1}^N (X_{1i} - \bar{X}_1)^2 + \sum_{i=1}^N (X_{2i} - \bar{X}_2)^2}{(N - 1)}. \quad (8)$$

Истинное значение свойства X_i нам неизвестно, но его приближённой оценкой может быть среднее значение из двух полученных X_{1i} и X_{2i} , т. е. координата основания перпендикуляра, опущенного из точки $M_i(X_{1i}; X_{2i})$ на прямую $X_2 = X_1$. Дисперсия приближённых оценок истинных значений совокупности

Общая психодиагностика

объектов представляет собой **дисперсию неоднородности** группы. Отметим, что распределение проекций эмпирических точек на прямую $X_2 = X_1$ конгруэнтно распределению самих эмпирических точек. Несложные геометрические построения показывают, что формула дисперсии неоднородности группы будет выглядеть следующим образом:

$$S_g^2 = \frac{\sum_{i=1}^N [(X_{1i} + X_{2i}) - (\bar{X}_1 + \bar{X}_2)]^2}{4 \cdot (N - 1)}. \quad (9)$$

Чем ближе точки $M_i (X_{1i}; X_{2i})$ к прямой $X_2 = X_1$, тем точнее измерения. Следовательно, совокупность отклонений эмпирических точек от линии регрессии (т. е. длин перпендикуляров, опущенных из точки на прямую) может служить характеристикой **дисперсии нестабильности измерений**:

$$S_e^2 = \frac{\sum_{i=1}^N (X_{1i} - X_{2i})^2}{2N}. \quad (10)$$

Приведённые выражения полностью характеризуют ситуацию измерений и позволяют использовать формулу (6) для прямого определения коэффициента надёжности.

Апробация изложенных представлений выполнена нами на материале двукратной диагностики акцентуаций личности (по Шмишеку) двадцати восьми военнослужащих срочной службы. Повторная диагностика проводилась через шесть месяцев после первичной, что исключало эффект запоминания. Результаты эмпирических исследований приведены в табл. 1.

Определение наличия систематических расхождений первичного и повторного исследования выполнено путём оценки статистической значимости отклонений среднего расстояния от точек на диаграмме (см. рис. 2) до прямой с угловым коэффициентом, равным 1, от нуля с помощью критерия Стьюдента:

$$t_s = \frac{\bar{d}}{S_d} \cdot \sqrt{N},$$

$$\text{где } \bar{d} = \frac{\sum_{i=1}^N (X_{1i} - X_{2i})}{N \cdot \sqrt{2}}; \quad S_d = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^N (d_i - \bar{d})^2}{(N - 1)}};$$

$$d_i = \frac{(X_{1i} - X_{2i})}{\sqrt{2}}.$$

По всем типам акцентуаций, кроме тревожного, систематических расхождений не

выявлено. В данные повторных исследований по тревожному типу акцентуации для последующего определения надёжности введена соответствующая поправка.

Результаты расчёта коэффициента надёжности по всем десяти шкалам опросника приведены в табл. 2. Величина коэффициента α невелика и составляет от 0,260 до 0,661. Доля ошибки измерения в общей погрешности значительна – от 45 % в лучшем случае (шкала акцентуации по эмотивному (Эм) типу) до 78 % (шкала акцентуации по циклотимическому (Ц) типу). Если же погрешность неоднородности не учитывать, то оценки этой доли будут существенно завышены (58 и 86 % соответственно).

В табл. 1 приведены результаты вычисления коэффициента парной линейной корреляции Пирсона первичных и повторных результатов r , который в совокупности субшкал опросника тесно коррелирует с коэффициентом надёжности (рис. 3), меняясь от $-0,244$ до $0,637$. Это позволяет применить к коэффициенту надёжности теста критерий статистической значимости r -Пирсона. С учётом объёма выборки уровню значимости $p \leq 0,01$ соответствует значение $r \geq 0,479$. В свою очередь, эта величина на данной выборке соответствует значению $\alpha \geq 0,572$. Соответствующие пороговые значения для уровня значимости $p \leq 0,05$ составляют: $r \geq 0,375$ и $\alpha \geq 0,514$. Если коэффициент корреляции может принимать значения от -1 до $+1$, то коэффициент надёжности всегда положителен. Приведённые данные позволяют согласиться с выводом о том, что ретестовая надёжность характеризует скорее результаты измерений, чем их методику [3].

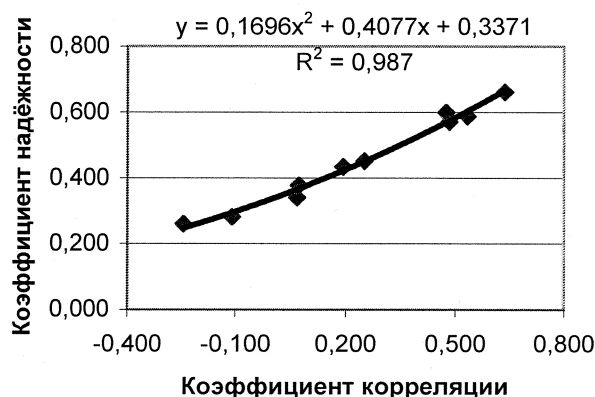

Рис. 3. Диаграмма связи коэффициента корреляции первичных и повторных измерений акцентуаций личности с величиной коэффициента надёжности в совокупности субшкал

Таблица 1

Результаты первичной и повторной диагностики акцентуаций личности военнослужащих
(по методике Леонгарда-Шмишека), баллы

№ п/п	Типы акцентуаций																			
	Г		Дем		З		П		В		Дис		Т		Эк		Эм		Ц	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
1	18	6	16	8	8	6	12	2	0	0	15	15	9	3	18	0	18	15	12	6
2	18	15	12	8	10	8	8	12	6	9	6	6	3	9	18	12	15	15	15	9
3	15	15	14	14	12	8	16	14	6	9	9	12	9	9	12	18	18	21	15	6
4	21	24	18	16	16	12	12	14	9	9	3	6	0	0	12	12	9	6	9	12
5	21	15	14	14	12	12	10	10	12	3	9	12	0	3	12	12	15	15	9	12
6	15	15	16	16	10	10	12	8	9	6	15	15	3	9	18	24	12	12	6	9
7	21	18	18	14	12	10	12	10	0	0	6	12	6	12	12	12	12	9	12	6
8	12	18	10	16	12	12	4	10	0	12	8	15	0	3	0	0	9	9	6	12
9	21	21	16	20	12	12	12	8	3	3	12	9	3	0	12	12	15	18	6	12
10	9	3	6	6	18	8	12	8	6	21	15	12	3	21	6	12	15	6	9	12
11	12	15	6	8	12	12	8	6	6	3	18	12	3	3	6	18	18	18	6	12
12	21	21	18	18	12	12	10	10	6	9	3	9	3	6	12	6	15	12	6	12
13	21	15	14	18	10	8	12	14	3	3	9	9	3	0	12	12	15	12	12	6
14	18	15	8	14	16	6	8	12	6	12	15	9	0	6	12	24	12	9	12	21
15	21	15	18	22	10	12	10	20	0	24	15	15	0	15	0	18	12	18	6	18
16	18	18	12	10	8	12	10	8	6	12	9	6	9	15	6	6	9	6	6	6
17	21	24	20	22	12	10	14	6	12	9	3	9	3	0	18	12	15	18	18	12
18	21	18	18	10	12	6	8	2	6	3	6	6	3	6	12	6	15	12	12	9
19	18	12	14	10	8	16	18	16	3	15	12	9	12	12	18	18	15	9	12	9
20	21	21	20	14	12	10	10	10	9	3	6	12	3	3	12	12	18	15	12	6
21	18	24	12	16	14	18	8	10	6	3	12	9	3	3	12	12	3	3	12	9
22	21	21	10	14	16	10	12	14	9	6	6	12	9	15	18	12	18	18	12	12
23	15	15	6	14	16	10	12	12	6	6	12	12	9	3	12	6	9	9	18	9
24	18	9	14	8	6	6	16	8	15	3	15	15	9	3	6	6	15	9	15	9
25	18	21	18	16	10	10	4	14	0	3	9	9	3	9	6	12	9	15	9	9
26	12	12	12	8	16	16	14	8	3	6	18	15	3	0	0	12	15	9	9	12
27	18	21	14	16	10	18	8	10	6	6	12	12	3	15	6	6	9	12	12	15
28	12	15	6	12	12	12	10	8	3	3	9	18	3	0	12	18	15	12	9	12

Примечание. Г – Гипертимный; Дем – Демонстративные; З – Застревающие; П – Педантичные; В – Возбудимые; Дис – Дистимичные; Т – Тревожные; Эк – Экзальтированные; Эм – Эмотивные, Ц – Циклотимные

Таблица 2

Результаты оценки ретестовой надёжности шкал опросника Шмишека

	S_x^2	S_g^2	S_e^2	α	r	$\frac{S_e}{S_x}$
Г	39,23	14,72	10,13	0,587	0,534	0,508
Дем	38,05	14,03	9,64	0,599	0,474	0,503
З	19,50	5,20	8,78	0,341	0,067	0,695
П	25,86	6,92	11,79	0,377	0,073	0,675
В	48,70	10,94	27,16	0,281	-0,110	0,747
Дис	30,32	11,08	8,27	0,570	0,484	0,522
Т	46,26	14,07	17,69	0,451	0,250	0,618
Эк	66,24	19,75	26,36	0,433	0,193	0,631
Эм	34,27	13,91	6,91	0,661	0,637	0,449
Ц	25,99	4,91	15,59	0,260	-0,244	0,775

Действительно, изменение характера распределения эмпирических точек приведёт к изменению и r и α , несмотря на то, что методика осталась прежней.

В приведённом примере использованы данные по весьма ограниченной выборке ($N=28$). Тем не менее они свидетельствуют о применимости предложенной модели для прямого определения ретестовой надёжности методики и количественной оценки её статистической значимости на конкретной выборке. Однако следует указать, что все предыдущие рассуждения проведены в предположении, что совокупность данных, по которой оценивается надёжность теста, представлена в метрической или абсолютной шкале и гомоскедастична, т. е. характеризуется постоянной величиной дисперсии во всём диапазоне изменения измеряемого свойства. Если дисперсия не может считаться постоянной, то, соответственно, и характеристики надёжности также необходимо рассматривать в рамках диапазонов гомоскедастичности.

Представления, послужившие основой вышеприведённых рассуждений, позволяют сделать ещё один шаг в метрологической характеристике методики. Смысл ретестовой надёжности заключается в её понимании не только как индикатора устойчивости результатов, но и как характеристики дискриминативности самой процедуры измерений. Другими словами, если методика признаётся статистически надёжной, то она должна быть способна классифицировать исследуемую выборку по изучаемому свойству с достаточно малым интервалом. Этот интервал в метрологии носит наименование **порога чувствительности** [4], численно равного минимальному расстоянию по оси свойства X , различимому методикой. При этом обычно в физико-химических измерениях отмеченный интервал определяют для случая, когда X стремится к нулю – тогда действительно можно говорить о пороге, ниже которого методика нечувствительна. В нашем случае более целесообразно говорить о **разрешающей способности** методики как её способности различать близкорасположенные значения X .

Естественно, что величина разрешающей способности будет определяться, так же как и в любом статистическом критерии, двумя параметрами – объёмом выборки N , по результатам исследования которой производятся психометрические процедуры (точнее, числом степеней свободы f), и уровнем значимости p . Формулу для её определения легко получить, рассмотрев выражение для эмпирического

значения критерия Стьюдента в задаче сопоставления двух значений X_A и X_B , где A и B – индексы испытуемых (рис. 4).

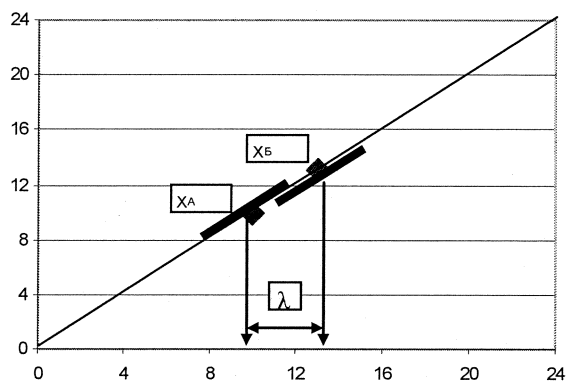

Рис. 4. К определению величины порога чувствительности методики λ

X_A и X_B представляют собой средние арифметические первичного и повторного результата:

$$X_A = \frac{X_{A_1} + X_{A_2}}{2}; \quad X_B = \frac{X_{B_1} + X_{B_2}}{2}.$$

Оценка величины средней квадратической погрешности значения X_A , произведённая по двум измерениям, численно равна расстоянию от точки $M_i (X_{i1}; X_{i2})$ до прямой $X_2 = X_1$ (см. рис. 2):

$$\Delta_{X_A} = \frac{|X_{A_2} - X_{A_1}|}{\sqrt{2}}.$$

Поскольку нас интересует не достоверность различия двух эмпирических случайных чисел, а разрешающая способность методики в данной выборке, для вычисления критерия Стьюдента мы должны использовать усреднённое значение погрешности $\overline{\Delta_X}$ по всей совокупности данных в предположении нормального распределения величин Δ_{X_i} . Тогда дисперсию этой оценки $S_{\Delta_X}^2$ можно приписать обоим достаточно близкорасположенным оценкам – и X_A , и X_B

$$S_{\Delta_X}^2 = \frac{\sum_{i=1}^N (\Delta_{X_i} - \overline{\Delta_X})^2}{N(N-1)}. \quad (11)$$

С учётом сделанных допущений и обозначений значение критерия Стьюдента будет выглядеть следующим образом:

$$t_{p,f} = \frac{|X_A - X_B|_{p,f}}{\sqrt{2 \cdot S_{\Delta_X}^2}}. \quad (12)$$

где число степеней свободы $f = N-1$.

Введя обозначение $\lambda_{p,f} = |X_2 - X_1|_{p,f}$ и преобразуя (12), получаем выражение для разрешающей способности методики

$$\lambda_{p,f} = t_{p,f} \cdot S_{\Delta_x} \cdot \sqrt{2}. \quad (13)$$

Предложенный алгоритм был опробован на данных диагностики выраженности акцентуаций личности военнослужащих (см. табл. 1). Результаты определения разрешающей способности опросника Шмишека приведены в табл. 3 для уровней значимости $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$.

Таблица 3
Результаты определения разрешающей способности опросника Шмишека (N=28), баллы

Шкала	$\lambda(0,05; 27)$	$\lambda(0,01; 27)$
Г	1,2	1,6
Дем	1,0	1,3
З	1,2	1,7
П	1,2	1,6
В	2,2	3,0
Дис	1,1	1,4
Т	1,7	2,3
Эк	2,1	2,8
Эм	0,9	1,2
Ц	1,1	1,5

Полученные сведения позволяют статистически обоснованно дифференцировать испытуемых. Так, на уровне значимости $p \leq 0,01$ выраженность большинства акцентуаций можно считать различной, если результаты двух индивидуумов разнятся не менее чем на 2 балла. Наиболее жёсткими являются требования к результатам по шкалам возбудимого, тревожного и экзальтированного типов – здесь для дифференциации испытуемых необходима разница в 3 балла.

Литература

1. Бодалёв, А.А. *Общая психодиагностика* / А.А. Бодалёв, В.В. Столин. – СПб.: Речь, 2004. – 440 с.
2. Бурлачук, Л.Ф. *Словарь-справочник по психодиагностике* / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 528 с.
3. Виноградов, А.Г. <http://www.ht.ru/online/forum/?forum=14&topic=278>
4. *Метрология* / А.А. Дегтярёв, В.А. Лептягин, А.И. Погалоу, С.В. Угольников. – М.: Академический Проект, 2006. – 256 с.

Поступила в редакцию 28 января 2010 г.

Загорюев Анатолий Леонидович. Екатеринбургский филиал АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», директор, канд. геол.-мин. наук, чл.-корр. Балтийской педагогической академии: eflengu@mail.ru, zagoryuev@mail.ru.

Anatolij L. Zagorjuev. Yekaterinburg branch of Independent Educational Institution of the Higher Professional Education “The Leningrad State University named after A. S. Pushkin”, the director, candidate of geological and mineralogical sciences, corresponding member of The Baltic pedagogic academy: eflengu@mail.ru, zagoryuev@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ

Н.А. Батурин, А.В. Минбалеев

Предпринята попытка адаптировать базовые положения норм авторского права к психологической сфере, рассмотреть некоторые спорные для психологии вопросы толкования общих представлений о произведении, охраняемом авторским правом, прежде всего применительно к психодиагностическим методикам. Выделены компоненты методик, охраняемые и неохраняемые авторским правом. Проанализирован правовой статус переведённых и адаптированных зарубежных методик, в том числе охрана торгового знака методики.

Ключевые слова: авторское право, произведение, продукт деятельности психолога психодиагностика, перевод и адаптации, товарный знак.

Одной из ключевых проблем современной психологии является защита авторских прав на психологические продукты, из которых наиболее распространёнными являются: а) научные работы, б) результаты научных исследований, в) различного рода инструменты измерения и оценки, г) процедуры и содержание воздействия (интервенции) и д) программы активных методов обучения (тренинги).

В настоящее время особенно актуальна проблема защиты авторских прав для психодиагностики, поскольку почти во всех сферах психологической практики, использующих психодиагностические методики, происходит массовое нарушение интеллектуальных авторских прав. Связано это с тем, что именно психодиагностические методики обладают наиболее выраженной имущественной ценностью.

Наиболее распространёнными нарушениями авторских прав в области психодиагностики являются неправомерное издание составных произведений (сборников тестов, «энциклопедий» лучших тестов и т. д.) и производных произведений (публикации незаконно выполненных переводов и адаптаций зарубежных тестов, «вольное» обращение с отечественными тестами), распространение контрафактных психологических продуктов, неправомерное распространение психодиагностических методик через Интернет и доведение их до всеобщего сведения через другие информационно-телекоммуникационные сети, сканирование и размножение тестов на бумажных и электронных носителях.

Многие из этих нарушений связаны с

почти полной правовой безграмотностью специалистов-психологов. Осознание этого факта психологическим сообществом произошло сравнительно недавно.

В советский период авторские права в психодиагностике, как и в психологии в целом, осознавались и охранялись по аналогии с обычными литературными и научными произведениями. Поэтому довольно строго соблюдались в основном только личные нематериальные авторские права: право авторства, право на имя, право на обнародование и право на защиту произведения от искажения. Значение охраны имущественных авторских прав осознавалось и отстаивалось только в единичных случаях, а права зарубежных авторов практически игнорировались [14, 15]. В обществе их соблюдение считалось необязательным.

Так, подавляющее большинство зарубежных тестов, разным путём попавшими в СССР, были переведены без понимания необходимости охраны авторских прав и разработчиков, и издателей теста-оригинала. Многие годы они копировались всеми доступными для того времени средствами и распространялись из рук в руки, а позднее – через публикации в широкой печати. Появление после распада СССР первых в России издательств психодиагностического инструментария и фирм «Психодиагностика» и «ИМАТОН» было встречено в основном позитивно. Однако увеличение числа издательств, широкое распространение оснащённости учреждений и организаций цифровой печатной техникой и использование Интернет-технологий для целей размножения и рас-

пространения таких методик породили существенные проблемы в охране авторских прав как отечественных, так и зарубежных авторов и правообладателей.

В современной России охрану авторских прав по сути дела можно исчислять с момента вступления в силу в 1993 г. Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» [3]. Однако только введение в действие с 01.01.2008 г. IV части Гражданского кодекса Российской Федерации [ГК РФ, 2], включающем в себя в систематизированном виде все основные законы, определяющие судьбу интеллектуальной собственности, инициировало привлечение более пристального внимания психологов к охране авторских прав на психодиагностический инструментарий. Первое, что пришлось принять специалистам-психологам, – это отсутствие отдельных правовых норм об охране их специфических продуктов. Поэтому, с одной стороны, только понимание общего содержания норм об охране авторских прав позволит разработчикам психологических продуктов и пользователям-психологам использовать в регуляции своих взаимоотношений, возникающих в связи с созданием и использованием этих психологических продуктов. С другой стороны, анализ норм об охране авторских прав позволяет выявить неохранные авторским правом объекты и их отдельные части, которые на законных основаниях могут свободно использоваться в своей деятельности разработчики психологических продуктов.

В качестве иллюстрации вышеописанного можно рассмотреть сущность и содержание ключевого понятия авторского права – «произведение» и того, как оно может интерпретироваться в сфере психодиагностики.

В мировой истории авторское право охраняется уже более трёх веков: на государственном уровне – начиная со Статута королевы Анны (Англия, 1710 г.), на межгосударственном уровне – начиная с Бернской конвенции об охране литературной и художественной собственности (Швейцария, 1886 г.) [1]. Однако фактически до сих пор в законах не дано определение «произведения» как предмета авторского права. В ст. 1259 ГК РФ установлен лишь примерный перечень видов и признаков произведений.

Как и следовало ожидать, в этом списке психологические произведения не выделены в качестве отдельного вида произведения. Их можно отнести лишь к категории «другие

произведения». Кроме того, очевидно, что психологические продукты являются чаще всего сложными, состоящими из нескольких элементов продуктов различных видов: «литературных произведений» (тексты опросников, руководств); «произведений изобразительного искусства» (фотографии, «чернильные пятна», картинки); «аудиовизуальных произведений» (видеосюжеты, компьютерные анимации и т. д.).

Важным аспектом понимания законов об охране авторских прав являются *признаки произведений*, защищаемых законами. Во-первых, любое произведение должно быть *продуктом умственной творческой деятельности*; во-вторых, его содержание должно носить *индивидуальный характер*; в-третьих, оно должно восприниматься как специфический объект, имеющий *объективную форму выражения*.

Все эти признаки относятся ко всем видам произведений, защищаемым авторским правом, а именно: а) оригинальные авторские (исходные работы); б) производные (новые произведения, основанные на предшествующих работах); в) составные (составленные из **нескольких** исходных работ) и г) коллективные (продукт нескольких создателей).

Некоторые из перечисленных признаков произведений, определяющих границы охраны психологических продуктов, до сих пор остаются дискуссионными и неоднозначными. Поэтому более подробно рассмотрим главные из них.

1. *Произведение должно являться результатом творческой деятельности автора*. Категория «творчество» на первый взгляд может показаться достаточно простой для понимания, но в то же время в полной мере отразить ее в рамках единого понятия очень сложно. Как в дореволюционном и советском законодательстве, так и в современном понимании «творчество», «творческая деятельность» не нашли своего законодательного закрепления. В науке этот вопрос также вызывает дискуссии. Некоторые авторы под творчеством понимают сознательный и в большинстве случаев трудоемкий процесс, имеющий своей целью достижение определенного результата [10, с. 34]. Другие рассматривают «творчество» преимущественно как результат создания чего-либо нового. Так, по мнению Э.П. Гаврилова, творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качест-

венно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью [6, с. 83]. О.А. Красавчиков признавал творческой только самостоятельную деятельность, в результате которой создается произведение, отличающееся новизной [11, с. 447].

Представляется, что новизна не является неотъемлемым признаком творческого произведения. В большинстве случаев творческое произведение действительно будет новым, т. е. будет содержать ранее не существовавшие оригинальные мысли, идеи, художественные образы, композиции. Произведение рассматривается в качестве творчески нового и в том случае, если по-новому выражены замысел и художественные образы. Это имеет место, например, при переработке повествовательного произведения в драматическое и наоборот, а также в случае использования чужого опубликованного произведения для создания нового творчески переработанного самостоятельного произведения [8, с. 39]. Подобным образом можно подходить и к психологическим продуктам. Если в результате создания нового теста будут использованы оригинальные подходы или те или иные элементы, переработанные пункты для новых тестов, то можно говорить о новизне психологического продукта, и, следовательно, о возможности его признания в качестве охраноспособного произведения.

Достаточно спорным является вопрос и о самостоятельности признака *оригинальности произведения*. Оригинальность произведения означает, что оно не должно быть скопировано с другого произведения и должно содержать значительный объем собственного творческого материала [16, с. 45]. В ряде зарубежных стран (США, Великобритания, Франция и др.) оригинальность является обязательным признаком произведения. В России подобный признак объекта авторского права не находит отражения в законодательстве, но иногда закрепляется в судебной правоприменительной практике [4]. На наш взгляд, нецелесообразно рассматривать «оригинальность» как самостоятельный признак, если принимать, что этот признак полностью охватывается понятием «творчество».

2. Охране подлежат произведения, которые выражены в той или иной *объективной форме*. Объективность формы следует связывать преимущественно с тем, что произведение способно восприниматься человеческими органами чувств. Именно в таком смысле и

следует толковать высказывания о произведении как «объективно воспринимаемом» [7, с. 60] результате труда и как «существующего самостоятельно от автора» [13, с. 76]. Несмотря на неразрывную связь произведения как объекта авторских прав с тем или иным материальным носителем, необходимо помнить, что произведениями всё-таки являются «не материальные продукты, а творческая мысль, ставшая в них объективной реальностью» [9, с. 135]. В связи с этим и психологические продукты могут охраняться авторским правом только в случае объективного выражения творческого содержания на том или ином носителе.

3. В различных странах авторские права по-разному распространяются на психологические продукты в зависимости от способа их введения в оборот. В Америке, Англии и других англоязычных странах публичному обнародованию должна предшествовать процедура регистрации продукта (теста). При этом следует отметить, что в последние годы это требование становится необязательным.

В Европе и России авторские права распространяются как *на обнародованные*, так и *на необнародованные произведения*, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. При этом необходимо учитывать, что в законодательстве содержится лишь примерный перечень форм выражения произведений. Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных *формальностей*, в том числе проверки *формальных критериев* охраны в каком-либо государственном органе.

В отношении программных продуктов для ЭВМ и баз данных возможна их регистрация, осуществляемая по желанию правообладателя в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатенте). Кроме того, по желанию автора психодиагностической методики она сама и её товарный знак могут также быть зарегистрированы в Роспатенте.

4. Произведения науки, литературы и искусства охраняются независимо от их достоинств и назначения, а также от способа их выражения. При охране произведения не

должно приниматься во внимание, в какой области человеческой деятельности может быть оно применено, насколько эта область является актуальной и стоит ли вообще затрачивать на это произведение усилия. Не важным также является факт, может ли произведение соответствовать своему назначению либо оно вообще не имеет никакого практического назначения. Действующее законодательство четко исходит из того, что произведения охраняются независимо от их назначения и достоинства.

Применительно к этому признаку авторско-правовой охране будут подвергаться (при условии выполнения первых трёх описанных выше признаков охраны произведений), по сути, любые экспериментальные и новаторские психодиагностические продукты (даже если они кому-то кажутся абсурдными или неперспективными, поскольку нельзя заранее предсказать возможность их практического применения). Это очень важно, поскольку любой конечный психологический продукт, прежде чем он начнет профессионально использоваться психологом, проходит ряд исследований и апробаций. При этом разработчик психологического продукта, например, вопросника из нескольких утверждений, может быть уверен изначально, что независимо от возможности использования его продукта, он будет охраняться законом.

Исходя из всех описанных признаков произведений, защищаемых авторским правом, а также сложившейся международной судебной практике, можно выделить несколько наиболее важных, специфичных для психодиагностики признаков произведений (тестов).

Защищаемые нормами об авторском праве признаки и компоненты психологического продукта (психодиагностического инструмента):

1. Полный текст всего стимульного материала (вербальный, рисуночный, аудиовизуальный и т. д.).

2. Индивидуальная конструкция каждого субтеста, раздела или шкалы, состоящая из полной совокупности пунктов (утверждений, заданий, картинок и т. п.).

3. Отдельные пункты, имеющие индивидуальные и специфические признаки и являющиеся продуктом творчества автора (авторов).

4. Руководство к методике как цельный и оригинальный текст.

5. Процедуры и результаты проверки методики на надёжность, валидность, достоверность.

6. Результаты стандартизации в виде таблиц с нормами и пересчётными шкалами.

7. Компьютерные программы, включающие в себя содержание любого из предыдущих семи пунктов признаков.

Не защищаемые нормами авторского права признаки и компоненты психологического продукта (психодиагностического инструмента):

1. Общенаучные понятия, теории, идеи и другие компоненты методологической основы продукта, а также всё, что относится к признакам метода, а не конкретной методики.

2. Выбранные для диагностики черты, свойства, качества, включенные в конструкт.

3. Тип заданий, вопросов, утверждений.

4. Отдельные пункты – вопросы и задания, не содержащие в себе творческие компоненты.

5. Бланки и формы для регистрации ответов, не содержащие сложных и (или) креативных графических элементов.

В случае соответствия психологического произведения всем указанным ранее критериям и перечисленным семи признакам и компонентам оно будет охраняться российским авторским правом, если оно определенным образом связано с гражданством Российской Федерации или территорией Российской Федерации. В силу положений ч. 1 ст. 1256 ГК РФ исключительное право на произведения науки, литературы и искусства распространяется:

- на произведения, обнародованные на территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме на территории Российской Федерации, и признаются за авторами (их правопреемниками) независимо от их гражданства;

- на произведения, обнародованные за пределами территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме за пределами территории Российской Федерации, и признаются за авторами, являющимися гражданами Российской Федерации (их правопреемниками);

- на произведения, обнародованные за пределами территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в ка-

кой-либо объективной форме за пределами территории Российской Федерации, и признается на территории Российской Федерации за авторами (их правопреемниками) – гражданами других государств и лицами без гражданства в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

При предоставлении на территории Российской Федерации охраны произведению в соответствии с международными договорами Российской Федерации автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав.

Предоставление на территории Российской Федерации охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется только в отношении психологических продуктов, не перешедших в общественное достояние в стране их происхождения, вследствие истечения установленного в этой стране срока действия исключительного права на эти произведения, и не перешедших в общественное достояние в Российской Федерации, вследствие истечения предусмотренного ГК РФ срока действия исключительного права на них. При предоставлении охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации срок действия исключительного права на эти произведения на территории Российской Федерации не может превышать срок действия исключительного права, установленного в стране происхождения произведения. Напомним, что в соответствии с ГК РФ этот срок в России составляет в течение всей жизни и 70 лет после смерти автора.

Переход в общественное достояние произведений в области психодиагностики имеет свои важные особенности в связи с наличием в области психодиагностики профессиональной тайны. Кроме того, необходимо учитывать, что многие тесты могут использоваться только специально подготовленными, а в ряде случаев только сертифицированными специалистами. Любое широкое обнародование без соблюдения профессиональных правил ведёт к «гибели» психодиагностического произведения. Поэтому, на наш взгляд, сегодня должен быть разработан механизм перехода в общественное достояние психологических продуктов только в рамках профессионального сообщества. Например, тест Роршаха был

разработан и обнародован в 1911 г., его автор Герман Роршах умер в 1922 году, т. е. в соответствии с законом его тест должен перейти в общественное достояние ещё в 1992 году. Однако профессиональное сообщество, чтобы не допустить его «гибели», выработало особые меры, противостоящие его непрофессиональному использованию.

Активное развитие психологии в целом и психодиагностики в частности за прошедшее столетие привело к созданию огромного количества психодиагностических методик. В связи с этим формирование полностью оригинальных тестов сегодня является достаточно редким явлением. Например, во всем мире сегодня собраны большие базы типов заданий и пунктов опросников. Поэтому при формировании тех или иных новых психологических тестов, чаще всего происходит переработка уже апробированных элементов тестов или использование их частей для конструирования собственных. Как отмечалось, с точки зрения авторского права чаще всего подвергается защите продукт переработки (изменение пунктов субтеста, добавление новых слов и выражений, вставки изображений, видеорядов и иных дополнительных элементов) или проводится специфическая расстановка пунктов и добавление в старом субтесте новых пунктов в соответствии с новым конструктом. Следствием этих действий является то, что современные вновь создаваемые психологические продукты зачастую являются *производными* или *составными произведениями*. Поэтому опишем специфику каждого из них более подробно.

К *производным* относятся произведения, представляющие собой переработку другого произведения. Обычно на режим охраняемого продукта претендуют адаптации тестов под новые задачи, новые способы обработки, компьютеризация бланкового теста и подобные произведения. Однако переработанным произведением будет признаваться только то, в котором произведено творческое изменение существующих текстов и адаптация теста путём дальнейших изменений содержания утверждений в соответствии с культурой страны или региона. Автору нового производного произведения принадлежат авторские права на осуществленную переработку оригинального произведения, но не на само оригинальное произведение. Обязательным элементом в создании нового произведения путем переработки исходного произведения должен быть

элемент творчества. Настоящая адаптация теста всегда должна строиться на основе творческого замысла психолога и должна порождать новый оригинальный по своей форме и сути продукт. При этом идея теста может быть сохранена, поскольку идеи, концепты, конструкты и другие общенаучные элементы не охраняются авторским правом.

Особого внимания заслуживает проблема охраны авторских прав при переводе зарубежных тестов на русский язык. В этом случае следует соблюдать ряд правил, принятых в международной практике.

1. Приобретение теста у зарубежной фирмы – издателя, как правило, дает право психологу, купившему тест, использовать его только на языке оригинала. Перевод теста допускается только для использования его в личных целях без каких-либо форм обнародования, в том числе в *научных публикациях*. Исключения составляют тесты, предназначенные для научных исследований, которые не издаются на языке оригинала для широкого практического применения. В этом случае для соблюдения закона достаточно получить письменное согласие автора на перевод, адаптацию и использование теста только в научных целях. Все авторские права при этом сохраняются за автором оригинального теста.

2. Для осуществления перевода теста с целью его дальнейшей адаптации и использования в коммерческих целях требуется заключение договора с правообладателем, например, фирмой-издателем или её дистрибьютором, наделённым соответствующими правами. Обычно правообладатели неохотно идут на подписание договора, дающего права даже на перевод (не говоря уже об адаптации), поскольку им очень сложно контролировать соблюдение переводчиками существующих авторских прав и возможность приобретения переводчиком по законам других стран авторских прав на перевод теста как на производное произведение.

3. Для законного перевода, адаптации и последующего издания или проведения тестирования компьютерных и компьютеризированных тестов в режиме on- или of-line в коммерческих целях необходимо заключать лицензионный договор, предоставляющий право распространять фиксированное количество тестов, или на дистрибуцию теста в ограниченное количество времени (лет или месяцев).

4. Наконец, существует возможность приобрести исключительное право на психоло-

гические продукты через договор об отчуждении исключительного права. В этом случае все права переходят к новому правообладателю.

5. В случае публикации и использования психологических продуктов, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, необходимо также приобретать исключительное право по договору об отчуждении или по лицензионному договору на использование торгового знака (торговой марки), зарегистрированного для обозначения психологических продуктов или услуг по психодиагностике.

Анализ легальных признаков охраноспособности произведений позволил выделить основные признаки психологических продуктов, которые охраняются авторским правом как целое произведение. Кроме того, та или иная часть психологического продукта также может выступить в качестве самостоятельно охраняемого произведения. В этом случае можно говорить о ней как о самостоятельном объекте авторского права. Под частью произведения понимается «как механически выделенная из него часть (фрагмент картины, отрывок кинофильма, строфа произведения, заглавие произведения, субтест или шкала опросника и т. п.), так и такая часть произведения (теста), которая создана с помощью другого лица [5, с. 46] (например, адаптация одного из субтестов, разработка статистических норм и т. п.)», при соблюдении определённых норм законов. Так, В.Е. Фридман предлагает под частью произведения понимать «элемент внутренней или внешней формы произведения при условии, что такой элемент обладает оригинальностью и потенциальной возможностью использования независимо от произведения в целом. Частью произведения могут являться название, персонажи, иные элементы внутренней или внешней формы произведения» [12, с. 8–12]. Охрана части произведения как объекта авторского права традиционно рассматривается в рамках общей проблемы юридически значимых (охраняемых) и юридически безразличных (неохраняемых) элементов произведения.

Особое внимание следует обратить на *название произведения* как его часть. В соответствии с четвертой частью ГК РФ авторские права распространяются на название как на часть произведения, так же как и на другие его компоненты, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают другим признаком объекта авторского права. На том, что название психологического продукта, как и

любого произведения, охраняется авторским правом, стоит остановиться особо.

В отечественной психологической практике распространено сохранение названия теста, несмотря на то, что автор производного от оригинального теста в соответствии со своими интересами произвёл в процессе адаптации настолько значительную его переработку, что тест значительно изменился. При этом автор переработки начинает настаивать на охране уже своих авторских прав на производную методику, но при этом продолжает сохранять название исходного теста и даже сохраняет в названии фамилию автора исходного теста (чаще всего зарубежного). Очевидно, что эти процессы несовместимы. Если разработчик претендует на статус автора нового производного произведения, то, охраняя авторские права автора исходного теста, он обязан изменить название нового производного теста. При этом очевидна причина, по которой автор производного произведения стремится сохранить известное всем, «раскрученное» название, порой превратившееся в бренд – под старым названием новый продукт легче продавать.

Для предотвращения этого за рубежом обладатели авторских прав или правопреемники регистрируют название теста как торговую марку.

Отечественным разработчикам производных тестов нужно понимать, что знак R (registered) в круге – ® – или ТМ (trade mark) означает, что название или аббревиатура теста охраняются как товарный знак или знак обслуживания. В этом случае разработчики обязаны заменить название производной методики на новое либо приобрести право на использование товарного знака.

Составные произведения – это произведения, представляющие собой результат творческого труда по подбору нескольких произведений или новому расположению материалов внутри исходного произведения. Составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные им подбор и/или расположение материалов (составительство). Однако при этом он обязан соблюдать авторские права авторов составных материалов, получив соответствующее разрешение от них. К сожалению, уже много раз составители безнаказанно нарушали авторские права разработчиков тестов, выпуская раз-

личные «Энциклопедии тестов», книги «Лучших тестов» и другие без разрешения авторов-разработчиков.

Любой психологический продукт, в том числе и психологический тест, может быть составным произведением, если он представляет собой полностью или частично сборку из уже существующих тестов. Поскольку авторским правом охраняется часть произведения, обладающая творческим характером, то и новый тест может быть составлен из пунктов других субтестов, если только они не подлежат охране авторских прав.

Следует ещё раз подчеркнуть, что составитель либо иной автор производного или составного произведения приобретает свои авторские права *только при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения за исключением использования неохранных авторским правом объектов*. Если это условие соблюдено, то авторские права составителя и иного автора производного или составного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых основано производное или составное произведение. Автор произведения, помещенного в составном произведении, вправе использовать свое произведение независимо от составного произведения, если иное не предусмотрено договором с создателем составного произведения.

Авторские права на производное или составное произведение не препятствуют другим лицам перерабатывать то же оригинальное произведение, а также создавать свои составные произведения путем иного подбора или расположения тех же материалов, опять же только в случае приобретения необходимой части прав от правообладателей исходных частей.

Рассматривая производные и составные произведения, в том числе и психодиагностические продукты, следует подчеркнуть, что одним из наиболее актуальных вопросов при характеристике произведений является определение тех из них или их компонентов, на которые авторские права не распространяются вообще.

В силу закона, как уже отмечалось, авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, факты, языки программирования и иные компоненты произведений, не обладающие правоохраняемы-

ми признаками, а также на компоненты психологических продуктов, не охраняемые по другим основаниям (см. выше).

Кроме того, не являются объектами авторских прав:

1) официальные документы различных государственных органов, а также их официальные переводы;

2) государственные символы и знаки;

3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов, в том числе пословицы, поговорки, «крылатые» выражения, которые в последнее время не редко используются в психодиагностических методиках;

4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер;

5) авторское право не распространяется на произведения, которые перешли в общественное достояние в связи с окончанием срока охраны авторских прав;

6) следует также отметить, что в мире сегодня всё более активно распространяется практика отказа от авторских прав, который оформляется через лицензию Creative Commons. Знак © – «права не охраняемы» предполагает, что произведение по желанию автора или по иным причинам стало всеобщим достоянием и может свободно использоваться без согласия автора и выплаты авторского вознаграждения. В России законодательно пока не установлена возможность подобного отказа. Авторские права распространяются и на произведения зарубежных авторов, даже имеющих подобный знак в силу международных обязательств. Однако де-факто такой отказ от авторских прав уже используется отечественными психологами, так же как принимается отказ от авторских прав зарубежных правообладателей.

Неохраняемые авторским правом произведения могут свободно использоваться создателями тестов, в том числе для разработки производных и составных произведений (методик), а также ранее охраняемые части или отдельные элементы тестов, на которые закончился срок охраны. При этом используя психологические продукты, срок авторской защиты которых закончился, необходимо помнить о личных неимущественных правах авторов, и, прежде всего, о праве на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажений. Авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраня-

ются бессрочно. В России они могут принадлежать только физическому лицу и являются неотчуждаемыми, т. е. их нельзя передать другому лицу. Согласно ст. 1266 ГК РФ не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями. Извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия дают наследникам автора или иным лицам право требовать защиты чести, достоинства или деловой репутации автора в соответствии с правилами ст. 152 ГК РФ.

Автор вправе в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания, указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Это лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний или в случае отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами.

Особого внимания заслуживает возможность свободного использования произведения, которое распространяется и на психологические продукты. Во многих странах мира на свободное использование психологических продуктов накладываются ограничения профессиональными сообществами в связи с необходимостью защиты профессиональной тайны. Существует и законодательная поддержка в этом вопросе, например, за нарушение профессиональной тайны и разглашение содержания теста и ключей для обработки некоторых видов тестов в нескольких штатах США предусмотрено уголовное наказание (например, это касается тестов для обследования школьников и студентов – SAT, Geery и др.).

За исключением всех этих ограничений допускается:

1. Заимствования из правомерно обнародованных произведений без согласия автора и выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника:

а) цитирование в объёме, оправданном целью цитирования;

б) использование произведений и отрывков из них в учебных материалах в объёме, оправданном поставленной целью;

в) предоставление во временное безвозмездное пользование библиотекам (в том числе библиотекам тестов – тестотекам) экземпляров произведений. При этом для произведений в цифровой форме свободное использование допускается только в помещении библиотеки при исключении копирования.

2. Заимствования в единичном экземпляре без согласия автора путём репродуцирования, но с обязательным указанием имени автора и источника:

а) для восстановления, замены утраченных или испорченных экземпляров библиотеками (тестотеками) и архивами;

б) отдельных статей и малообъёмных произведений библиотеками (тестотеками) по запросам физических лиц в учебных и исследовательских целях;

в) отдельных статей, малообъёмных произведений и коротких отрывков образовательными учреждениями для аудиторных занятий.

ГК РФ предусматривается ряд способов защиты авторских прав. Так, защита личных неимущественных прав автора осуществляется путем признания законных прав, пресечением действий, нарушающих право, требованием компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении и т. п.

В случае нарушения исключительного права на произведение (методику) правообладатель вправе требовать возмещения убытков или может требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от 10 000 рублей до 5 000 000 рублей, определяемой по усмотрению суда, или компенсации в двукратном размере стоимости экземпляров произведений, или в двукратном размере стоимости права использования подобных произведений. По решению суда подлежат изъятию и уничтожению не только контрафактные произведения, но и оборудование, прочие устройства и материалы, используемые для совершения нарушения.

Способами защиты авторских прав, которые в настоящее время приобретают все большее распространение в области психодиагностики, являются применение технических, электронных и программных средств защиты от нарушений. Однако это возможно в основном только в отношении компьютерных психодиагностических методик.

За нарушение авторских прав в российском законодательстве предусмотрена граж-

данско-правовая, административная и уголовная ответственность. *Гражданско-правовая ответственность* предусматривает лишение имущественного характера, при этом за неоднократное нарушение авторских прав, суд может принять также решение о ликвидации юридического лица, совершившего правонарушение, или о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя. Согласно ГК РФ, нарушитель несёт ответственность вне зависимости от наличия вины, а за факт самого нарушения. Доказательство отсутствия вины также возлагается на лицо, вызвавшее обстоятельство нарушения авторского права.

Мерой административного взыскания является наложение административного штрафа с обязательной конфискацией контрафактных экземпляров, материалов и оборудования. При этом нарушением авторских прав является ввоз, продажа, сдача в аренду (прокат) или иное незаконное использование произведений (в том числе тестов), охраняемых законом.

Уголовным кодексом *предусмотрено несколько составов преступлений*, связанных с нарушением авторских прав. Прежде всего, это плагиат. Преступлением признается также приобретение, хранение и перевозка контрафактных экземпляров произведений с целью сбыта в крупном или особо крупном размере (50 000 рублей и 250 000 рублей, соответственно). Лицо, группа лиц по предварительному сговору или должностное лицо, совершившие подобное преступление, наказываются штрафом от 200 000 рублей до лишения свободы на срок до 6 лет со штрафом до 500 000 рублей.

Таким образом, в статье рассмотрена одна из ключевых проблем современной психологии – защита авторских прав психологических продуктов и главным образом прав на психодиагностические инструменты.

Острота проблемы объясняется, с одной стороны, попытками российских психологов войти в международное сообщество, что требует знания и соблюдения международных законов и практики в области охраны авторских прав. С другой стороны, кризис отечественной психодиагностики толкает отечественных психологов к поискам, переводу и адаптации новых зарубежных методик, что также требует учёта отечественного и международного права об охране авторских прав и интеллектуальной собственности.

В статье предпринята попытка адаптировать базовые положения норм авторского права к психологической сфере, рассмотреть

некоторые спорные для психологии вопросы толкования общих представлений о произведении, охраняемом авторским правом, прежде всего применительно к такому виду произведений, как психодиагностические методики.

Очевидно, что в одной статье дать ответы на все спорные вопросы невозможно. Психологическому сообществу ещё предстоит тщательно изучить нормы об авторском праве и выработать общую позицию по многим вопросам. Сделать это необходимо, во-первых, чтобы избежать нарушений законов, а во-вторых, чтобы использовать знание законов для исключения излишней боязливости их нарушения в случаях, если они предоставляют возможность легально использовать всё то, что законами не охраняется.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 26 дек.

3. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993. № 5351-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Ст. 1242. – 1993. – № 32.

4. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2001 г. по делу А 56-10973/00 // СПС «Консультант Плюс».

5. Гаврилов, Э.П. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об авторском праве смежных правах» с судебной практикой /

Э.П. Гаврилов. – М.: Экзамен, 2003. – С. 46.

6. Гаврилов, Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Э.П. Гаврилов. – М.: Наука, 1984. – 216 с.

7. Гордон, М.В. Советское авторское право / М.В. Гордон. – М.: Юрид. лит., 1955. – 232 с.

8. Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность: учеб. пособие / С.П. Гришаев. – М.: Юрист, 2004. – 221 с.

9. Мартынов, Б.С. Права авторства в СССР / Б.С. Мартынов // Ученые записки Всесоюзного ин-та юридических наук. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – Вып. IX. – С. 131–142.

10. Серебровский, В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 283 с.

11. Советское гражданское право. – М.: Высшая школа, 1985. – Т. 2. – 544 с.

12. Фридман, В.Э. Охрана частей и структурных элементов произведения как объектов авторского права в России и США: дис. ... канд. юрид. наук / В.Э. Фридман. – М., 2005. – 142 с.

13. Чернышева, С.А. Правоотношения в сфере художественного творчества / С.А. Чернышева. – М.: Изд-во Наука, 1980. – 150 с.

14. Шмелёв, А.Г. Интернет-сообщество психодиагностов как инструмент профессиональной интеграции и охраны профессиональной тайны / А.Г. Шмелёв, А.С. Науменко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 6. – № 30. – С. 31–45.

15. Шмелёв, А.Г. Тест как оружие / А.Г. Шмелёв // Журнал высшей школы экономики. Серия «Психология». – 2004. – Т. 1. – № 2. – С. 40–53.

16. ЮНЕСКО. Азбука авторского права / пер. и примеч. В.В. Тарасовой. – М.: Юрид. литература, 1982. – 104 с.

Поступила в редакцию 13 февраля 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Алексей Владимирович Минбалеев. Кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры «Предпринимательское и коммерческое право» Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679365.

Aleksey V. Minbaleev. Candidate of jurisprudence sciences, docent, assistant of professor of department «Entrepreneurial and commercial law», South Ural State University: 8(351)2679365.

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛОЖНОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова

Предлагается система определения сложности психодиагностических методик с целью соотнесения их с разными уровнями квалификации пользователей. В качестве основы как для оценки сложности методик, так и для выделения квалификационных уровней пользователей рассматриваются конкретные действия (операции), которые требуются от пользователя в процессе применения различных методик. Предлагается схема определения сложности конкретных методик (с использованием кода сложности – КСМ) и их соотношения с квалификационными уровнями пользователей.

Ключевые слова: сертификация психодиагностов-пользователей, сложность методик, действия диагноста в процессе тестирования, квалификационные уровни пользователей, код сложности методик.

Введение

Исторически сложилось так, что тестированием в России занимаются все, даже не задумываясь о необходимости специального обучения, о получении разрешения от психологического сообщества на право заниматься этим, на самом деле очень сложным и тонким видом деятельности, о получении разрешения на право приобретать тесты, которые можно по ряду признаков сравнить с правом на владение оружием. Отечественное психологическое сообщество до сих пор не смогло ясно сформулировать элементарные правила получения права владеть и пользоваться этим сложным и небезопасным инструментом. И только в 2010 году Российским психологическим обществом (РПО), возможно, будет сделано то, что уже десятилетия за рубежом является обязательным условием использования тестов.

Первые стандарты тестолога-пользователя были разработаны Американской психологической ассоциацией (АРА) еще в 80-е годы прошлого века [12]. Много лет постоянно развивает и совершенствует систему сертификации психологов-пользователей Британское психологическое общество (BPS) [6]. Требования к компетенции психодиагностов-пользователей находятся под контролем Международной комиссии по тестам (ИТС), а в Европе – Постоянного комитета по тестам и тестированию [4]. В Америке еще в 1993 году по инициативе АРА и Министерств обороны, просвещения и труда был создан Государственный совет по тестированию и оценке.

Несмотря на такое внимание за рубежом к

соответствию подготовки психологов Стандартам использования тестов и к получению права на применение тестов, в разных странах и даже в одной отдельно взятой стране требования к пользователям тестов существенно различаются.

Так, например, в Великобритании фирма OPP (Oxford Psychological Press) требует от покупателя перед покупкой теста (если у него нет сертификата BPS) обязательного краткосрочного обучения с выдачей частного сертификата на право применения данного теста [9]. В то же время британский филиал фирмы Hogrefe продает любые тесты покупателям, имеющим диплом о психологическом образовании [8]. Другой британский филиал фирмы Pearson продает методики первого уровня (по собственной классификации) даже учителям, правда, прошедшим, специальную подготовку, а остальные методики – всем, имеющим диплом о психологическом образовании [10].

Такое различие требований побудило Европейскую федерацию психологических ассоциаций (EFPA) в 2009 году приступить к работе по унификации стандартов требований к методикам и пользователям во всех европейских странах [3].

Российское психологическое общество два года назад также приступило к разработке стандартов требований к профессиональному психологу, продуктам его деятельности и оказываемым им услугам [1].

В настоящее время Экспертный совет РПО завершил работу над созданием «Положения о Системе сертификации профессио-

нальных психологов», зарегистрировав его в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии (РОСС RU. K511.04Ш300).

По инициативе Экспертного совета РПО создан «Национальный институт сертификации профессиональных психологов» (генеральный директор С.А. Маничев). Президиумом РПО контроль за деятельностью Национального института возложен на Наблюдательный совет, состоящий из 6 членов: 3 представителей президиума РПО (Ю.П. Зинченко, Л.В. Цветкова и Т.Ю. Базарова) и 3 представителей Экспертного совета (В.М. Аллахвердов, С.А. Маничев, Н.А. Батурин).

Экспертным советом РПО создан ряд комиссий по разработке Стандартов для проведения сертификации профессиональных психологов, работающих в различных областях практики.

В том числе создана Комиссия по психодиагностике, которая разработала три стандарта: Стандарт профессионального психодиагноста-пользователя, Стандарт психодиагностических методик и Стандарт услуг по психодиагностике.

За основу этих стандартов приняты стандарты, разработанные APA, BPS и психологическими обществами других стран [2, 6, 12]. В настоящее время проводится работа по согласованию отечественных стандартов со стандартами разрабатываемыми EFPA, для достижения в конечном итоге признания отечественных сертификатов соответствия во всех европейских странах [5].

Конечной целью разработки Стандарта психодиагноста-пользователя является формирование совокупности требований и разработка процедуры сертификации психологов для того, чтобы все желающие могли пройти *добровольную экспертизу* психологическим сообществом своих знаний и компетенций, получить сертификат профессионального психодиагноста-пользователя соответствующего квалификационного уровня в одной из профессиональных областей: образование, клиника и здоровье, бизнес и производственная деятельность.

Одна из задач, которая возникла при разработке Стандартов для сертификации психодиагностов-пользователей, – это определение групп методик, которые по сложности были бы соотносимы с разными уровнями квалификации пользователей. При этом, естественно, предполагается, что психодиагносты бо-

лее высоких уровней квалификации должны обладать компетенциями, позволяющими использовать более сложные методики.

Решение этой задачи требует первоначальной разработки *принципов определения сложности методик*, что само по себе непросто. Один из подходов, существовавших до недавнего времени в BPS, предлагал использовать в качестве принципа разделения методик на категории, сложность их содержания. Так, тесты достижений и интеллекта считались более простыми и требующими меньшей квалификации, поэтому относились к категории «А», а личностные тесты считались более сложными и требующими большей квалификации, поэтому относились к категории «В» [11]. Однако, на наш взгляд, такое разделение весьма условно и при использовании на практике вносит существенную путаницу, искажая реальную картину. Существуют методики исследования интеллекта высокой сложности (например, шкалы Векслера) и методики исследования личностных особенностей, которые просты и в проведении, и в интерпретации (например, одношкальные опросники, затрагивающие узкую содержательную область). К тому же компьютеризация процесса тестирования и создание автоматизированных программ обработки данных часто делают использование весьма серьёзных в содержательном плане методик простым по процедуре проведения, что снижает требования к квалификации пользователя. В связи с этим необходимо найти более отчётливые основания, позволяющие разграничивать методики по сложности, чтобы затем разработать требования к уровням квалификации пользователей психодиагностического инструментария.

Общие принципы определения сложности диагностических методик

Подход, предлагаемый нами, основывается на анализе операциональной стороны деятельности психолога-диагноста в процессе тестирования. Поскольку в контексте задачи сертификации речь идёт о *сложности методик именно для пользователя*, целесообразно проанализировать конкретные действия диагноста, которые он производит в процессе проведения той или иной методики. Состав этих действий и их сложность и позволят оценить действительную сложность конкретной методики для пользователя. Например, для разных методик сложность процедуры проведения может варьировать от раздачи и сбора блан-

ков до организации группового процесса с фиксацией данных методом наблюдения. Обработка результатов тестирования также может существенно различаться по сложности: от полностью формализованного подсчёта баллов по ключу до контент-анализа слабоструктурированных данных. *Состав действий, требуемый на последовательных этапах тестирования (проведение методики, обработка данных, интерпретация и сообщение результатов), будет определять интегральную сложность методики.*

Данное основание (конкретные действия, производимые диагностом в процессе тестирования) удобно использовать и для выделения разных квалификационных категорий пользователей. По сути, квалификация специалиста любого профиля определяется тем, какого уровня сложности профессиональные задачи он способен грамотно решать. В этом контексте уровень квалификации психодиагноста-пользователя будет определяться сложностью действий, которые он способен квалифицированно осуществлять в процессе тестирования.

Таким образом, сложность конкретных действий диагноста-пользователя в процессе проведения тестирования может выступать общим основанием для идентификации, как квалификационных категорий пользователей, так и сложности методик (см. рисунок).

Именно общее основание категоризации позволяет легко соотносить методики с уровнями квалификации пользователей: сложность действий в процессе проведения методики становится здесь как бы естественным связующим звеном.

Такой подход также позволяет более чётко определить требования к подготовке диагностов-пользователей разного уровня квалификации. Для этого достаточно прописать требования к подготовке специалиста, которые позволяли бы ему справляться с теми или

иными задачами при тестировании. Как правило, последовательное продвижение специалиста к выполнению всё более сложных задач обеспечивается появлением у него всё новых компетенций, которые имеют в своей основе полученные ранее. Таким образом можно выстроить последовательность задач обучения и соотнести содержание учебных программ, например, для бакалавриата и магистратуры.

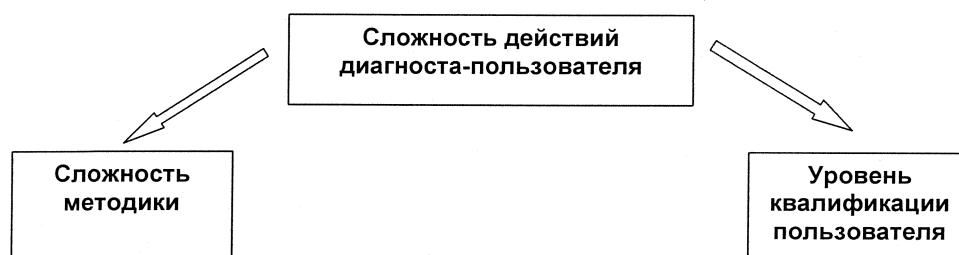
Принципы определения сложности действий (операций), производимых диагностом-пользователем

При анализе операциональной стороны деятельности психодиагноста-пользователя мы исходим из того, что *тестирование представляет собой процесс, состоящий из 4 качественно различных этапов:*

- 1) проведение методики;
- 2) обработка результатов;
- 3) интерпретация результатов;
- 4) сообщение результатов (клиенту, заказчику).

Каждый из этих этапов может включать действия (операции) разного уровня сложности. Выделение указанных этапов имеет практический смысл, поскольку большая часть методик имеет неодинаковую сложность на разных этапах тестирования. Например, существуют методики, которые очень просты в проведении и в обработке, но требуют глубоких знаний и опыта при интерпретации, и наоборот.

Критическим признаком при определении уровня сложности действий психодиагноста-пользователя является степень их формализации. По сути, общий перечень всевозможных действий диагноста можно представить в виде континуума, где на одном полюсе будут полностью формализованные операции, а на другом – слабоструктурированные действия, где чрезвычайно высок вес субъективного фактора при тестировании. Отметим сразу, что на-

Сложность действий диагноста-пользователя как общее основание для определения сложности методик и уровня квалификации пользователя

званный признак (степень формализации) актуален при рассмотрении методик с точки зрения их сложности именно для пользователя. Для разработчика, например, сложность методики будет определяться совсем другими факторами; здесь создание высокоформализованной методики может оказаться, наоборот, наиболее трудоёмким процессом. Также, если рассматривать сложность методики с содержательной стороны, мы можем обнаружить, что некоторые весьма сложные в концептуальном плане методики могут быть простыми в применении как раз благодаря формализации процедуры тестирования.

Для пользователя же по мере снижения формализации процедуры возрастают требования к его теоретической и практической подготовке, поскольку успех тестирования всё больше начинает зависеть от субъективного фактора и профессионализма психодиагноста. В этом случае для принятия грамотных самостоятельных решений во время проведения методики или при интерпретации результатов пользователю-психодиагносту необходимо опираться на достаточно глубокие знания из различных областей психологии, обладать опытом обработки и анализа количественных и качественных данных, иметь навыки взаимодействия с разными категориями клиентов и т.д. Всё это определяет квалификацию пользователя и достигается в результате планомерного обучения, приобретения опыта работы в качестве психодиагноста, оттачивания профессионализма под супервизией.

В целом можно выделить 4 уровня сложности действий диагноста-пользователя, достаточно отчётливо различающиеся по степени формализации и требующие разных уровней глубины подготовки специалистов. Эти 4 уровня проявляют себя на всех 4 этапах тестирования (проведение методики, обработка результатов, интерпретация, сообщение результатов).

Для практических целей сертификации и подготовки психодиагностов-пользователей важно чётко прописать, какие именно операции на разных этапах процесса тестирования относятся к тому или иному уровню сложности. Однако решение этой задачи требует работы целой группы экспертов, в качестве которых могли бы выступить опытные психодиагносты. Здесь же мы приведём лишь наиболее общие характеристики каждого уровня сложности, которые позволили бы сориентироваться в предлагаемой системе категоризации

(табл. 1). Отметим, что табл. 1 не является полной схемой для определения уровня сложности разнообразных действий пользователя, а имеет, прежде всего, иллюстративное значение. В табл. 1 приведены лишь отдельные примеры действий, которые в данном случае не разведены по этапам тестирования (проведение, обработка, интерпретация, обратная связь), но в сочетании позволяют получить общее представление о каждом уровне сложности.

Содержание таблицы показывает, что со снижением степени формализации операций повышаются требования к специалисту-пользователю. Если операции 1-го уровня сложности не требуют основательных психологических (и даже педагогических) знаний и навыков и могут быть освоены на краткосрочных курсах, то для осуществления действий, соответствующих 4-му уровню сложности, требуется не только базовое психологическое образование и опыт работы, но также и специальное обучение методикам, включая работу под супервизией.

Схема фиксации сложности конкретных методик

Напомним, что тестирование рассматривается как процесс, состоящий из 4 качественно различных этапов: (1) проведение, (2) обработка, (3) интерпретация, (4) сообщение результатов. Методика получает оценку сложности действий (операций) на каждом из названных этапов. При этом конкретная методика может иметь неодинаковую сложность на разных этапах тестирования.

Общая оценка сложности методики фиксируется в виде *кода сложности методики (КСМ)*, состоящего из 4 цифр, помещаемых в скобках через запятую и обозначающих сложность действий последовательно на каждом из 4 этапов тестирования. Например: КСМ (1, 1, 3, 3) обозначает, что для данной методики процедуры проведения и обработки результатов (этапы 1 и 2) полностью формализованы (например, компьютеризованны), а интерпретация и сообщение результатов (этапы 3 и 4) представляют собой более сложные операции, соответствующие уровню 3.

Второй пример: КСМ (2, 2, 4, 3) обозначает, что для данной методики сложность операций на первом и втором этапе соответствует уровню 2, сложность третьего этапа – уровню 4, а четвертого этапа – уровню 3. Для большей наглядности этот пример отражён

Четыре уровня сложности действий психодиагноста-пользователя

Сложность	Степень формализации	Отдельные примеры действий пользователя для данного уровня сложности	Требования к специалисту
1	Все производимые пользователем операции полностью формализованы (или автоматизированы)	<ul style="list-style-type: none"> – Раздача и сбор бланков, отслеживание правильности заполнения; – обработка результатов при помощи формализованного ключа (где требуются только простые арифметические операции) 	Владение только техническими операциями администрирования тестов
2	Действия пользователя опираются на стандартные образцы, но не могут быть полностью формализованы	<ul style="list-style-type: none"> – Групповая диагностика, где процедура требует «ведения» (пошаговая смена инструкций для разных субтестов, ответы на содержательные вопросы и т. д.); – обработка результатов с приписыванием условных баллов ответам по стандартной схеме; – обработка результатов с вычислением производных показателей (индексов, коэффициентов) или выделением типов, стилей на основе формализованных правил вывода; – интерпретация результатов, которая не требует учёта внутренних взаимосвязей между параметрами; – составление отчётов и аналитических справок по рекомендуемым образцам; – обратная связь заказчику в форме информирования 	<p>Элементарные знания в области психологии и психодиагностики. Умение выполнять простейшие статистические расчёты.</p> <p>Первичные навыки взаимодействия с людьми и управления рабочей группы в аудитории</p>
3	Действия, допускающие принятие отдельных самостоятельных решений в процессе тестирования	<ul style="list-style-type: none"> – Индивидуальная диагностика в форме структурированного интервью; – контент-анализ структурированных качественных данных по формализованной схеме (не требующий выделения единиц анализа из общего контекста); – интерпретация результатов тестовых батарей или многошкальных методик, требующая учёта внутренних взаимосвязей между параметрами; – написание слабо формализованных индивидуальных характеристик; – составление вариантов отчётов для разных категорий пользователей. – консультирование заказчика по результатам диагностики 	<p>Базовые знания в основных предметных областях психологии (например, в области общей психологии, психологии личности, психологии развития и т. д.). Углубленные знания в области, соответствующей содержанию проводимой методики.</p> <p>Специальные знания в области психодиагностики, психометрики и статистики.</p> <p>Опыт в проведении качественных методов исследования.</p> <p>Навыки индивидуальной работы с клиентом</p>
4	Слабоструктурированные действия, требующие гибкой ориентации в ситуации тестирования. Предполагает значительный вес субъективного компонента в тестировании	<ul style="list-style-type: none"> – Диагностика в форме неструктурированного интервью или беседы; – диагностика в ходе групповой работы (например, фокус-группа); – регистрация данных методом наблюдения за поведением; – оценка результатов сложных действий (кейсовые задания, поведение в смоделированных ситуациях); – контент-анализ неструктурированных качественных данных (текстов, рисунков, видеозаписей); – построение сложных прогнозов на основе комплексных исследований; – неформализованные практикоориентированные рекомендации, рассчитанные на конкретного заказчика 	<p>Широкие знания в различных областях психологии.</p> <p>Обладание «экспертными» знаниями в содержательной области соответствующей проводимой методике.</p> <p>Углубленные знания в области психодиагностики, психометрики, конструирования тестов.</p> <p>Умение самостоятельно разрабатывать модели диагностики, схемы глубинных интервью, программы ассессмент-процедур и т.д. для конкретного заказчика.</p> <p>Опыт работы с группами в качестве модератора.</p> <p>Навыки консультирования разных категорий заказчиков</p>

в табл. 2. Подобные таблицы удобно использовать при оценке сложности конкретных методик.

Удобство предлагаемой системы состоит в том, что каждая методика получает своеобразную «сетку сложности» и цифровой код, которые дифференцированно отражают её сложность на всех этапах процесса тестирования. Как показала практика, множество методик имеют неодинаковую сложность на разных этапах тестирования, что обычно и создаёт проблемы в определении их общей сложности.

Принципы выделения квалификационных уровней пользователей

Уровень квалификации психодиагностов-пользователей определяется, исходя из максимальной сложности действий в процессе тестирования, которые они способны квалифицированно выполнять. Соответственно выделяются **4 квалификационных уровня** – один доквалификационный (ДК) и три квалификационных (А, В и С):

доквалификационный уровень ДК (Ассистент);

квалификационный уровень 1 (Специалист);

квалификационный уровень 2 (Консультант);

квалификационный уровень 3 (Эксперт).

Принципы соотношения конкретных методик с квалификационными уровнями пользователей

При решении задачи соотношения конкретных методик с уровнями квалификации пользователей следует «развести» ответы на два вопроса, имеющие разную практическую направленность:

1. Какие методики имеет право применять в своей практике пользователь той или иной квалификации?

2. Какие методики рекомендуются в качестве контрольного инструментария при про-

ведении сертификации пользователей на тот или иной квалификационный уровень?

1) Методики, которые имеют право применять пользователи разных квалификационных уровней.

С повышением квалификации пользователя расширяется круг методик, которые он имеет право самостоятельно применять в своей практике.

Доквалификационный уровень ДК (Ассистент) – самостоятельное проведение методик, сложность которых ни на одном из этапов тестирования не превышает уровня сложности «1»: КСМ (1, 1, 1, 1).

При этом допускается, что человек, овладевший компетенциями уровня ДК, может быть ассистентом пользователей более высокого уровня квалификации при проведении более сложных методик (например, КСМ (1, 1, 3, 2)). Но он подключается к процессу тестирования только на этапах, которые полностью формализованы (например, компьютерное тестирование), и не имеет права заниматься, например, интерпретацией, если она требует более высокой квалификации.

Квалификационный уровень 1 (Специалист) – самостоятельное проведение методик, сложность которых ни на одном из этапов тестирования не превышает уровня сложности «2». Например, КСМ (1, 1, 2, 1); (2, 2, 2, 2).

Квалификационный уровень 2 (Консультант) – самостоятельное проведение методик, сложность которых ни на одном из этапов тестирования не превышает уровня сложности «3». Например, КСМ (1, 2, 1, 2); (2, 2, 3, 2); (3, 3, 3, 3).

Пользователи этой категории могут консультировать других пользователей по вопросам проведения методик соответствующего уровня сложности.

Квалификационный уровень 3 (Эксперт) – самостоятельное проведение методик любой сложности. Например, КСМ (1, 1, 2, 1); (2, 3, 3, 2); (3, 3,4, 3); (4, 4, 4, 4). «Эксперт» также имеет право самостоятельно разрабатывать

Таблица 2

Пример бланка-таблицы для фиксации сложности методики

Этапы тестирования	Уровни сложности			
	1	2	3	4
1. Проведение		2		
2. Обработка		2		
3. Интерпретация				4
4. Сообщение результатов			3	

модели диагностики для конкретных заказчиков, подбирать методы, составлять схемы глубинных интервью, формировать модели ассесмент-центров и т.д. Эксперт может проводить супервизию и участвовать в сертификации пользователей-психодиагностов.

Особое ограничение. Если методика предполагает специальное обучение, то для права ее применения, кроме наличия соответствующего уровня квалификации, требуется сертификат о прохождении обучения пользователю конкретной методикой. (Это ограничение особо актуально для пользователей уровня «2» и «3», так как именно методики высокой сложности обычно требуют специального обучения).

2) «Контрольные» методики, рекомендуемые как инструмент при проведении сертификации пользователей

Основная функция контрольных методик, используемых в процессе сертификации – *оценка компетенций пользователей.* Поэтому рекомендуемые для сертификации методики должны позволять претенденту продемонстрировать владение компетенциями соответствующего уровня сложности. При этом состав методик для конкретного претендента должен подбираться так, чтобы:

1) ни на одном этапе тестирования не превышался уровень сложности, соответствующий искомой квалификации;

2) набор методик позволял претенденту продемонстрировать владение операциями соответствующей сложности на всех 4 этапах тестирования (проведение, обработка, интерпретация, сообщение результатов).

Целесообразна следующая *схема подбора методик для целей сертификации:*

Доквалификационный уровень ДК (Ассистент) – только методики с кодом сложности (1, 1, 1, 1).

Квалификационный уровень 1 (Специалист) – методики, сложность которых не менее чем на 2 этапах тестирования соответствует уровню сложности «2», но ни на одном его не превышает. Например, КСМ (1, 2, 2, 1); (2, 2, 2, 2).

Квалификационный уровень 2 (Консультант) – методики, сложность которых не менее, чем на 2 этапах тестирования соответствует уровню сложности «3», но ни на одном его не превышает. Например, КСМ (1,1,3,3); (3,2,3,3); (3,3,3,3).

Квалификационный уровень 3 (Эксперт) – методики, сложность которых не менее чем на

2 этапах тестирования соответствует уровню сложности «4». Например, КСМ (4, 2, 4, 3); (4, 4, 4, 4).

При этом важно, чтобы в общем наборе методик, владение которыми демонстрирует конкретный соискатель, необходимая сложность присутствовала хотя бы раз для каждого этапа тестирования (проведения, обработки, интерпретации и сообщения результатов). Например, для сертификации на квалификационный уровень 2 необходимо подобрать методики так, чтобы в целом, каждый этап тестирования хотя бы раз был представлен действиями 3-го уровня сложности.

Заключение

Таким образом, для разработки Стандарта требований к психодиагносту пользователю и для дальнейшего использования его в процедуре сертификации необходимо выработать принципы определения сложности психодиагностических методик. В статье предлагается использовать для этого анализ сложности действий (операций) психодиагноста, выполняемых на каждом из 4 этапов процедуры проведения методики. Для операционализации анализа действий психодиагноста разработана таблица описания признаков сложности выполняемых действий. Результаты анализа сложности действий предложено фиксировать в виде специального кода сложности методики (КСМ). Исходя из выявленного КСМ предложены принципы выделения одного доквалификационного уровня (ДК) и трех уровней квалификации психодиагноста-пользователя: уровень 1 (Специалист), уровень 2 (Консультант) и уровень 3 (Эксперт). Предложенные принципы выявления сложности методик позволяют, во-первых, подбирать методики соответствующей сложности для сертификации психодиагноста-пользователя; во-вторых, кодификацию методик фирмами-изготовителями, чтобы в перспективе перейти к допродажному обучению покупателей и продаже методик только психологам, имеющим сертификат соответствующего уровня квалификации.

Литература

1. Маничев, С.А. *Профессиональные стандарты как основа сертификации в области психологии / С.А. Маничев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – С. 42–62.*

2. Bartram D. *Symposium on national approaches to test quality assurance / D. Bartram // A Rapidly Changing World – Challenges for Psychology. The 11th European Congress of Psychology. Abstracts, 2009.*

3. Bartram, D. *Test User Qualification in Europe 1 (The EFPA Test User Certification Project) / D. Bartram // A Rapidly Changing World – Challenges for Psychology. The 11th European Congress of Psychology. Abstracts, 2009.*

4. Bartram, D. *International Guidelines and Standards relating to Tests and Testing / D. Bartram // A Rapidly Changing World – Challenges for Psychology. The 11th European Congress of Psychology. Abstracts, 2009.*

5. Bartram, D. *Test User Qualification in Europe 2 (Other approaches to test user qualification in Europe) / D. Bartram // A Rapidly Changing World – Challenges for Psychology. The 11th European Congress of Psychology. Abstracts, 2009.*

6. Bartram, D. *Improving quality through*

IRT modelling of forced choice data Applying the EFPA standards framework to test user qualifications in the UK / D. Bartram, P. A. Lindley // A Rapidly Changing World – Challenges for Psychology. The 11th European Congress of Psychology. Abstracts, 2009.

7. *European Test User Standards for test use in Work and Organizational settings // [http://www.efpa.eu/professional-development / tests-and-testing](http://www.efpa.eu/professional-development/tests-and-testing)*

8. <http://www.hhpub.com>

9. <http://www.opp.eu.com/Pages/home.aspx>

10. <http://www.pearson.com>

11. *Test user qualification // [http://www.psychtesting.org.uk/the-ptc / guidelinesandinformation.cfm](http://www.psychtesting.org.uk/the-ptc/guidelinesandinformation.cfm)*

12. *The Standards for Educational and Psychological Testing // American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education. (1999). Washington, DC: American Educational Research Association. – 101 p.*

Поступила в редакцию 1 февраля 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University: MNN17@yandex.ru.

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ ПСИХОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ ЭТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ В ПСИХОДИАГНОСТИКЕ)

А.Е. Иванов

Сравнивается структура российских и зарубежных этических кодексов, описываются проблемные моменты и возможности развития и дополнения этического кодекса РПО.

Ключевые слова: этический кодекс, регламентация, администрирование психодиагностики.

Практика психодиагностики, как и любая практика, сопряженная с возможностями злоупотреблений, последствия которых могут приводить к нарушению базовых прав человека, нуждается в четком юридическом и этическом оформлении. Оставив в стороне юридическую часть проблемы, оценим состояние этической регламентации деятельности отечественного психодиагноста. Стоит отметить, что в России и юридическое оформление, и этические кодексы психологической деятельности являются производными или вторичными по отношению к западным аналогам, однако уступают им в подробности и структурированности формы.

Первая попытка создания полного и структурированного этического кодекса психолога была предпринята еще в СССР в 1991 году [2]. Данный кодекс, хотя и является, несомненно, очень качественным, все же несколько устарел и нуждается в пересмотре. Через два года в 2003 году был принят Этический кодекс Российского психологического общества [5]. Как показал анализ, эти кодексы по многим параметрам были далеки от совершенства. Однако после 2003 года никаких попыток усовершенствования Кодекса больше не наблюдалось.

В отличие от отечественной психологии зарубежные психологические общества придают большое значение регламентации деятельности психологов, в том числе и этических ее компонентов. Потому психологические общества издают и периодически обновляют, учитывая все прецеденты и запросы практики, свои этические кодексы, имеющие статус официальных документов. Подобная практика может быть внедрена и в России, при условии достижения Российским психо-

логическим обществом (РПО) того же уровня значимости, что и психологических обществ англоязычных стран. Тем не менее уже сейчас, когда РПО еще находится в стадии укрепления позиций, на него возлагается большая ответственность в плане оформления этических правил для психологической деятельности. Этический кодекс 2003 года весьма объемный и подробный, но лишен структурированности, присущей соответствующим кодексам психологических обществ в англоязычных странах. Возможно, это объясняется меньшей степенью связи этической и юридической стороны деятельности психолога в России, что проявляется в менее формальной структуре кодекса. Например, в кодексе РПО указывается, что «за нарушение Этического кодекса психолог-консультант может лишиться сертификата РПО, а также, что к нему могут быть применены такие санкции, как общественное порицание и исключение из членов РПО. В случае серьезных нарушений Этического кодекса РПО может ходатайствовать о привлечении психолога к суду» [5]. За время действия данного кодекса, однако, не было случая использования этих норм, хотя достаточно неправдоподобно выглядит то, что почти семь лет Кодекс ни разу не был серьезно нарушен. В западных же странах иски в суд по отношению к нарушениям профессиональной этики психологами являются достаточно частым явлением, а следовательно, общества психологов вынуждены прибегать к жестким мерам [12–14].

Одно из отличий западных этических кодексов от Кодекса РПО состоит в наличии в них нескольких разделов, в которых определяются понятия, используемые в кодексе, ограничивается сфера и условия применения

правил кодекса, а также предлагается вариант последовательности действий в случае возникновения этического конфликта. Эти разделы соответственно называются «Определение используемых понятий», «Использование кодекса» и «Процесс принятия решения» [7, 8–11]. Ниже в качестве примера изложен алгоритм принятия решений, предлагаемый в Этическом кодексе Канадского психологического общества (CPS).

Алгоритм принятия этических решений в CPS:

1. Определение лиц или групп лиц, которые могут пострадать в результате принятия соответствующего решения.

2. Определение прав, интересов и обязанностей и всех соответствующих характеристик всех лиц, затрагиваемых соответствующим решением, а также системы обстоятельств, в которых возникают этические затруднения, требующие решения.

3. Рассмотрение личных предубеждений, опасений или выгоды, которая может повлиять на выбор того или иного курса действий.

4. Разработка альтернативных вариантов действий.

5. Анализ возможных текущих, краткосрочных и долгосрочных рисков и выгод для каждого участника процесса (например, клиента, семьи клиента, сотрудников учреждения, студентов, участников исследования, общества, себя), которые сопутствуют каждому из разработанных курсов действий.

6. Выбор курса действий после сопоставления его с обозначенными в данном кодексе принципами, ценностями и стандартами.

7. Действия с обязательством взять на себя ответственность за их последствия.

8. Оценка результатов курса действий.

9. Принятие на себя ответственности за последствия действий, в том числе коррекция негативных последствий, если таковые имеются, или повторное участие в процессе принятия решения, если этический вопрос не решен.

10. Соответствующие меры, если это необходимо и возможно, для предотвращения подобных спорных случаев в будущем, например, обсуждение проблемы в рамках психологического общества; инициация внесения изменений в процедуры и практику [9].

Раздел «Определение используемых понятий» включает в себя точное описание значения всех ключевых понятий, используемых в контексте Кодекса. Необходимость допол-

нения любых этических кодексов данным разделом очевидна при учете необходимости однозначной трактовки пунктов кодекса, а также его ясности для людей, не имеющих специальной психологической подготовки [6]. Последнее требование обусловлено тем, что этический кодекс психолога содержит предписания, касающиеся поведения не только непосредственно психолога, но и клиента, и заказчика психологической работы (требуется соблюдение принципа осведомленного согласия), а также тем, что положения этического кодекса могут использоваться как аргумент в суде. Раздел «Использование кодекса» обычно краток, но включает важные уточнения относительно сферы применимости правил и предписаний кодекса, а также исключения, когда правила могут быть нарушены.

В российских этических кодексах данные ограничения используются, но они не прописаны, поскольку считаются некими исходными аксиомами. Эта практика не может считаться преимуществом, поскольку именно аксиомы, лежащие в основе некоей системы, в первую очередь нуждаются в открытости и определенности. Например, в Приложении к Кодексу РПО включена схема взаимодействия различных участников психологической деятельности (см. рисунок).

Каждая пронумерованная точка на рисунке точно соответствует содержанию каждого пронумерованного параграфа текста Этического кодекса, и это вроде бы должно помогать читателям Кодекса ориентироваться в нем. Однако структура Кодекса нуждается в серьезном прояснении. Например, в ней к одному классу отнесены различного рода требования к участникам процесса оказания психологических услуг и их деятельности и базовые принципы психологической деятельности, а в схеме эти категории относятся к разным классам.

В этических кодексах англоязычных стран структура построения текста кодексов примерно одинакова [7, 8, 9–11, 14]. Ключевым отличием такой структуры от структуры Этического кодекса РПО является наличие одной или нескольких многоступенчатых иерархий. Первый тип иерархий имеет причинно-следственную природу. Он определяет, какие частные требования и правила являются следствием конкретного этического принципа. Это позволяет проследить логику и сделать более наглядной обоснованность частных этических правил, нежели если бы они бра-

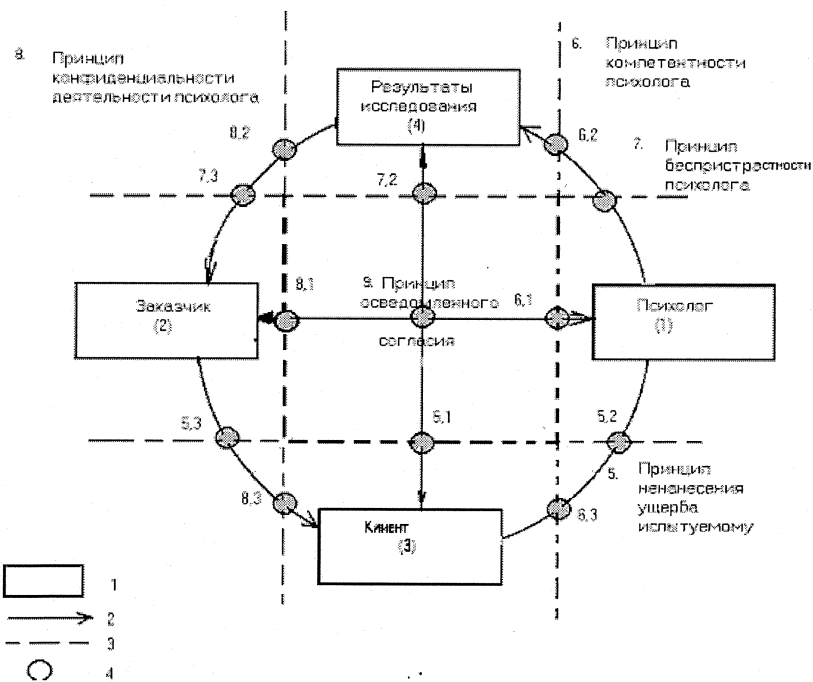

Схема регламентации этическими принципами и правилами отношений, возникающих в психологической деятельности

лись изолированно или классифицировались не иерархически. Второй, более редко встречающийся, но, тем не менее, способный облегчить принятие решений в ситуации этического конфликта, тип иерархий – это иерархия самих этических принципов.

Самым наглядным примером являются этические принципы Ирландского психологического общества: «Уважение к достоинству личности», «Ответственная забота», «Честность в отношениях», «Ответственность перед обществом» [10]. Каждый из приведенных принципов включает множество правил, и в то же время принципы выстроены в иерархическом порядке, т. е. наиболее приоритетным является «Уважение к достоинству личности», наименее приоритетным – «Ответственность перед обществом». Эту конкретную иерархию можно оспорить, но сам иерархический принцип, заложенный в ее основу, достаточно прогрессивен.

Структура этического кодекса видится важной в связи с необходимостью придания ему непротиворечивой и логичной формы, позволяющей легко дополнять и перестраивать его частные детали в соответствии с возникающими проблемами.

В связи со сложившейся кризисной ситуацией в российской психодиагностике [1, 4] сложилась необходимость включения в Этический кодекс РПО, уже регламентирующего

сферы предоставления психологических услуг и частично сферу психодиагностических услуг, дополнительного раздела, регламентирующего этику создания и распространения психологических методик. За рубежом подобные документы существуют [12, 14]. Эта сфера, так же как и другие сферы психологические практики, не может регламентироваться только техническими требованиями и юридическими законами, так как непосредственно связана с психологической практикой. В настоящее время достаточно распространены такие этические нарушения при создании психологических методик, как искажение данных о процессе создания методики, о психометрической проверке и стандартизации методик, а также распространение некачественных или непроверенных методик, включая публикацию ключей и норм в обще доступной литературе. Подобный раздел существовал в упомянутом ранее Кодексе психологов СССР 1991 года [2], но в более новом российском кодексе этой проблематике внимания практически не уделяется. Правда, для предотвращения части этих нарушений Президиумом РПО, было принято специальное Постановление от 04.08.2008 года.

Таким образом, современное состояние этической регламентации деятельности психолога в России представляется не вполне удовлетворительным и уступающим многим

зарубежным аналогам. На данный момент этический кодекс РПО представляет собой весьма ригидную систему, задуманную оставаться неизменной, но в случае привлечения должного внимания этическим вопросам становится очевидной необходимость постепенного развития и коррекции этического кодекса в частных вопросах, особенно касающихся администрирования психологической практики. В качестве примера можно привести готовящуюся в рамках РПО Систему сертификации практических психологов, которая с необходимостью должна изменить некоторые аспекты этического кодекса психолога-практика [3].

Литература

1. Батурич, Н.А. Психодиагностика в России / Н.А. Батурич // Вестник практической психологии образования. – 2004. – № 1. – С. 24–27.
2. Кирьянова, М.В. Этический кодекс психолога-диагноста / М.В. Кирьянова. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 280 с.
3. Маничев, С.А. Профессиональные стандарты как основа сертификации в области психологии / С.А. Маничев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – № 32(132). – С. 51–61.
4. Основы психодиагностики: учеб. пособие / под ред. А.Г. Шмелева. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 544 с.
5. Этический кодекс Российского Психологического Общества / Санкт-Петербург, РФ. – 2003.
6. APS Code of Ethics Translation Table, Code Review Committee/ The Australian Psychological Society, 2007. <http://www.psychology.org.au/Assets/Files/NewCode160807WEB.pdf>
7. Code of Ethics and Conduct / The British Psychological Society, 2009. <http://www.cop.es/English/docs/code.htm>
8. Code of Ethics, The Australian Psychological Society: Third Edition / The Australian Psychological Society, 2000. <http://www.psychology.org.au/about/ethics/>
9. Code of Ethics / The Canadian Psychological Society, 2008. <http://www.cpa.ca/cpasite/userfiles/Documents/Canadian%20Code%20of%20Ethics%20for%20Psycho.pdf>
10. Code of Professional Ethics / The Ireland Psychological Society, 2007. <http://www.psihq.ie/DOCUMENTS/Code%20of%20Professional%20Ethics.PDF>
11. Ethical Principles of Psychologist and Code of Conduct / American Psychological Association, 2003. <http://www.apa.us/English/docs/code.htm>
12. Rytmeister, R. Advice to Psychologists on uniform principles on release of psychological test data / R. Rytmeister // adapted from "Release of Psychological Test Data" (January 2007), 2008. www.psychreg.health.nsw.gov.au
13. Rogers T. B. Teaching Ethics and Test Standards in a Psychological Testing Course: a Test Taker's Bill of Rights / T. B. Rogers // Teaching of Psychology. – 1997. – Vol. 24.
14. Testing Code of Ethics (16 NCAC 6D.0306) Authority G.S. 115C-12(9)c.; 115C-81(b)(4) 1997; Amended, 2000. <http://www.aeua.us/docs/testcode.htm>

Поступила в редакцию 26 января 2010 г.

Иванов Антон Евгеньевич. Магистрант факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404.

Anton. E. Ivanov. Undergraduate student of Department of Psychological Diagnostics and Counseling, South Ural State University: 8(351)2679404.

Новые методы психодиагностики

УДК 159.923+316.422
ББК Ю937

МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОФЕССИОНАЛА И ПОДХОДЫ К ЕЕ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Н.А. Батулин, Т.Д. Ким, А.С. Науменко

Проводится обзор исследований инновационного потенциала личности, рассматриваются различные подходы к инновационному поведению профессионала. Предлагается интегративная многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала (ИПП), а также программа ее эмпирической проверки.

Ключевые слова: инновация, инновативность, инновационный потенциал личности, инновационный потенциал профессионала, модель инновационного потенциала профессионала

В соответствии с современными исследованиями инновации являются необходимым элементом развития общества, условием его жизнестойкости, а также динамичности, выживания и развития личности. Так, по мнению венгерского социолога Б. Санто суть саморазвития человека и общества состоит в повышении собственной способности по-новому посмотреть на вещи, определять проблемы и решать задачи, а повышать эту способность необходимо именно с помощью инноваций. Сходную точку зрения высказывает и В. Рейтер, утверждающий, что «инновация является исходным потенциалом для общества, которое стремится успешно решать экономические, социальные и другие вопросы в интересах устойчивого развития для обеспечения нынешним и будущим поколениям материального и духовного благосостояния». Таким образом, способность к инновационной деятельности в последнее десятилетие рассматривается как необходимое условие развития и процветания человека и человечества в целом, а также как необходимый элемент гармоничной личности. При этом с самого начала важно развести несколько значений термина «инновация», используемых на различных уровнях анализа проблемы. Инновация – это и потенциал общества, и отдельное решение в любой области управления и производства. В этих случаях инновация не несет прямого психологического содержания. Наконец, инновация – это продукт психической

активности отдельного человека, и в этом значении она важна для психологического анализа.

Несмотря на признание значения и постоянно растущую популярность инновационной проблематики, инноватика все еще остается очень молодой областью исследования. Даже зарубежные авторы отмечают отсутствие строгого определения понятия инновации и инновационного поведения, отсутствие системного теоретического подхода к изучению новаторства и отсутствие качественного инструментария для диагностики психических феноменов, связанных с инновационной деятельностью. Сегодня в психологической литературе можно встретить целый ряд близких понятий: «инновационная готовность», «инновационная личность», «инновационный потенциал личности».

Так, инновативность, очевидно, является не слишком удачной «калькой» с английского слова «innovativeness». С нашей точки зрения, грамматически и стилистически правильный перевод – «склонность к новаторству». Обычно, инновативностью называют личностную черту, связанную с открытостью новому опыту и желанием осваивать что-либо новое.

Понятие «инновационная личность» было введено Эвереттом Хагеном. По его мнению, существует противоположные типы личности – авторитарная личность и инновационная личность. Авторитарная личность формируется в условиях застоя, простого производства,

самоподдерживаемого равновесия и способствует упрочению этих условий. Инновационная личность формируется в условиях современного устройства общества и ставит под сомнение существующие жизненные стандарты, нормы, ценности, технические решения и т. д. Инновационную личность отличают любознательность, способность принимать на себя ответственность, творческое начало и стремление к новизне. Фактически под инновационной личностью Э. Хаген понимает совокупность личностных черт (в том числе инновативности), обеспечивающих эффективное и продуктивное функционирование человека в современном, динамично меняющемся обществе.

В исследовании А.В. Власовой инновационный потенциал определяется как психологическое образование, которое формируется в течение жизни и проявляется на разных уровнях взаимодействия человека с миром (природном, социальном, культурном и intersubъектном) [3]. В инновационном потенциале личности достаточно традиционно, как и в других свойствах личности, выделяются гносеологический (когнитивный), аксеологический (эмоциональный) и праксеологический (поведенческий) аспекты, соотношение которых (преобладание того или другого компонента) влияет на реализацию инновационного потенциала личности в конкретной инновационной ситуации. Предполагается, что функциональная структура и относительная важность различных компонентов инновационного потенциала меняется с возрастом. Важная особенность инновационного потенциала заключается в том, что с одной стороны, инновационный потенциал – это свойства или возможности личности, которые могут осуществиться и стать реальностью только при определенных условиях. С другой стороны, инновационный потенциал как результат развития является сложным системным образованием, включающим в себя новые движущие силы дальнейшего развития личности [3].

В целом в работе А.В. Власовой инновационный потенциал личности рассматривается достаточно широко – в контексте смысловых и ценностных ориентаций личности, на примере переживаний нового опыта и проблемных ситуаций на разных уровнях взаимодействия человека с миром. В данной работе наибольший интерес представляет прикладной аспект инновационного потенциала личности, а именно его проявление и

приложение к профессиональной деятельности человека. По этой причине в данной работе будет использоваться термин «инновационный потенциал профессионала».

Целью данного исследования является анализ теоретических концепций и прикладных исследований, для того чтобы разработать многоуровневый конструкт или модель инновационного потенциала профессионала и предложить подходы к его операционализации, а в перспективе предложить эмпирический способ валидации данной модели. В первой части статьи представлен анализ современных исследований различных психологических образований, имеющих отношение к взаимодействию «между» человеком и инновациями. Во второй части предложена авторская теоретическая модель инновационного потенциала профессионала (ИПП), в которой предполагается, что структура ИПП будет различной на разных этапах инновационного процесса. В третьей части статьи представлен перечень методик, которые будут использованы для диагностики различных компонентов ИПП в целом и ИПП на различных этапах.

Современное состояние исследований проблем инновационного потенциала профессионала

В ранних исследованиях инноватики, фактически, проводилось отождествление новаторства с креативностью, однако постепенно проблема новаторства стала самостоятельной областью исследования. Вместе с этим изменялось и содержание понятия инновации. Одно из современных определений, разделяемых большинством ученых, звучит так: **инновация – это намеренное внедрение и применение человеком, группой или организацией относительно новых идей, процессов, изделий и процедур, разработанных для определенной выгоды индивидуума, группы, организации или общества** [31]. Необходимо подчеркнуть, что в данном определении инновация обозначена как *намеренное внедрение, приносящее выгоду организации*, и что инновация *необязательно* включает абсолютную новизну – это может быть внедрением продукта, процесса, идеи, известных в одной организации в другую, где с этим незнакомы. Таким образом, креативность становится необходимым, но недостаточным условием зарождения и формирования нововведения в организации, и термины «креативность» и «новаторство» приобретают свои собствен-

ные значения [31]. В философских науках отмежевание новаторства от творчества выразилось в разделении понятий «новация» (и «новатор») и «инновация» («инноватор»). Так, В.Д. Цветкова дает следующие определения. «Новация – это любое открытие, которое осуществляется на индивидуально-личностном уровне, являющееся результатом решения собственной экзистенциальной задачи и имеющее возможность практического применения (потенциальный практический характер). Инновация – это новация, которая достигает некоторого уровня принятия, распространения и использования социумом, создающая предпосылки для социокультурных изменений на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях».

В целом можно выделить два принципиальных уровня рассмотрения феноменов, связанных с инновационной деятельностью: 1) уровень *организации* (корпоративная культура предприятия, характеристики команды, психологический климат, способствующий или препятствующий внедрению инноваций); 2) уровень *личности* (индивидуально-личностные предпосылки генерации и продвижения новых идей, творческого подхода к решению задач).

Организационные предпосылки проблемы инновационного потенциала

В организационно-ориентированном подходе основное внимание уделяется рекомендациям по стимулированию и управлению инновационными процессами на уровне организации (инновационный менеджмент). В рамках данного подхода авторов интересуют вопросы разработки инновационной стратегии компании, планирования и организации внедрения нововведения на предприятии, а также создания в организации или проектной группе условий, благоприятных для возникновения новых идей, творческих решений, необычных продуктивных предложений (инновационного климата). Среди организационных переменных, попадающих в поле зрения исследователей инновационной среды организации, можно назвать сложность выполняемой работы, стиль руководства (отношения с руководителем), отношения с коллегами, особенности обратной связи в организации, вознаграждение, дедлайны и постановку целей, а также социальные сети внутри организации.

Сложность выполняемой деятельности. Результаты исследований свидетельствуют,

что когда люди выполняют *сложную работу* (например, разнообразную, характеризующуюся высоким уровнем автономии, качественной и разноплановой обратной связью, высокой важностью для организации), у них больше выражены внутренняя мотивация и интерес к доведению своей работы до конца. В результате такие сотрудники порождают больше оригинальных и полезных для организации идей.

Стиль руководства. Несмотря на то, что в нескольких недавних работах исследователям не удалось показать связи между *стилями руководства* и инновационной активностью персонала, большинство более ранних данных указывают на наличие положительной связи между демократическим (поддерживающим) стилем руководства и продуцированием новаторских идей персоналом [16]. Кроме того, обратная взаимосвязь была обнаружена между контролирующим поведением начальника и креативностью специалистов отделов исследований и разработок. Важно, что наличие таких связей легко интерпретируется в рамках традиционной парадигмы социальной психологии. Однако отсутствие связи стилей руководства и инновационной активности персонала требует нового понимания социальных отношений производственного коллектива.

Отношения с коллегами. Не столь однозначной и очевидной является связь особенностей *отношений с коллегами* с порождением новых полезных идей сотрудниками. Первоначально предполагалось, что здесь должен действовать механизм, аналогичный отношениям с руководством, – хорошие отношения с коллегами и взаимная поддержка в коллективе должны повышать внутреннюю мотивацию, которая, в свою очередь, связана с креативными процессами. Действительно, в ряде работ было показано, что поддержка со стороны коллег была связана с творческими достижениями, однако в других исследованиях подобные связи оказались существенно более слабыми и статистически незначимыми. И, наконец, в третьей группе работ предиктором порождения новаторских идей оказалась высокая конкуренция между работниками.

Материальное вознаграждение. Влияние *денежного вознаграждения* на креативность и новаторство также неоднозначно. Некоторые исследователи полагают, что пропорциональное вознаграждение выполняет функцию контроля, снижая внутреннюю мотивацию и креативность решений. По мнению других,

вознаграждение способствует креативности, поскольку имеет информационную ценность и дает человеку подтверждение собственной значимости и полезности, Эмпирические данные свидетельствуют как в пользу первой, так и в пользу второй гипотезы.

Жесткие сроки выполнения работы (дедлайны). Также противоречивы результаты исследований связи *жестких сроков и планов выполнения* задач с креативностью и новаторством. В некоторых работах были получены данные о том, что инструкция на наилучшее выполнение и/или необходимость произвести большое количество продукции оказывали подавляющее влияние на креативность. Кроме того, было выяснено, что жесткие сроки выполнения задач отрицательно влияли на творческую активность маркетологов, но положительно на новаторскую продукцию ученых.

Некоторые факторы влияют на людей неоднозначно (хорошие отношения с сотрудниками, пропорциональное вознаграждение и т. д.). Следовательно, при объяснении организационных процессов требуется учитывать влияние индивидуальных особенностей людей, включенных в инновационный процесс.

Индивидуальные предпосылки проблемы инновационного потенциала профессионала

Исследователей, придерживающихся индивидуально-ориентированного направления интересует не управление нововведениями на уровне организации, а индивидуальные предпосылки ИПП, возможность его диагностики и прогнозирования. В целом вопрос природы и структуры ИПП оказался для исследователей весьма дискуссионным.

Особенность интеллекта

Дж. Гилфорд, МакКиннон и Э. Торренс пытались показать связь новаторства с *интеллектом*, однако пришли к выводу о весьма слабой связи между этими параметрами. Скорее всего, интеллект является хотя и существенным, но неоднозначным условием новаторства.

Личностная черта

Достаточно хорошо разработанное направление указывает на то, что инновативность является *личностной чертой*, которая определяет отношение к новому и неизвестному. Предполагается, что выраженность этого отношения формирует континуум – от

крайне отрицательного до очень положительного – и в популяции распределены в соответствии с законом нормального распределения. Наиболее известный пример операционализации инновативности дает пятифакторная модель личности, в которой один из факторов называется «открытость опыту» и описывается как любознательность и познавательная мотивация, готовность действовать в соответствии с новыми идеями и изменившимися условиями, желание пробовать новое. Следует отметить, что открытость опыту как личностный фактор представляет собой достаточно широкий, в большей степени бытовой конструкт. Как показали недавние исследования, общая позитивная или негативная личностная установка в отношении нового влияет на поведение конкретного человека в конкретной организации/ситуации лишь опосредованно, в связи с этим вряд ли может служить надежным предиктором специфического ИПП. Более поздние исследования показывают, что глубокое понимание ИПП может быть достигнуто одновременным объединением исследований интеллекта и личностных особенностей внутри одной общей структуры.

Когнитивный стиль

Некоторые исследователи считают, что ИПП связан с *когнитивными стилями*. Наиболее известна теория адаптации-новаторства М. Кертона. Она базируется на предположении о том, что творческие способности присущи всем людям, но стили творческого мышления, решения задач и принятия решений у разных людей различны. Стилиевые различия формируют континуум от высокой адаптации до высокого новаторства. На полюсе адаптивного стиля располагаются люди, предпочитающие проверенные способы деятельности и стремящиеся улучшить существующие системы; на полюсе новаторского стиля находятся те, кто стремится не улучшить уже имеющееся, а найти *новые* нестандартные подходы. В других работах было показано, что высокая выраженность новаторского стиля может надежно предсказывать высокую творческую и инновационную активность работников, измеренную оценками руководителей и анализом исследовательских отчетов.

Другой подход к выделению инновативных когнитивных стилей реализован М. Базадуром. По его мнению, люди делятся на «генераторов», «концептуализаторов», «оптимизаторов» и

«внедренцев», что означает существование 4 различных стилей решения задач. Решение конкретной творческой проблемы требует различных приемов, связанных с разными стилями, однако большинство людей отдает явное предпочтение лишь одному какому-то стилю. Генераторы порождают новые идеи и придумывают новые решения; оптимизаторы стремятся улучшить существующее положение; концептуализаторы развивают и распространяют новые идеи, а внедренцы применяют новые решения на практике и становятся активными пользователями новинок. На наш взгляд, более оправдано в этом случае говорить не о различии стилей, а скорее о различии типов инновативных структур, определяющих их выбор и эффективность их действий на разных этапах инновационной активности.

Инновационное профессиональное поведение и определяющий его инновационный потенциал: комплексный подход

Можно заметить, что во всех рассмотренных теориях и подходах (и со стороны интеллекта, и со стороны личностных черт, и с позиции когнитивных стилей) исследователи фокусировали свое внимание на способности индивида порождать полезные для организации идеи. Однако появление новаторской идеи – это лишь первый этап, за которым должно последовать продвижение и внедрение идеи.

Наиболее простой вариант решения этой дилеммы – разделение на «новаторов» и «инноваторов». Напомним, что новатор осуществляет открытия на индивидуально-личностном уровне, но может быть не ориентирован на применение собственных разработок в силу внутренних особенностей личности или внешних обстоятельств. Инноватор способен практически применять и использовать собственные новации, он не ограничен внутренними или внешними преградами в этом процессе.

Некоторые исследователи используют комплексный подход и выделяют несколько стадий инновационного поведения. Например, комплексная теория Дж. Фарра и К. Форда [22] определяет инновационное профессиональное поведение как поведение индивида, связанное с инициацией и намеренным внедрением (в рамках профессиональной роли, группы или организации) новых и полезных идей, процессов, продуктов или процедур. Инновационное профессио-

нальное поведение предполагает, что люди демонстрируют инновативность по собственной инициативе, выходя за рамки своих должностных обязанностей. ИПП включает генерацию идей, а также поведение, необходимое для внедрения новшеств.

В подобных работах инновационное профессиональное поведение операционализировалось как одномерный конструкт. В одном из недавних исследований по данной теме автор предлагает многомерную модель, опирающуюся на представление о связи инновационного профессионального поведения со стадиями инновационного процесса, на исследование творчества и на работы по предпринимательству. Модель Де Йонга включает 4 компонента или этапа инновационного поведения: 1) исследование возможностей, 2) генерация идей, 3) продвижение, 4) практическое применение. Обоснованность выделения этих компонентов ИПП подтверждается в исследованиях, делающих акцент на каждом из них отдельно. Инновация обычно начинается с обнаружения несоответствия между реальными и идеальными характеристиками продукта или процесса. На этой стадии происходит *исследование возможностей* решения проблемы, которое включает поиск способов улучшения существующих процессов, взгляд на текущие процессы или продукты под необычным углом зрения, с необычной стороны. Второе необходимое условие инновации – *оригинальная творческая идея*, которая рождается после исследования возможностей. Генерация идей может быть направлена на создание новых продуктов, услуг или процессов, освоения новых рынков, улучшения текущих рабочих процессов, иными словами, новых решений обнаруженных проблем. Как только творческая идея оформилась, ее нужно «продать». Несмотря на то, что потребность в новых идеях бывает осознанной, далеко не всегда хорошие идеи находят себе применение. Более того, в большинстве случаев инновационные идеи встречают сопротивление, поскольку требуют изменения привычных способов деятельности и/или дополнительного обучения. Внутри организации необходимы люди, которые будут прилагать усилия на *продвижение творческих идей*, «проталкивание» инициатив. Продвижение идей включает поведение, связанное с поиском поддержки, формированием коалиций, ведением переговоров, убеждением и влиянием на других людей. Преобразование идей в практические ре-

шения также часто требует значительных усилий. Фаза *применения* включает такие виды поведения, как разработка новых продуктов или рабочих процессов, их тестирование и модификацию. Для того, чтобы эти действия считать частью инновационного профессионального поведения, они должны совершаться по собственной инициативе субъекта (не по требованию или прямой должностной обязанности) и быть устойчивыми (преодолевать барьеры на пути совершения изменений).

Наиболее важный вывод из этих исследований, на наш взгляд, заключается в том, что ИПП на разных этапах инновационного процесса требует от исполнителей наличия специфического набора психических свойств, поэтому успешность внедрения новации на разных этапах предполагает либо участия нескольких лиц с различным набором компонентов ИПП, либо человека, обладающего универсальным комплексом разноуровневых инновационных свойств.

Таким образом, можно сделать вывод, что общая модель ИПП должна быть многокомпонентной и многоуровневой.

Интегративная многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала

Для более полного понимания понятия инновационного потенциала профессионала необходимо уточнить понятие потенциала личности. Д.А. Леонтьев полагает, что «личностный потенциал является интегральной характеристикой уровня личностной зрелости, который отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств» [10]. При этом личностный потенциал представляет собой устойчивую совокупность личных свойств, накопленных человеком в процессе жизнедеятельности и составляющих основу его способности к эффективной личной и профессиональной деятельности. Исследователи выделяют следующие отличительные черты, присущие индивидам с высоким уровнем развития личностного потенциала: самореализованность в социальной действительности; жизнестойкость в повседневной жизни; открытость профессиональным переменам; высокий уровень личностной зрелости.

Открытость профессиональным переменам как одно из проявлений личностного потенциала указывает на то, что инновационный потенциал профессионала можно рассматривать как один из компонентов более широкого и универ-

сального личностного потенциала. В модели общего личностного потенциала главным является уровень личностной зрелости, поэтому открытость профессиональным переменам – это зрелость в карьерном отношении и, в частности, в отношении к позитивным и негативным изменениям карьеры или к профессиональным проблемам вообще. Инновационный потенциал профессионала, если и связан с личностным потенциалом, то только косвенно: личности с высоким ИПП необязательно имеют высокий личностный потенциал, и наоборот.

Этот вывод позволяет предположить, что инновационный потенциал имеет в своей структуре не только личностные компоненты, но и психические явления других уровней и другой природы, и в частности, генетические, психофизиологические и социально-психологические, то есть ИПП – это совокупность не только разноуровневых, но и разноприродных компонентов, а именно:

- психофизиологических и генетических;
- свойств личности, выработанных в процессе развития и социализации;
- навыков и компетенций, сформированных в результате участия человека в производственной деятельности.

К генетическим и психофизиологическим компонентам относятся:

- общий уровень жизненной активности;
- потребность в риске;
- текучий интеллект;
- гибкость-ригидность нервной системы.

К некоторым свойствам личности, влияющим на формирование инновационного потенциала, относятся:

- инициативность;
- креативность;
- особенности мотивации достижений (преобладание стремления к успеху над страхом неудач);
- общая социальная активность: количество дел, которое одновременно «ведет» человек;
- разнообразие интересов;
- открытость новому опыту, скорость освоения нового;
- потребность и стремление к изменениям;
- склонность к экспериментированию и риску;
- решительность (в высказывании идей, поиске новых деловых партнеров, включении в новые дела);

- сверхнормативная активность;
- потребность в автономии, внутренний локус контроля;

- низкий консерватизм.

К навыкам и компетенциям, определяющие реализацию ИПП относятся:

- профессиональные инновационные установки;
- репертуар инновационных действий;
- инновационный опыт;
- управление изменениями.

Опираясь на исследования инновационного процесса, можно предположить, что помимо ИПП, большое влияние оказывает на инновационный процесс инновационная среда или инновационный потенциал организации (ИПО).

К организационным детерминантам ИПП относятся:

- инновационное окружение организации (насколько быстро происходят изменения продуктов на рынке продуктов, аналогичных выпускаемым данной организацией, индекс инноваций);
- инновационный климат организации и команды;
- стиль управления (лидерства) и инновационный потенциал высшего руководства;
- инновационный потенциал ключевых исполнителей.

В результате анализа исследований проблемы инновационного потенциала профессионала и организации предложена модель ИПП, включающая различные психофизиологические, психические и личностные свойства, навыки и компетенции. Состав компонентов ИПП предполагает, что структура ИПП является разноуровневой. Другой важной особенностью модели ИПП является то, что на разных этапах инновационного процесса состав и структура ИПП будет различной, при этом несколько компонентов ИПП будут «сквозными» для всех типов. Наконец, реализация ИПП зависит от особенностей инновационного потенциала организации, в которой осуществляет свою деятельность конкретные профессионалы-носители своего инновационного потенциала.

Программа эмпирической проверки модели инновационного потенциала

Очевидно, что многокомпонентность и многоуровневость представленной модели ИПП создают определенные проблемы для ее

предварительной эмпирической проверки. Возможно предложить несколько дизайнов эмпирических исследований, ориентированных на проверку модели ИПП. Был разработан следующий вариант:

На первом этапе проводится проверка (диагностика) всех выделенных компонентов ИПП в двух группах испытуемых, разделенных на основе внешнего критерия – интереса и успешности в инновационной деятельности. Выраженность критерия оценивается методом «360°» в нескольких организациях. Значимые различия между показателями будут критериями для отбора компонентов.

На втором этапе проверки модели испытуемые распределяются по 4 группам («генератор», «концептуализатор», «оптимизатор» и «внедонец») на основании результатов методик CPSP (4 стиля инновации решения задач), методики «Инновационный репертуар» и 360 градусов. Затем проводится сравнение показатели в 4 группах между собой, а также корреляционный анализ показателей методик, использованных для разделения на группы, и показателей ИПП.

Такой анализ позволит отобрать компоненты, специфические для каждого типа ИПП, и составить «портрет» типа. Факторный анализ позволит отобрать «сквозные» компоненты, необходимые для реализации любого типа ИПП.

Проверка валидности предложенной модели на этом этапе потребует целого комплекса методик. В табл. 1–4 приведены методы и конкретные методики, с помощью которых может быть осуществлена проверка валидности модели.

Для измерения далеко не всех феноменов существуют отечественные методики. В определенных случаях требуется перевод и адаптация зарубежных тестов и опросников. Это осложняет процесс эмпирической проверки модели

Таким образом, в статье представлены результаты анализа исследований (в основном зарубежных) различных аспектов инновационного процесса и инновационного потенциала человека. На основе анализа предложена теоретическая многоаспектная и многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала. Ее сложность определяется комплексностью и многомерностью самого инновационного потенциала, который в зависимости от этапа реализации инновационного

Таблица 1

Первый уровень: генетические и психофизиологические феномены

№ п/п	Феномен	Тип методики, метода или конкретная методика
1	Общая жизненная активность	Диагностика целостной целостной активности субъекта жизнедеятельности [4]. Метод парных сравнений по принципам жизненной активности [6]
2	Готовность к риску, потребность в риске	Имитационные экспериментальные процедуры, первая шкала. Гамбургского личностного опросника [17]
3	Текущий интеллект	УИТ СПЧ-М, универсальный интеллектуальный тест [1]
4	Гибкость – ригидность нервной системы	Томский опросник ригидности ТОМ [2]

Таблица 2

Второй уровень: феномены онтогенетического развития личности

№ п/п	Феномен	Тип методики или конкретная методика
1	Мотивация достижения (сочетание высокого стремления к успеху и низкого избегания неудачи)	Тест тематической апперцепции (НТАТ) Хекхаузена [24], методика «Общая предпринимательская тенденция» (GET) [19, 26]
2	Потребность в автономии, внутренний локус контроля	Методика «Общая предпринимательская тенденция» (GET), [19, 26]. Исследование локализации контроля личности [9]
3	Кристаллизованный интеллект	УИТ СПЧ-М, универсальный интеллектуальный тест [1]
4	Когнитивные стили (новатор – адаптор; «генератор», «концептуализатор», «оптимизатор», «внедренец»)	Опросник адаптации-новаторства Кертона (КАИ) [25]. Методика «Профиль творческого решения задач» (CPSP) [18]
5	Критичность к действительности.	Опросник личностных стилей Миллона (MIPS) [30]
6	Глобально позитивное отношение к миру (оптимизм)	Q-сортировка глобальное отношение к миру (Гудкова) [5]. Опросник атрибутивного стиля ASQ [28]

Таблица 3

Третий уровень: феномены социализации

№ п/п	Феномен	Тип методики или конкретная методика
1	Открытость новому опыту	NEO PI-R (3-й фактор) [12, 21] или НРІ (2-я шкала) [17]
3	Познавательный интерес (познавательная потребность, аттитюд новаторства)	Опросник мотивации Гербачевский В.К., шкала «познавательный мотив» [14]
4	Надситуативная активность	Рискометр В.А. Петровский [13]
5	Типичное ролевое поведение: новатор, организатор, производитель, пользователь	Методика «Профиль творческого решения задач» (CPSP) [18]
6	Гибкость – ригидность поведения профессиональной деятельности	Методики «Индикатор отношения к изменениям» (CSI) [27], «Опросник развития менеджеров» (MDQ) [20]
7	Установки (барьеры) по отношению к новому	Опросник барьеров креативного мышления и инновационной активности» (IBCT&IA) [29]
8	Толерантность к неопределенности	Опросник толерантности к неопределенности (MSTAT-I) [11]

Четвертый уровень: навыки и компетенции, приобретенные в процессе деятельности

№ п/п	Феномен	Тип методики или конкретная методика
1	Профессиональные инновационные установки	Методика «Отношение личности к изменениям» [15]
2	Репертуар инновационных действий	Методика «Инновационный репертуар» [8]
3	Стереотипы деятельности	Опросник стереотипов [7]
4	Инновационный опыт	Шкала контекстно-специфической инновативности (DSI) [23]
5	Управление изменениями	Опросник развития менеджеров (MDQ) [20]

процесса имеет различные состав и структуру из более частных психических феноменов. Менее сложные представления об инновационном потенциале малопродуктивны, хотя более просты в исследовательской реализации.

Предложенный дизайн эмпирической проверки модели инновационного потенциала позволяет надеяться на ее операционализацию и дальнейшую разработку в рамках комплексной методики для диагностики инновационного потенциала профессионала.

Литература

1. Батулин, Н.А. Универсальная методика для изучения уровня и структуры интеллекта / Н.А. Батулин, Н.А. Курганский // Вопросы психологии. – 2005. – № 5.

2. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2007. – 688 с.

3. Власенко, Ю.А. Психологический анализ инновационного потенциала личности: дис. ... канд. психол. наук / Ю.А. Власенко. – Симферополь Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского, 2003.

4. Волочков, А.А. Диагностика целостной активности субъекта жизнедеятельности / А.А. Волочков, А.Ю. Повов // Высшее образование сегодня. – 2008. – №2. – С. 46–55.

5. Гудкова, Е.В. Методы изучения Глобального отношения как свойства личности / Е.В. Гудкова // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология. Сборник научных трудов / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – Т.3.

6. Гусев, А.Н. Измерение в психологии: общий психологический практикум / А.Н. Гусев, Ч.А. Измайлов, М.Б. Михалева. – М.: Смысл, 1997. – 286 с.

7. Зеер, Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 500 с.

8. Кабаченко, Т.С. Психология в управле-

нии человеческими ресурсами / Т.С. Кабаченко. – М., 2003.

9. Ксенофонтова, Е.Г. Исследование локализации контроля личности / Е.Г. Ксенофонтова // Психологический журнал. – 1999. – № 2.

10. Леонтьев, Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 56–65.

11. Луковицкая, Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: автореф. дис. ... к.п.н. / Е.Г. Луковицкая. – СПб., 1998.

12. Орел, В.Е. Личностные опросники NEO PI-R NEO FFI. Руководство по применению. Второе издание / В.Е. Орел, И.Г. Сенин. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008.

13. Петровский, В.А. К Психологии активности личности / В.А. Петровский // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 33.

14. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А.А. Крылова. – Л.: ЛГУ, 1990.

15. Советова, О.С. Социальная психология инноваций: основания, исследования, проблемы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / О.С. Советова. – СПб., 1998.

16. Amabile, T.M. Creativity in context / T.M. Amabile. – Boulder, CO: Westview, 1996.

17. Andresen, B. Hamburger Persönlichkeitsinventar (HPI). Manual / B. Andresen. – Göttingen: Hogrefe, 2002.

18. Basadur, M.S., Identifying individual differences in creative problem solving style / M.S. Basadur, G.B. Graen, M. Wakabayashi. – Journal of Creative Behavior. – 1990. – Vol. 24. – No. 2. – P. 111–131.

19. Caird, S. Testing enterprising tendency

- in occupational groups* / S. Caird // *British Journal Of Management*. – 1991. – № 2. – P. 177–186.
20. Cameron, A. *MDQ Manual (UK Edition)* / A. Cameron. – Hogrefe Ltd, 2006.
21. Costa, P.T. *Revised NEO Personality Inventory (NEO PI-R) and NEO Five Factor Inventory. Professional Manual* / P.T. Costa, R.R. McCrae. – Odessa, Fl.: *Psychological Assessment Resources*, 1992.
22. Farr, J. *Individual innovation* / J. Farr, C. Ford // *Innovation and creativity at Work: Psychological and Organisational Strategies*, Chichester: John Wiley, 1990. – P. 63–80.
23. Goldsmith, R.E. *Measuring consumer innovativeness* / R.E. Goldsmith, C.F. Hofacker // *Journal of the Academy of Marketing Science*. – 1991. – № 19. – P. 209–221.
24. Heckhausen, H. *Hoffnung und Furcht in der Leitungsmotivation* / H. Heckhausen. – Meisenheim / Glan: Nain, 1963.
25. Kirton *Adaption-Innovation Inventory (KAI) – Manual*. 3rd Edition. KAI Distribution Centre, U.K., 1999 (reprinted with amendments 2005).
26. Mazzarol, T. *Entrepreneurship and innovation* / T. Mazzarol. – Australia: Tilde University Press. May, 2008.
27. Musselwhite, C.W. *Change Style Indicator. Discovery Learning* / C.W. Musselwhite, R.D. Ingram. – Press, Greensboro, NC, 1998.
28. Peterson, C. *The Attributional Style Questionnaire* / C. Peterson, A. Semmel et al. – *Cognitive Therapy and Research*, 1982. – P. 287–299.
29. *The 1990 Annual: Developing Human Resources* / ed. by J.W. Pfeiffer. – San Diego: University Associates, 1990.
30. *The Millon inventories: Clinical and personality assessment*. – New York: Guilford, 1997.
31. West, M.A. *Innovation at work* / M.A. West, J.L. Farr // *Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational Strategies*. – Chichester: John Wiley, 1990. – P. 3–13.

Поступила в редакцию 2 февраля 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психодиагностики и консультирования Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling», South Ural State University: nikbat@list.ru.

Татьяна Дмитриевна Ким. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404.

Tatiana D. Kim. Postgraduate student of chair «Psychological testing and counseling», South Ural State University: 8(351)2679404.

Науменко Анна Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: anna-naumenko@inbox.ru.

Anna S. Naumenko. Candidate of psychological sciences, associate professor of chair «Psychological testing and counseling», South Ural State University: anna-naumenko@inbox.ru.

РАЗРАБОТКА МЕТОДА ИЗУЧЕНИЯ ТОЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

И.В. Выбойщик, Д.В. Иноземцев, Г.В. Карлышев, Ю.Л. Юсупова

Рассматриваются проблемы, обусловленные спецификой профессиональной оценки. Обосновывается актуальность изучения точности оценочных суждений как критерия для подбора «хороших» экспертов-оценщиков и определения качества предоставляемой ими информации. Приводится перечень процедур, разработанный для определения точности профессиональной оценки личности. Обсуждаются результаты пилотажного эксперимента. Выделяются причины искажений в экспертных оценках.

Ключевые слова: профессиональная оценка, оценка личности, оценочные суждения, точность, критерии оценки, искажения в оценках.

Введение

Статья посвящена одному из прикладных аспектов изучения оценки как психического феномена, включенного в процессы регуляции поведения человека и его адаптации к окружающему миру. Речь идет о профессиональной оценке, которая в отличие от оценки обыденной осуществляется сознательно и выражается преимущественно в форме оценочных суждений [3].

Вопросы целенаправленного изучения профессиональной оценки являются относительно новыми для отечественной психологии и более активно обсуждаются зарубежными исследователями. Основная проблема на данный момент состоит в отсутствие единых позиций, регламентирующих практическую деятельность оценщиков. Так, существуют разногласия в подходах к определению целей и выбору «инструментов» оценивания. Не до конца определены и не согласованы нормы, регулирующие деятельность оценщиков, в том числе границы ответственности, требования к форме и содержанию предоставляемой в результате оценивания информации, диапазон цен за соответствующие «услуги» и т. п. [15]. Результаты исследований, ориентированные на решение теоретико-методологических задач, связанных с различными аспектами оценивания, не всегда принимаются во внимание при организации и проведении практических процедур профессиональной оценки.

Для преодоления отмеченных трудностей необходимо выделить общие задачи, которые в настоящее время могут быть решены путем совместных усилий ученых и практиков, задействованных в сфере оценивания. Одна из таких

задач состоит в поиске способов управления процессом профессионального оценивания на всех его этапах: от выбора основных компонентов оценки (объект, предмет, субъект, критерии) до определения «качества» полученной в результате этого процесса информации.

Исходя из данной задачи авторами статьи предпринята попытка *разработать метод изучения точности профессиональной оценки* как ключевого критерия ее «качества». При этом предполагается, что уровень точности, выявленный с помощью этого метода, сможет служить основанием для подбора «хороших» оценщиков, определения эффективности их деятельности, а также для анализа и нейтрализации факторов, вызывающих искажения в оценках [4].

Предмет и задачи исследования

Выбор точности в качестве *предмета* изучения обусловлен общей целью профессионального оценивания – получение *достоверной* информации, актуальной с точки зрения принятия решений и обоснования этих решений в социально значимых ситуациях.

Сложность предмета содержится уже в самом определении термина *«точность оценивания»*, которое с учетом представлений о психологической природе оценивания и анализа информации словарей различного профиля было сформулировано следующим образом: под точностью понимается *степень соответствия* суждений оценщика суждениям, принятым за *«эталон»* для оцениваемого объекта [2, 13, 14].

Принимая во внимание данное определение, можно выделить как минимум три про-

блемы и соответственно три *задачи*, связанные с разработкой заявленного нами метода. Во-первых, точность «эталонных» суждений должна быть каким-то образом обеспечена и подтверждена. Во-вторых, большое значение имеет единый набор критериев, задающих характеристики предмета оценки и размер оценочных шкал. В-третьих, необходим четко определенный объект оценки, проявления которого могли бы служить универсальным «стимульным материалом».

Решение этих задач осуществлялось на примере оценки, объектом которой являются люди и их проявления в экспериментальной ситуации, предметом – личностные характеристики этих людей, субъектом – «наивные» оценщики и психологи-профессионалы.

Третья задача была выделена в качестве основной и после уточнения свелась к созданию и апробации двух параллельных форм «стимульного материала».

Ниже приведен перечень этапов исследования, а также краткое описание методов, использованных в процессе его проведения.

Этапы исследования

1. Формирование критериев оценки:

- выбор модели, содержащей наиболее существенные и универсальные характеристики личности;
- формулирование краткого и доступного для восприятия описания личностных характеристик модели;
- выбор размера шкал, пригодного для оценки среднестатистическим экспертом и последующей обработки результатов.

2. Выявление оценок первого порядка:

- изучение с помощью различных методов степени выраженности личностных характеристик у группы людей, знакомых между собой и объединенных ситуацией совместной деятельности.

3. Выявление оценок второго порядка:

- вычисление степени согласованности оценок, полученных с помощью различных методов;
- отбор участников исследования, в отношении которых удалось получить непротиворечивые оценки, и вычисление интегральных показателей для каждого из них.

4. Создание двух параллельных форм «стимульного материала»:

- разработка экспериментальных заданий, позволяющих максимально полно продемонстрировать оцениваемые характеристики;

- выбор участников исследования, интегральные показатели которых имеют степень выраженности, отличную от средних значений;

- подбор двух пар участников по принципу «контрастности» интегральных показателей внутри каждой пары;

- видеозапись выполнения заданий этими участниками;

- монтаж видеоряда, иллюстрирующего проявления участников при выполнении экспериментальных заданий (для каждой из подобранных пар).

5. Выявление и анализ оценок третьего порядка:

- экспертная оценка личности по видеозаписи;

- обсуждение факторов, затрудняющих процесс оценивания и влияющих на результат экспертной оценки;

- вычисление степени согласованности экспертных оценок между собой, а также с оценками, полученными на втором и третьем этапах исследования;

- вычисление степени согласованности экспертных оценок, полученных для двух форм «стимульного материала».

6. Коррекция процедур итоговой экспертной оценки и содержания двух параллельных форм «стимульного материала».

Методы исследования

В качестве модели, позволяющей дать оценку наиболее существенным универсальным характеристикам личности (этап 1), была выбрана «Большая пятерка» [11]. В качестве конкретных критериев оценки – пять обобщенных характеристик высокого порядка: Экстраверсия – Интроверсия, Согласие – Независимость, Самоконтроль – Импульсивность, Эмоциональная стабильность – Тревожность, Новаторство – Консерватизм. Краткое описание содержания этих характеристик приведено в таблице. Для вынесения результирующих оценочных суждений определена 5-балльная шкала, которая представляет собой компромиссный вариант с точки зрения людей, предпочитающих дробные и обобщенные оценки.

Оценки первого порядка (этап 2) выявлялись с помощью нескольких методов:

- психологическое тестирование на основе самооценки (методика B5splus_6, [5]);

- прямая экспертная оценка по принципу семантического дифференциала [6];

Новые методы психодиагностики

Содержание оцениваемых характеристик личности

№	Характеристика	«Позитивный» полюс	«Негативный» полюс
1	Экстраверсия – Интроверсия	Общительность, открытость в проявлении чувств, активная позиция в коммуникации	Сдержанность, замкнутость, пассивная позиция в коммуникации
2	Согласие – Независимость	Склонность к сотрудничеству, кооперации, дружелюбие	Склонность полагаться на свое собственное мнение, конкурировать, соревноваться с другими людьми
3	Самоконтроль – Импульсивность	Пунктуальность, последовательность, умение следовать алгоритму	Ситуативность, непоследовательность поведенческих реакций, способность выйти за рамки стандартных схем действий
4	Эмоциональная стабильность – Тревожность	Спокойствие, уверенность в себе, способность быстро адаптироваться к стрессовым ситуациям	Общая напряженность, недостаточная уверенность в себе, трудности в адаптации к стрессовым ситуациям
5	Новаторство – Консерватизм	Любознательность, открытость новому опыту, ориентация на изменения	Прагматизм, сопротивление изменениям, ориентация на стабильность

– экспертная оценка по принципу парного ранжирования [8, 12].

В соответствующих процедурах были задействованы студенты 5-го курса университета (16 человек), а также преподаватели (5 человек), знакомые с этими студентами по учебным занятиям.

При подсчете *интегральных показателей* (этап 3) результаты оценивания по каждому методу переводились в формат единой шкалы, после чего определялась медиана распределения полученных значений [9].

Для определения *степени согласованности* экспертных оценок (этапы 3 и 5) использовался статистический критерий Альфа Кронбаха; в качестве критерия высокой согласованности были приняты значения этого показателя 0,9 и выше. Степень согласованности оценок, полученных с помощью разных методов, определялась исходя из уровня значимости связей, выявленных при подсчете коэффициента корреляции Спирмена [10, 12].

Видеозапись выполнения *экспериментальных заданий* (этап 4) производилась в трех ситуациях: самопрезентация, индивидуальное интервью и деловая игра с последующей дискуссией в двух выделенных парах испытуемых [7].

Экспертную оценку личности по видеозаписи осуществляли профессиональные психологи (5 человек). Стимульный материал демонстрировался всем экспертам одновременно. Оценки озвучивались и обсуждались в групповом режиме (этап 5).

Результаты исследования и их обсуждение

Статистический *анализ оценок первого порядка* (этап 3) показал различную степень их согласованности для двух групп экспертов. Альфа Кронбаха на уровне 0,9–0,99 в группе студентов наблюдается в 80% случаев, в группе преподавателей – в 50 % случаев, что можно объяснить более длительным и более разнообразным опытом взаимодействия внутри студенческой группы по сравнению с аналогичным опытом взаимодействия и студентов этой группы с преподавателями.

Также была обнаружена низкая степень согласованности экспертных оценок с результатами психологического тестирования (корреляции статистически незначимы). Данный результат, на наш взгляд, объясняется различиями в позиции оценщиков: в ситуации тестирования они оценивают свою собственную личность, а в ситуации экспертной оценки – личность других людей. Кроме того, опросник, по которому производилось тестирование, выявляет обобщенные и глубинные личностные характеристики, проявления которых не всегда доступны для внешнего наблюдения.

Результаты *качественного анализа оценок третьего порядка* (этап 5) свидетельствуют о том, что они лучше согласуются между собой, чем с принятыми за эталон оценками второго порядка. *Причины расхождений в оценках* нуждаются в отдельном изучении и вероятнее всего связаны с влиянием различного рода искажений.

Так, эксперты-психологи отметили ряд эффектов, которые приводили к вынесению

случайных оценочных суждений либо к изменению первоначальных оценок, производимых спонтанно и осознаваемых в процессе осуществления формальных оценочных процедур:

– в случае общего негативного восприятия проявлений оцениваемой личности эксперт был вынужден преодолевать интуитивное стремление к усилению негативных и к ослаблению позитивных на его взгляд оценок;

– у экспертов возникали трудности, связанные с необходимостью оценивать личность по 5 характеристикам одновременно, преодолевая которые, они были вынуждены ориентироваться на наиболее яркие проявления объекта и игнорировать более частные детали;

– в тех случаях, когда эксперт выделял одну ярко выраженную характеристику, оценка по этой характеристике приобретала роль эталонной по отношению к оценке других проявлений объекта;

– оценки, которые давали другие эксперты, в ряде случаев стимулировали процесс рефлексии и приводили к изменению итогового результата, если эксперт являлся не первым, кто озвучивал оценку;

– профессиональный опыт способствовал тому, что один из экспертов пытался скорректировать свои оценки, исходя из имеющихся знаний о влиянии ситуации деловой игры и последующей групповой дискуссии на личностные проявления объекта оценивания;

– пятибалльная шкала была не удобна для экспертов, склонных выделять более тонкие различия, что снижало их степень уверенности в точности собственных оценочных суждений;

– при сопоставлении названий характеристик, приведенных на бланке, и их описания у большей части экспертов возникал диссонанс, обусловленный собственными представлениями о содержании этих характеристик.

Перечисленные эффекты во многом соответствуют факторам снижения точности и изменения в оценках, которые были проанализированы в предыдущих работах авторов статьи [1, 3] и позволяют сформулировать одну из наиболее актуальных проблем профессионального оценивания. На наш взгляд, эта проблема состоит в расхождении между внутренними оценочными основаниями (экспертов, испытуемых) и внешне заданными критериями оценки. В тех случаях, когда оценщик не видит сходства между собственными представлениями о содержании предмета оцени-

вания и предложенным для оценки эталонным описанием его характеристик, вероятность случайных оценок резко повышается под влиянием естественного стремления к экономии когнитивных усилий. Менее существенные, но сходные по своей сути трудности возникают при низком соответствии между уровнем детализации, характерном для оценщика, и степенью детализации заданных метрических шкал.

Исходя из проблем, выделенных психологами-экспертами, было принято решение внести изменения в процедуру экспертной оценки, осуществляемой на пятом этапе исследования, и только затем перейти к статистической проверке согласованности оценок разного порядка и оценок, полученных для двух форм «стимульного материала».

Выводы

Различия, выявленные в результатах оценивания с помощью различных методов, подтверждают актуальность использования комплексной оценки для повышения точности суждений о личности. При этом особое значение приобретает поиск оптимальных путей определения интегральных показателей, которые могут служить статистически обоснованным эталоном точности.

Разработанная и апробированная авторами методика нуждается в коррекции с учетом выявленных причин искажения и снижения точности оценочных суждений. Уточнение включенных в методику процедур позволит довести до логического завершения задачу по созданию и проверке адекватности двух параллельных форм «стимульного материала».

Литература

1. Батулин, Н.А. Изменение оценок под влиянием различных факторов / Н.А. Батулин, Ю.Л. Юсупова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – №33 (133). – Вып. 3. – С. 4–17.
2. Батулин, Н.А. Оценочная функция психики / Н.А. Батулин. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997. – 306 с.
3. Батулин, Н.А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения / Н.А. Батулин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 1. – № 31 (131). – С. 17–31.
4. Батулин, Н.А. Точность профессионального оценивания и пути ее повышения / Н.А. Батулин, Г.В. Карлышев // Вестник

- ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 5. – № 18(151). – С. 11–18.
5. Большая пятерка, сокращенная версия / HR-Лаборатория Human Technologies 2007–2010; науч. рук. А.Г. Шмелев. – www.ht.ru/tests/bank/annrtf/b5splus.php.
6. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: ПитерКом, 1999. – 528 с.
7. Вудраф, Ч. Центры развития и оценки: определение и оценка компетенций / Ч. Вудраф. – М.: НИРО, 2005. – 384 с.
8. Литвак, Б.Г. Экспертные оценки и принятие решений / Б.Г. Литвак. – М.: Патент, 1996. – 173 с.
9. Павлов, А.Н. Методы обработки экспертной информации: учебно-метод. пособие / А.Н. Павлов, Б. В. Соколов. – СПб.: ГУАП, 2005. – 42 с.
10. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 349 с.
11. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
12. Экспертные оценки и методология их использования / Н.Е. Архангельский, С.А. Валуев, В.А. Половников, А.М. Черногорский. – М.: Высшая школа, 1974. – 147 с.
13. Broekens, J. Formal models of appraisal: Theory, specification, and computational model / J. Broekens, D. DeGroot, W.A. Kesters // *Cognitive Systems Research*. – V. 9, I. 3. – 2008. – P. 173–197.
14. Mellers, B.A. Judgment and decision making / B.A. Mellers, A. Schwartz, A. Cooke // *Annual review of Psychology*. – 1998. – № 49. – P. 447–477.
15. Smith, N.L. Fundamental Issues in Evaluation / N.L. Smith, P.R. Brandon. – The Guilford press, 2007. – 266 p.

Поступила в редакцию 28 января 2010 г.

Выбойщик Ирина Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: xchir2007@rambler.ru.

Irina V. Vyboyshchik. PhD, docent of the chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: xchir2007@rambler.ru.

Иноземцев Дмитрий Вячеславович. Студент магистратуры 2-го года обучения при кафедре «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: subonair@gmail.com.

Dmitrij V. Inozemcev. Second-year student of a magistracy at the chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: subonair@gmail.com.

Карлышев Григорий Владимирович. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: g-gregor@mail.ru.

Grigorij V. Karlyshev. Postgraduate student of the chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: g-gregor@mail.ru.

Юсупова Юлия Леонидовна. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: hoptup@gmail.com.

Yulia L. Yusupova. Postgraduate student of the chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: hopeup@gmail.com.

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОСНОВЕ ПРОЦЕДУРЫ АССЕССМЕНТ-ЦЕНТРА

Л.Г. Матвеева, Е.В. Тарасова

Описано исследование, посвященное созданию процедуры ассесмент-центра для диагностики эмоционального интеллекта. Проведен анализ данных, позволяющий сравнить результаты, полученные с помощью метода стандартизированных самоотчетов и ассесмент-центра на выборке студентов старших курсов ЮУрГУ. Проанализированы возможности и ограничения использованных методов в диагностике эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, ассесмент-центр, методы диагностики эмоционального интеллекта.

В настоящее время существуют три группы методов диагностики эмоционального интеллекта: методы, основанные на самоотчете и самооценке, методы экспертной оценки (технологии «ассесмент-центр») и методы, основанные на решении задач.

Критики использования «объективных» тестов, состоящих из заданий с единственным правильным ответом (по аналогии с традиционными тестами интеллекта), отмечают, что основная трудность их создания состоит в отсутствии убедительных оснований для выбора правильного ответа. Для разрешения данной проблемы предлагается использовать следующие подходы:

- оценки экспертов (многие авторы считают, что убедительного критерия для отбора экспертов в этой области не существует);
- оценки большинства испытуемых (что противоречит самой идее тестов интеллекта и способностей, особенно в случае включения в тест трудных заданий, с которыми должна справиться меньшая часть выборки);
- конструкторы, созданные на основе мнений разработчиков тестовых заданий, например, актеров, имитирующих эмоции при создании тестового материала, или художников, создающих изображения людей, переживающих те или иные эмоции (в этих случаях возникает сомнение, что актеры или художники достаточно точно изображают эмоции, кроме того, высока вероятность, что они их утрируют и стереотипизируют, что снижает экологическую валидность тестового материала).

Ни один из перечисленных вариантов не дает надежного способа сформулировать «правильные» и «неправильные» ответы, на основании которых испытуемый будет полу-

чать балльную оценку, характеризующую его уровень эмоционального интеллекта. Возможно, поэтому результаты тестов, использующих разные способы нахождения правильного ответа, часто плохо согласуются друг с другом [6, 8, 10, 11].

Другой методический подход к измерению эмоционального интеллекта – использование опросников. Применение опросников предполагает, что люди способны давать точный самоотчет относительно своего поведения и своих умений и навыков, относящихся к эмоциональному интеллекту. Такое допущение представляется сомнительным, так как установлено, что самооценки когнитивных способностей лишь умеренно связаны с результатами объективных тестов интеллекта. Пока не нашло своего эмпирического подтверждения предположение о том, что люди лучше разбираются в собственном эмоциональном функционировании (в противоположность когнитивному).

Таким образом, главный недостаток данного метода – опора на самоотчет, что вступает в противоречие с требованием измерять эмоциональный интеллект с психометрических позиций как один из видов интеллектуальных способностей. Большая (по сравнению с результатами исследования по интеллектуальным тестам) степень корреляции данных опросниковых методов измерения эмоционального интеллекта с результатами личностных опросников дает критикам право высказать мнение о том, что опросники, диагностирующие эмоциональный интеллект, измеряют не что иное, как некоторую комбинацию личностных черт [7].

Опросники для диагностики эмоционального интеллекта существенно различаются по

своему содержанию, что является следствием отсутствия общепринятой концепции эмоционального интеллекта. Появляющиеся очень часто публикации о создании новых методик, диагностирующих эмоциональный интеллект, показывают, что многие из них не имеют под собой никаких научных оснований, в основе этих методик не заложено единого организующего принципа, каждая методика основывается исключительно на субъективных взглядах ее автора.

Более подробный анализ психометрических свойств методик, использующих два упомянутых подхода к измерению эмоционального интеллекта, показывает, что их результаты слабо коррелируют друг с другом, а паттерны их корреляций с методиками, измеряющими другие конструкты, совпадают недостаточно [5, 6]. Следовательно, можно предположить, что эти два типа методик измеряют либо вообще довольно разные конструкты, либо, в лучшем случае, разные стороны эмоционального интеллекта. Поэтому кажется логичным положение о том, что в сложившейся ситуации оптимальным является использование в практической и исследовательской работе одновременно разных методических подходов для оценки эмоционального интеллекта [6].

Третью возможность измерения эмоционального интеллекта дают нам методы экспертной оценки или технологии ассессмент-центра.

Использование экспертных оценок для оценки некоторых компетенций сотрудников организаций в настоящее время считается более эффективным по сравнению с психологическими тестами. Компетентия – «это комплекс взаимосвязанных знаний, умений, навыков и личностных особенностей, обеспечивающий эффективное решение определенного класса задач в соответствии со стандартами конкретной организации» [3, с. 23].

Для проведения оценочных мероприятий используются интервью по компетенциям и ассессмент-центры (центры оценки). Критерием оценки в данном случае выступает предварительно разработанная модель компетенций.

Некоторые компетенции (например, лидерство, влияние, командность) очень трудно оценить в интервью. Главным образом их можно оценить в специально организованных деловых играх, симулирующих реальные рабочие ситуации. Такие возможности предоставляет метод ассессмент-центра (центра оценки).

Ассессмент-центр – это серия последовательных мероприятий, во время которых участники работают над заданиями в различных симуляциях и упражнениях, а их поведение и действия оцениваются в соответствии с заданным набором критериев или компетенций [4].

Центр оценки представляет собой один из методов прогнозирования будущего поведения работника. Прогнозирование возможно благодаря использованию симуляций и других инструментов, позволяющих измерить способности кандидата к выполнению требований будущей работы. В связи с тем, что центр оценки в большей степени призван оценить будущее поведение работника, а не прошлое или настоящее, он чрезвычайно полезен для определения у людей тех способностей (и навыков), которые до этого момента не были задействованы.

Основными характеристиками технологии центра оценки являются:

- система критериев оценки технологии ассессмент-центра создается индивидуально для каждого предприятия с учетом специфики деятельности;
- участники ассессмент-центра проходят комплексное испытание различными упражнениями и техниками;
- анализируется и оценивается реальное поведение испытуемых;
- каждый участник ассессмент-центра оценивается несколькими экспертами;
- этапы «наблюдения» и «оценки» разнесены во времени для достижения максимальной степени объективности;
- оценка производится не только специалистами в области проведения технологии ассессмент-центра, но и специально подготовленными наблюдателями – сотрудниками организации-заказчика;
- результаты проведения технологии ассессмент-центра позволяют прогнозировать успешность испытуемых в различных областях деятельности.

Технология центра оценки характеризуется следующими ключевыми принципами, обеспечивающими ее точность и валидность [4, 9]:

- симуляции и другие виды активности должны быть связаны с будущими целями, задачами и обязанностями работника. Они также должны коррелировать с существующей рабочей обстановкой и условиями работы;
- симуляции, однако, должны быть связаны с вымышленными организациями или ситуациями. В противном случае участ-

ники, зная обычные условия работы, будут давать заученные ответы или просто копировать опыт окружающих людей;

– поведение или действия в одной симуляции не должны зависеть от поведения и действий в других симуляциях;

– множественность оценок – ротация экспертов и участников для того, чтобы каждого участника смогли увидеть несколько экспертов. Данный принцип снижает риск, связанный с привлечением к процедуре оценивания некомпетентного эксперта;

– отсроченность оценки – во избежание субъективности оценки и проявления личностных предпочтений эксперты не должны делиться своими выводами вплоть до окончания процедуры центра оценки;

– предоставление разнообразных и многочисленных возможностей для проявления профессионализма и компетентности. В связи с тем, что люди ведут себя по-разному в различных ситуациях, необходимо предоставить возможность участникам центра оценки проявить себя и свой потенциал неоднократно;

– все участники должны пройти одну и ту же процедуру – испытать одинаковую нагрузку, последовательно выполнять одни и те же упражнения там, где это необходимо.

Результатом проведения центра оценки является объективный личностно-профессиональный профиль сотрудника, описание его сильных и слабых сторон, зон ограничений и плана его развития.

Преимуществами ассесмент-центров [4, 9] по сравнению с другими методами оценки персонала являются:

– центры оценки приводят к значительно более взвешенным решениям по сравнению с оценкой, сделанной во время интервью или на основе анализа прошлого опыта;

– кандидаты воспринимают центр оценки как процедуру «честную» и правильную со стороны организации, даже если в ее результате они и не получили приглашение на работу или им не предложили новую должность;

– центры оценки обладают высоким уровнем очевидной валидности, особенно в случае участия в программе оценки менеджеров и руководителей – в этом случае конечная оценка легко воспринимается линейными менеджерами;

– центры оценки предоставляют организации наиболее актуальную информацию относительно текущего состояния и/или потенциала сотрудников, на основе которой разра-

батываются планы их дальнейшего развития и карьерного роста;

– центры оценки предоставляют участникам возможность показать свой реальный потенциал, особенно в случае, если сложились отношения и эффективное взаимодействие с непосредственным руководителем;

– центры оценки дают организации возможность увидеть потенциал и ресурсы персонала, о которых в организации ранее не задумывались или не принимали во внимание;

– привлечение внутренних экспертов приводит к совершенствованию сотрудниками своих навыков наблюдения и оценки тех критериев, которые непосредственно связаны с производственной деятельностью;

– центры оценки позволяют как участникам, так и экспертам быть более гибкими, поскольку они учатся новым способам решения повседневных задач;

– центры оценки позволяют определить критерии, которые заставляют организацию исследовать и концентрироваться на поведении, которое непосредственно связано с успешной деятельностью.

В целом технология комплексной оценки персонала организации дает возможность преодолеть ограничения используемых отдельно друг от друга традиционных методов оценки, оценить индивидуальный потенциал сотрудников и учесть полученную информацию при реализации кадровых программ [1, 2]. Однако технологии центра оценки свойственен и ряд недостатков, которые необходимо учитывать при ее реализации:

– относительно невысокая «пропускная способность» (оцениваться может одновременно не более 30 человек);

– сложная работа по подготовке процесса оценки;

– вероятность возникновения проблем, связанных с карьерными или другими амбициями участников (например, участники могут быть впоследствии демотивированы, если им не предоставят возможности для обучения и продвижения; сотрудники, получившие высокие оценки, могут покинуть организацию в поисках лучших возможностей и т. п.);

– участники с низкими оценками могут быть также демотивированы и нуждаться в поддержке для того, чтобы смириться с результатами оценки, заставить себя признаться в своих собственных ограничениях.

И. Баллантайн и Н. Пова [3], проанализировав технологию проведения ассесмент-

центров, отмечая множественность процесса оценки, делают вывод о том, что данный метод, в случае грамотной организации, дает наиболее объективную информацию о сотрудниках. По мнению исследователей, ассесмент-центр – это действенный инструмент для формирования кадрового резерва, для выявления и расширения потенциала сотрудников и управленческих кадров на предприятии.

В целом анализ методов оценки персонала, используемых в настоящее время, показывает, что все они имеют как достоинства, так и недостатки. Но тем не менее, как зарубежные, так и отечественные исследователи отдают приоритет экспертным методам оценки, в частности оценке по компетенциям.

Использование технологии ассесмент-центра для диагностики эмоционального интеллекта предполагает использование различных методов его оценки. Следовательно, по итогам данной процедуры можно составить наиболее целостное представление о различных сторонах эмоционального интеллекта.

Целью нашего исследования явилось создание процедуры ассесмент-центра диагностики эмоционального интеллекта. Выборка представлена студентами старших (3–5) курсов гуманитарных, технических и экономических факультетов Южно-Уральского государственного университета в возрасте 19–22 лет. Общий объем выборки составил 197 человек, в том числе 99 юношей и 98 девушек.

Отбор испытуемых для участия в процедуре ассесмент-центра осуществлялся методом «контрастных групп». Выборка испытуемых была протестирована с помощью батареи диагностики социально-эмоционального интеллекта, включавшей в себя:

1) опросник на социальную осведомленность (Ушаков Д.В.);

2) социальный задачник (Ушаков Д.В., Батурин Н.А.);

3) опросник ЭмИн (Люсин Д.В.). Опросник предназначен для измерения эмоционального интеллекта (ЭИ), который трактуется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. В структуру опросника входят шкалы: МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект), ВЭИ (внутриличностный эмоциональный интеллект), ПЭ (способность к пониманию своих и чужих эмоций), УЭ (способность к управлению своими и чужими эмоциями).

4) видеотест (Овсянникова В.В., Люсин Д.В.); позволяет оценить точность распо-

знавания эмоций на основе просмотра испытуемыми видеосюжетов и оценки их по биполярным шкалам. Сюжеты отражают поведение человека, испытывающего эмоции, в естественных ситуациях, предоставляя испытуемым информацию различного характера (экспрессию, словесное сопровождение, контекст и т. п.), достаточную для вынесения оценки эмоционального состояния.

Видеотест позволяет вычислять следующие показатели:

1. Общий показатель точности распознавания эмоций (на основе сопоставления оценок испытуемого и «эталонной» оценки экспертами состояния персонажа).

2. Показатели чувствительности испытуемого к эмоциональному содержанию стимульного материала (типы сензитивности): «Сензитивность к отрицательной валентности», «Сензитивность к высокой активации», «Сензитивность к положительной валентности».

Для участия в процедуре ассесмент-центра было из общей выборки было отобрано 60 человек (14 юношей, 46 девушек), получивших результаты, отличные от средних хотя бы по одному из двух показателей: точность распознавания эмоций (видеотест) или шкала управления чужими эмоциями (опросник ЭмИн).

Результаты исследования были проанализированы с помощью пакета статистических программ STATISTICA 6.0 – проводились расчеты значений коэффициента корреляции Спирмена, коэффициента корреляции Пирсона, U-критерия Манна–Уитни, H-критерия Крускала–Уоллиса, критерия ϕ^* – углового преобразования Фишера.

Наибольший интерес в данном исследовании представляет создание диалогического метода оценки эмоционального интеллекта на основе процедуры ассесмент-центра. Для этого был проведен анализ различных теоретических концепций эмоционального интеллекта, в качестве базовой концепции была выбрана теория Д.В. Люсина, в рамках которой эмоциональный интеллект подразделяется на межличностный и внутриличностный. Анализ этих двух составляющих эмоционального интеллекта привел нас к выводу о том, что на поведенческом уровне в рамках использования метода экспертных оценок мы можем диагностировать межличностный эмоциональный интеллект, а именно такую его составляющую, как управление чужими эмоциями.

Дальнейшим шагом на пути создания процедуры ассесмент-центра стал этап формирования критериев оценки. В качестве компетенции мы рассмотрели эмоциональный интеллект, в качестве его составляющей – межличностный эмоциональный интеллект, критериями оценки которого стали способность вызывать отрицательные эмоции и способность вызывать положительные эмоции. Были выделены индикаторы данных способностей.

При конструировании процедур оценки нами были специально разработаны упражнения, способствующие проявлению выделенных индикаторов. В программу оценки, рассчитанную на 2 часа, были включены: упражнение на знакомство, две групповые дискуссии, ролевая игра, подведение итогов.

Для проведения процедуры ассесмент-центра был определен состав экспертной группы, в которую вошли ведущие и наблюдатели – специалисты в области человеческих взаимоотношений и технологии ассесмент-центра. Экспертная группа прошла обучение, включавшее в себя спецкурс по технологии центров оценки и проверку надежности субъективных оценок в рамках специально орга-

низованной процедуры обучения наблюдателей (метод работы с эталонным протоколом, обсуждение результатов наблюдения и т. п.).

Сама процедура центра оценки проводилась в микрогруппах численностью от 14 до 16 человек, микшировавшихся после каждого упражнения и объединявшихся для подведения итогов. Каждый участник процедуры имел возможность проявить свои способности в группах различного состава и ситуациях оценки группы разными экспертами.

Для экспертной оценки каждого качества была использована семибалльная шкала (см. таблицу).

По итогам тестирования и процедуры ассесмент-центра был составлен индивидуальный профиль, отражающий особенности его эмоционального интеллекта.

При анализе результатов, полученных с помощью процедуры ассесмент-центра (см. рисунок), были выявлены статистически значимые прямые взаимосвязи ($r=0,393$; $p \leq 0,01$) между способностью вызывать положительные эмоции и способностью вызывать отрицательные эмоции, а также между способностью вызывать положительные эмоции и управлением чужими эмоциями как состав-

Шкала оценки способностей управления чужими эмоциями

Оценка	Уровень шкалы	Описание
7 (высший балл)	Ярко выраженный	Качество было проявлено во всех без исключения ситуациях, своей яркостью оно выделяется среди других и бросается в глаза
6 (выше среднего)	Высокий	Качество было проявлено практически во всех ситуациях, оценка соответствует высокой степени выраженности качества; свидетельствует о высоком развитии умений и навыков, связанных с данным качеством
5 (верхняя граница среднего)	Достаточный	Оценка соответствует достаточно высокому развитию умений и навыков, связанных с данным качеством
4 (среднее значение)	Средний	Оценка свидетельствует о средней развитости качества, об удовлетворительно развитых для деятельности умениях и навыках
3 (нижняя граница среднего)	Слабо выраженный	Оценка свидетельствует о наличии соответствующих данной деятельности умений и навыков, проявляющихся не систематически и не в полной мере
2	Недостаточный	Оценка означает отсутствие практических умений и навыков, связанных с данным качеством; качество нуждается в развитии
1 (низший балл)	Дефицитный	Качество абсолютно не проявлено

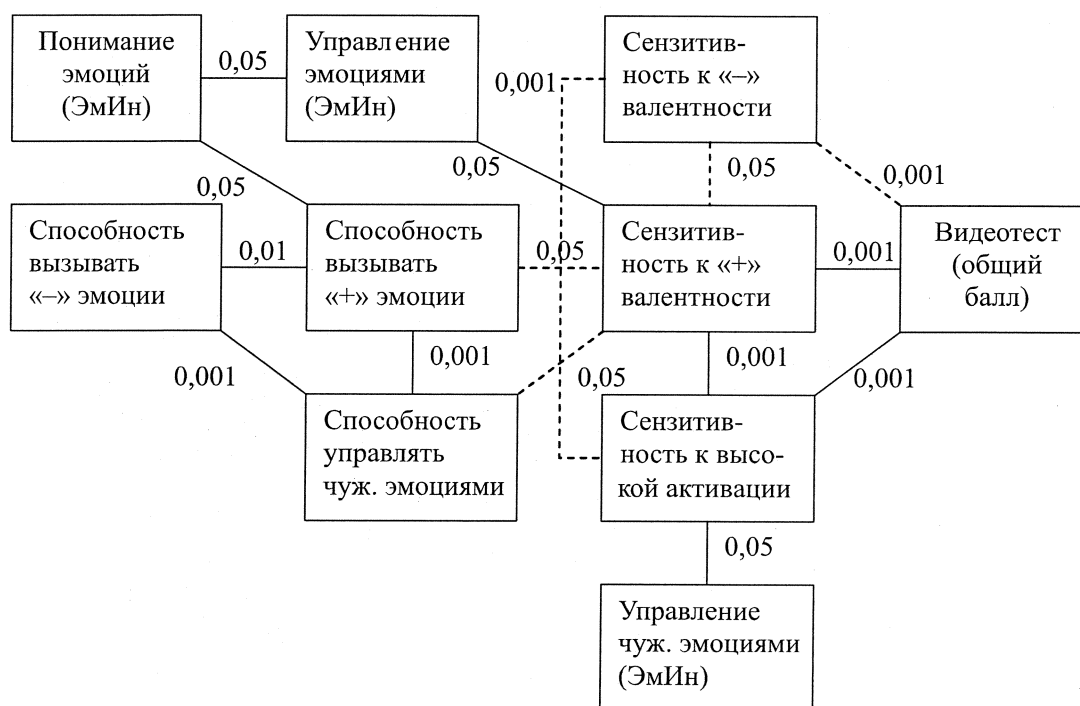
Новые методы психодиагностики

ляющей межличностного эмоционального интеллекта ($r = 0,894$; $p \leq 0,001$), способностью вызывать отрицательные эмоции и способностью управлять чужими эмоциями ($r = 0,761$; $p \leq 0,001$). Наличие описанных взаимосвязей может свидетельствовать о правомерности понимания управления чужими эмоциями через критерии способностей вызывать положительные и отрицательные эмоции. Таким образом, получило подтверждение мнение о том, что человек, умеющий управлять эмоциями других людей, способен вызывать у них как положительные, так и отрицательные эмоции.

Однако способности вызывать у других людей положительные и отрицательные эмоции, а следовательно, управлять эмоциями других людей без констатации осознанной регуляции этого процесса, понимания эффектов, производимых собственным поведением, не могут говорить об эмоциональном интеллекте (в частности, межличностном эмоциональном интеллекте), а лишь свидетельствует о способности человека влиять на эмоции других людей. Поэтому для создания целостной картины эмоционального интеллекта нами было проведено исследование понимания эмоций других людей с помощью видеотеста и способностей понимать и управлять чужими и своими эмоциями с помощью опросника ЭмИн.

Данные корреляционного анализа показателей, полученных с помощью опросника ЭмИн, видеотеста и процедуры ассессмент-центра (см. рисунок) показывают, что корреляционным ядром данной плеяды является сензитивность к положительной валентности, получившая статистически значимые прямые взаимосвязи с показателем шкалы «управление эмоциями» опросника ЭмИн ($p \leq 0,05$), с общим баллом по видеотесту и сензитивностью к высокой активации ($p \leq 0,001$), обратные взаимосвязи ($p \leq 0,05$) со способностью вызывать положительные эмоции, способностью управлять эмоциями других людей, сензитивностью к отрицательной валентности.

Полученные взаимосвязи свидетельствуют о том, что, точно распознавая положительные эмоции других людей, человек воспринимает это как собственное достижение и не пытается своими действиями как-либо повлиять на эмоции окружающих, в частности вызывать и поддерживать положительные эмоции. Таким образом, чем чувствительнее люди к распознаванию положительных эмоций, тем они оказываются более чувствительными к распознаванию уровня возбуждения, но менее чувствительными к распознаванию отрицательных эмоций. Мы предполагаем, что это может быть связано либо с неумением вызывать у других людей положительные эмоции и потому со склонностью не замечать

Взаимосвязи между диагностируемыми конструктами эмоционального интеллекта

отрицательные, чтобы не разрушать собственное представление о хорошей способности управлять своими и чужими эмоциями, либо с приоритетной ориентацией на позитивное восприятие окружающей действительности и нежеланием сталкиваться с какими-либо отрицательными эмоциями для сохранения привычной картины мира. И напротив, чем чувствительнее человек к распознаванию отрицательных эмоций, тем меньше его сензитивность к распознаванию положительных эмоций и уровню возбуждения и ниже точность распознавания эмоций в целом, что согласуется с другими исследованиями в области эмоционального интеллекта [6]. Данную взаимосвязь можно объяснить сверхзначимостью для человека отрицательных эмоций, которые мешают замечать иные проявления эмоциональных состояний окружающих.

Прямая взаимосвязь сензитивности к высокой активации со способностью к управлению чужими эмоциями ($p \leq 0,05$) может быть объяснена адекватной оценкой испытуемыми своих способностей: распознавая уровень возбуждения, они стремятся снижать интенсивность нежелательных и увеличивать интенсивность желательных эмоций у других людей.

Вторым ядром корреляционной плеяды, изображенной на рисунке, является способность вызывать положительные эмоции. Она имеет прямую взаимосвязь с шкалой «понимание эмоций» опросника ЭМИн ($p \leq 0,05$), со способностью вызывать отрицательные эмоции ($p \leq 0,01$), со способностью управлять чужими эмоциями ($p \leq 0,001$). Способность вызывать положительные эмоции и сензитивность к положительной валентности, как уже было показано выше, характеризуются обратной зависимостью ($p \leq 0,05$). Такие взаимосвязи свидетельствуют о том, что чем лучше человек понимает причины возникновения каких-либо эмоций, тем он больше способен использовать подобные ситуации, а именно те, которые вызывают у окружающих положительные эмоции. Мы можем видеть, что чем лучше развита одна из способностей управления чужими эмоциями, диагностируемых процедурой ассесмент-центра, тем лучше развиты и две остальные, что дает основание говорить о наличии единой основы, на которой в целом базируется способность к управлению эмоциями других людей. В свою очередь, шкалы «понимание эмоций» и «управление эмоциями» опросника ЭМИн прямо взаимосвязаны между собой ($p \leq 0,05$).

То есть чем лучше человек может распознать эмоцию, установить сам факт наличия эмоционального переживания, определить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение, понять причины возникновения и следствия, к которым она приведет, тем лучше он, по его собственному мнению, может контролировать интенсивность эмоций, их внешнее выражение, при необходимости произвольно вызывать ту или иную эмоцию.

Интересным, на наш взгляд, является отсутствие статистически значимых взаимосвязей между способностью вызывать отрицательные эмоции и способностью понимать их (по опроснику ЭМИн) и точностью распознавания эмоций (по видеотесту) и обратная взаимосвязь сензитивности к положительной валентности со способностью вызывать положительные эмоции ($p \leq 0,05$) и со способностью управлять эмоциями других людей ($p \leq 0,05$). Данный факт ставит перед нами вопрос, является ли способность управлять эмоциями других людей без понимания действительных эмоциональных состояний окружающих эмоциональным интеллектом, осознанной стратегией и тактикой управления, или она возникает под влиянием, личности, бессознательно работающей на удовлетворение своих фрустрированных потребностей.

Отсутствие статистически значимых взаимосвязей между способностями к управлению чужими эмоциями, диагностируемыми опросником ЭМИн и процедурой ассесмент-центра, а также расчет валидности по критерию для процедуры ассесмент-центра ($\varphi = 0,61$) позволяют нам сделать вывод о неадекватной самооценке испытуемыми данной способности в ситуации ответа на вопросы теста-опросника и о большей точности результатов оценки, полученных с помощью процедуры ассесмент-центра.

Таким образом, мы можем предлагать разработанную процедуру ассесмент-центра в качестве метода диагностики межличностного компонента эмоционального интеллекта, дополняя ее при необходимости методами, позволяющими оценивать и его внутриличностный компонент.

Данная процедура ассесмент-центра диагностики эмоционального интеллекта может использоваться с целью профессионального подбора на должности, требующие непосредственного взаимодействия с людьми, получе-

ния испытуемыми информации о своих сильных и слабых сторонах в данной области, использования полученных данных для повышения эффективности в общении и адаптивности в целом.

Литература

1. Базаров, Т.Ю. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур / Т.Ю. Базаров, Х.А. Беков, Е.А. Аксенова. — М.: ИПК ГС, 1995. — 253 с.
2. Базаров, Т.Ю. Технология центров оценки для государственных служащих. Проблема конкурсного отбора / Т.Ю. Базаров. — М.: ИПК ГС, 1995. — 191 с.
3. Баллантайн, И. Центры Оценки и Развития / И. Баллантайн, Н. Пова. — М.: НИРРО, 2003. — 201 с.
4. Вудраф, Ч. Центры развития и оценки. Определение и оценка компетенций / Ч. Вудраф. — М.: НИРРО, 2005. — 384 с.
5. Деревянко, С.П. Эмоциональный интеллект: проблемы категориальности / С.П. Деревянко // Психология в современном информационном пространстве: материалы международной научной конференции / Смол. гос. ун-т. — Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. — Ч. 1. — С. 108–112.
6. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. — 2006. — № 4. — С. 3–18.
7. Люсин, Д.В. Способность к пониманию эмоций: психометрический и когнитивный аспекты / Д.В. Люсин // Социальное познание в эпоху быстрых политических и экономических перемен / под ред. Г.А. Емельянова. — М.: Смысл, 2000. — С. 25–35.
8. Люсин, Д.В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Д.В. Люсин, О.О. Марютиша, А.С. Степанова // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. — М.: Институт психологии РАН, 2004. — С. 128–140.
9. Мякушкин, Д.Е. Социально-психологические аспекты комплексной оценки персонала организации: монография / Д.Е. Мякушкин. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. — 78 с.
10. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 176 с. (Труды Института психологии РАН).
11. «Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике» / Р.Д. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д.В. Люсин // Журнал Высшей школы экономики. Серия «Психология». — 2004. — Т. 1. — № 4. — С. 3–24.

Поступила в редакцию 2 февраля 2010 г.

Матвеева Лариса Геннадьевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404, larissamatveeva@mail.ru.

Larisa G. Matveeva Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair «Psychological testing and counseling» South Ural State University: 8(351)2679404, larissamatveeva@mail.ru.

Екатерина Валентиновна Тарасова. Студентка магистратуры факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404.

Ekaterina V. Tarasova. Student of a magistracy of Department of Psychology, South Ural State University: 8(351)2679404.

Психодиагностика в различных областях практики

УДК 159.922.7
ББК Ю948.5+Ю984.0

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

А.В. Астаева

Рассмотрены основные методологические и теоретические проблемы современной нейропсихологии детского возраста. Выделены проблемы, требующие учета при организации и выполнении нейропсихологического исследования высших психических функций в онтогенезе. Отражены современные тенденции развития детской нейропсихологии: связь биологического и социального в контексте индивидуальных особенностей развития.

Ключевые слова: нейропсихологическая диагностика, норма, морфо- и функциогенез, возрастная периодизация, индивидуальные особенности развития.

Методологические предпосылки детской нейропсихологии лежат в теоретических основах общей нейропсихологии, созданной А.Р. Лурия, который в своей научной и практической работе опирался на ряд положений, концепций и теорий, разработанных в психологии, физиологии, неврологии в первой половине XX века. Они представлены как методологические предпосылки теории системной динамической локализации высших психических функций (ВПФ) человека. Некоторые из них имеют непосредственное отношение к проблеме формирования психических функций в онтогенезе [1, 3, 7].

Важнейшей теоретической предпосылкой возникновения детской нейропсихологии является созданный Л.С. Выготским и А.Р. Лурия в 20–30-е гг. XX в. культурно-исторический системный подход, в основе которого лежат общие принципы формирования психики человека; принцип социогенеза высших психических функций (ВПФ); принцип системного строения ВПФ; принцип динамической организации и локализации ВПФ. Отметим, что прежде всего принципы предусматривают рассмотрение онтогенеза психических функций в контексте развития, поиска в «истории культуры причин психических явлений и способов компенсации дефекта», а не в контексте болезни. Например, на основе этого подхода было проведено сравнительное исследование психических функций городского,

деревенского и беспризорного ребенка, доказавшее влияние социокультурных факторов на развитие познавательных функций [7]. Таким образом, проблема генеза ВПФ, их строения, механизмов реализации, нарушений и компенсации – становится актуальной в рамках детской психологии в 20–30 годы XX в. Именно тогда теоретико-методологические положения общей психологии об общественно-историческом происхождении психики человека, о роли трудовой деятельности в формировании сознания, легли в основу понимания «высших психических функций», где особо подчеркивалась социальная детерминация сознательной психической деятельности. Посредством процесса «интериоризации», т. е. превращения внешних (интерпсихологических) средств осуществления психических функций во внутренние (интрапсихологические), ВПФ постепенно «свертываются» или автоматизируются, одновременно меняя свою структуру. А.Р. Лурия характеризовал ВПФ как функциональные системы, имеющие сложную морфофизиологическую основу в виде многокомпонентных функциональных систем, которые рассмотрены как совокупность различных мозговых структур и протекающих в них физиологических процессах. Функциональные системы (ФС) обладают пластичностью, гибкостью, взаимозаменяемостью звеньев и на разных этапах онтогенеза имеют различную структуру, следовательно

локализация психических функций имеет динамический характер [2, 7, 9].

В рамках теории системно-динамической локализации высших психических функций, ВПФ рассматриваются как сложные системные образования, формируются прижизненно под влиянием социальных факторов, опосредованы по своему психологическому строению и произвольны. Соответственно, принцип динамической локализации психических функций в онтогенезе означает изменение степени и характера участия различных структур мозга и особенностей их функционального объединения при осуществлении одного и того же вида когнитивной деятельности в различные возрастные периоды [7].

Современное развитие детской нейропсихологии отражает общемировую тенденцию замены «статической» нейропсихологии, жестко связывающей поведение индивида (как взрослого, так и ребенка) с определенными областями мозга «динамической» нейропсихологией, анализирующей динамику взаимодействия мозговых структур и психического функционирования субъекта в связи с социальными условиями его жизнедеятельности. Все более актуальной становится не только локальная диагностика несформированных или дефицитарных мозговых структур, а функциональная диагностика отдельных дефектов, препятствующих овладению определенными знаниями и умениями, адаптации ребенка в массовом дошкольном или школьном учреждении и в семье [4].

Поэтому особенностью современного этапа развития детской является тенденция к изучению психики здоровых людей в рамках интегративного, мультидисциплинарного подхода. В рамках этого подхода необходимо перейти от феноменологического описания случаев аномального развития ребенка к изучению взаимосвязи мозга, генетики, социологии и личности в формировании вариантов аномального или атипичного развития.

Проведенные анализ и обобщения данных литературных источников по проблемам детской нейропсихологии позволили сформулировать несколько важных в методологическом плане проблем детской нейропсихологии непосредственно связанных с организацией и проведением нейропсихологического исследования в детском возрасте.

Во-первых, преювентность детской нейропсихологией теоретических основ общей нейропсихологии очевидна, хотя также

очевидно, что детская нейропсихология имеет свою специфику, ставит свои вопросы, и, соответственно, нуждается в новых обсуждениях и интерпретациях актуальных проблем детского возраста. Например, по мнению Т.В. Ахутиной, «функциональное членение на компоненты («фактор») у детей должно быть предметом специального рассмотрения, которое потребует длительной кропотливой работы»... что подразумевает сравнение «успешности операций, принадлежащих к одному и разным функциональным компонентам, используя в качестве исходной рабочей гипотезы функциональное членение, обнаруженное у взрослых (его использование оправдано тем, что оно достаточно стабильно у взрослых и к нему стремятся строящиеся функциональные системы ребенка)» [3, 9].

Во-вторых, необходимо объяснение индивидуальных особенностей формирования высших психических функций в онтогенезе с позиции общих законов развития психики. Различные структуры мозга, их взаимодействие и, следовательно, разные психические функции достигают полного развития в разном возрасте и специфическим образом определяют психологические возможности ребенка [1, 8, 9]. Иначе говоря, психические функции имеют не только системную, но и «хроногенную» организацию и локализацию. Речь в данном случае идет о гетерохронии развития, характеризующейся 1) внутрисистемными изменениями, связанными с постепенным усложнением конкретной функциональной системы, с изменением иерархического взаимодействия между различными звеньями одной системы, что приводит к качественным преобразованиям психической функции [1, 8, 9]; 2) межсистемными изменениями, в свою очередь связанными с неодновременным формированием разных функциональных систем и с изменениями взаимодействия между различными психическими функциями, в ходе которого та или иная психическая функция берет на себя ведущую роль в психическом развитии, например, развитие зрительных функций превращает хватательный рефлекс новорожденного в систему зрительно-моторной координации. При этом учитываются индивидуальные (средовые) особенности развития и воспитания ребенка, индивидуальные особенности внутри- и межполушарного взаимодействия мозговых структур в организации психических процессов, когнитивных стратегий и эмоциональной сферы ребенка.

Причем отмечено, что индивидуальные различия проявляются как в популяции детей одного возраста, так и у детей разного возраста [1, 5, 6].

В-третьих, существует проблема детской нормы, основу которой составляют следующие положения:

1) норма характеризуется неравномерностью развития ВПФ, особенно отчетливо проявляющейся в детском возрасте;

2) наблюдаемые диссоциации функций проходят по «швам» нормальных механизмов и отражают их системное строение – компонентную структуру; норма отличается от ненормы прежде всего возможностями компенсаций функциональных слабостей, т. е. в норме парциальное отставание одних функций компенсируется другими функциями с более высоким уровнем развития [3]. Показано, что иной характер носят случаи асинхронии – патологической диспропорции развития, такие, как ретардация – незавершенность отдельных периодов развития (олигофрения и задержка психического развития). В тексте работы описано, что Р.Е. Левина (1936) исследовала детей с общим речевым недоразвитием, у которых патологически долго сохраняется автономная речь, и речевое развитие происходит за счет накопления словаря автономных слов, а не обогащения лексико-грамматических средств, типичных для нормального речевого развития. Рассмотрим пример другого случая асинхронии – патологическая акселерация отдельных функций, например раннее (до одного года) и изолированное развитие речи у детей с ранним детским аутизмом, сочетающееся с выраженным недоразвитием сенсорной и моторной сферы или, в более старшем возрасте, развитие вербального интеллекта опережает становление предметных навыков. При этом варианте асинхронии наблюдается нарушение инволюции психических функций: могут длительно сосуществовать различные уровни развития функций: автономная и фразовая развернутая речь, комплексные и понятийные обобщения [2].

В-четвертых, отражена проблема церебрального морфогенеза – анатомического развития мозга – у психоневрологически здоровых детей, не имеющих грубых нарушений интеллекта, речи или сенсорики. Показано, что данная проблема относительно новая и требует особого внимания. В качестве аргумента рассмотрено следующее мнение Микадзе Ю.В.: «Нейропсихологический подход к

анализу развития психических функций в онтогенезе направлен на выявление соотношения и взаимосвязи, существующей между созревающими структурами мозга, связями между ними и формирующимися на их основе психическими функциями, т. е. с проблемой становления структурно-функциональной организации мозга и психики».

В соответствии с этой позицией, представлена точка зрения о том, что нейропсихологический метод исследования – тонкий индикатор нарушений функционального состояния головного мозга как у взрослых, так и у детей, может существенно расширить возможности дифференциальной диагностики заболеваний центральной нервной системы в детском возрасте и приблизить к пониманию механизмов, лежащих в основе их неодинакового проявления на разных ступенях онтогенетического развития как в норме, так и при различных типах отклонения развития. В качестве итога рассмотрения проблемы морфогенеза сформулированы следующие выводы:

1. Мозг достигает морфологической зрелости в целом к 18–20 годам жизни. Существуют пики максимальной готовности разных мозговых структур к работе. Один из них, связанный с созреванием целого ряда структур, приходится на возраст шесть-семь лет.

2. Развитие различных областей мозга происходит неравномерно. Раньше других оформляются зоны, относящиеся к работе анализаторных систем, позднее созревают структуры, обеспечивающие связи между анализаторами, и самый медленный темп развития характерен для лобных структур.

3. Принцип гетерохронии развития проявляется в формировании различных анализаторных систем.

4. Для нормального психического развития в разные возрастные периоды необходимо полноценное совместное функционирование разных зон мозга, формирующее его интегративную деятельность [8 и др.].

В-пятых, существует проблема функциогенеза (формирования функциональных органов психики), в рамках которой А.Н. Леонтьев (1965) предполагает, что «...одновременно с формированием у ребенка высших, специфически человеческих процессов у него формируются и осуществляющие их функциональные органы мозга – устойчивые рефлекторные объединения или системы, служащие для совершения определенных актов». Они составляют анатомо-физиологическую основу

психических функций. Особое можно отметить изменение степени и характера участия различных структур мозга и особенностей их функционального объединения при осуществлении одного и того же вида когнитивной деятельности в различные возрастные периоды. Это означает, что «...по мере развития каждый вид психической деятельности меняет свою психологическую структуру и начинает осуществляться, опираясь на иную систему корковых зон» [7 и др.]. При этом высшая психическая функция является не усовершенствованием соответствующей элементарной функции, но специфическим новообразованием.

Созревание мозга и развитие психических функций в онтогенезе необходимо рассматривать в единстве формирования структурно-функциональной организации как мозга, так и психических процессов. Описано, что, с одной стороны, это становление дифференцированных мозговых структур (морфогенез мозга) и нейропсихологических механизмов их работы, определяющих роль каждой из них в психической деятельности, и, с другой стороны, формирование психических процессов как систем, состоящих из ряда звеньев, каждое из которых выполняет свою специфическую задачу в общей архитектуре психической функциональной системы. По мере созревания мозга меняется роль, которую играют различные области коры в обеспечении психических процессов. Подчеркнуто, что основная задача нейропсихолога заключается в том, чтобы «тщательно проанализировать совместно работающие зоны мозга, обеспечивающие выполнение сложных форм психической деятельности, выяснить место каждой из этих зон в функциональной системе и то, как меняется соотношение этих совместно работающих отделов мозга при осуществлении психической деятельности на разных этапах развития» [7]. Различные структуры мозга достигают зрелости на разных стадиях онтогенеза, поэтому для каждого возрастного периода характерны специфические нейрофизиологические условия формирования и реализации психических функций и, соответственно, определенные психологические возможности ребенка. Сделан акцент на выводе о том, что зона ближайшего развития в разных возрастных периодах может быть различной как для разных функций, так и для разных составляющих этих функций. Это, в свою очередь, определяет индивидуальные особенности развития каждого ребенка.

Перестройка психических функций в процессе онтогенеза и социогенеза ребенка приводит к перестройке и ее мозгового обеспечения. Эта перестройка идет в большей степени по пути интеграции, чем дифференциации различных отделов головного мозга. Причем каждая область мозга вносит свой специфический вклад в функциональную структуру ВПФ в детском возрасте: левая височная доля обеспечивает достаточный объем запоминания вербальных стимулов, правая – удержание их последовательности, а подкорковые зоны мозга – устойчивость стимулов к действию интерференции.

В-шестых, описана проблема периодизации возрастного развития.

Развитие в онтогенезе представляет собой ряд качественных переходов от одной ступени развития к другой, где каждая предшествующая ступень является основой последующих ступеней или стадий развития. При этом каждая ступень развития характеризуется определенным состоянием различных систем организма, тех или иных психических функций, то есть той или иной структурой и содержанием работы соответствующих функциональных систем. Изменения функциональных систем связаны с созреванием отдельных компонентов и перестройкой иерархии их взаимодействия при переходе на следующий этап возрастного развития.

Так, по данным ряда авторов в возрастной психологии и физиологии выделяют различные этапы, периоды онтогенеза, которые характеризуются определенной спецификой поведения, деятельности ребенка, функционирования его организма и адаптационных задач, стоящих перед ним.

Например, ранний возраст является сенситивным для овладения речью, в это время наиболее эффективно происходит усвоение речи. К концу 2-го года ребенок употребляет около 300 слов, к концу 3-го – 1500 слов. С 2 до 3 лет речь приобретает связный характер. Показ взрослым предметных действий вместе с речевыми указаниями ставит ребенка и взрослого в ситуацию общения.

В 3 года происходит смена ведущей деятельности и переход в следующий возрастной период – дошкольный возраст. Предметная деятельность сменяется ведущей игровой и продуктивной деятельностью. В ходе игры идет воспроизводство системы взрослых, социальных отношений, в продуктивной – овладение рисованием, лепкой, конструированием.

Новые задачи, стоящие перед ребенком, приводят к совершенствованию работы анализаторных систем. Так, в дошкольном возрасте отмечается значительное снижение порогов зрительной, слуховой, кожной и двигательной чувствительности. Возрастают острота зрения, тонкость различения цветов и их оттенков, развиваются фонематический и неречевой слух. Развитие восприятия стимулируется усвоением детьми сенсорных эталонов, служащих своеобразной меркой, позволяющей оценить особенности обследуемых объектов. Средовый фактор при этом обеспечивает более быстрое формирование тех или иных звеньев функциональных систем, подготавливая основу для очередной смены иерархии во внутри- и межфункциональных отношениях.

В-седьмых, в последнее время на первый план выходит проблема диагностики в детской нейропсихологии.

Можно выделить и описать три основных подхода в современной нейропсихологической диагностике.

Первый, связанный, именем А.Р. Лурия, берущий свое начало в 50-х годах прошлого века, получил широкое распространение в Европе. В его основе лежит синдромный анализ, в ходе которого различные функциональные нарушения (симптомы) соотносятся с нейропсихологическими синдромами и с определяющими их неврологическими основами. Одной из проблем, которая возникает при этом виде диагностики, является то, что нет четкого критерия, характеризующего континуум представлений между патологическим и нормальным симптомами [4, 5, 6].

Второй подход – психометрический, который наиболее энергично в тот же временной период развивался в Северной Америке, и связан с именами В. Халстеда и Р. Рейтана. В силу систематичности и полноты этот подход не всегда является эффективным для использования в ограниченном времени клинического обследования и поэтому становится мало приспособленным (негибким) для применения к пациентам с определенными расстройствами. Показано, что сила подхода заключается в его валидности, обеспечиваемой психометрическими методами [4, 10, 11, 12].

Третий подход, который можно обозначить как индивидуально ориентированный нормативный. Он ассоциируется с традициями британского эмпирического подхода, где проводится интенсивная работа по экспери-

ментальной когнитивной психологии. Представлено, что в рамках такого подхода используются специфические тесты с психометрической стандартизацией, которые, в зависимости от ситуации, гибко комбинируются при обследовании в соответствии с гипотезами об имеющихся у пациента трудностях. Представлен вывод, что такой подход эффективен, когда нужно сфокусироваться на отдельном нарушении или точно подстроить обследование к конкретным характеристикам нарушенной функции. Все это требует от нейропсихолога значительного уровня знаний и практических навыков для общей валидности обследования [4, 5].

На практике, в том числе и при обследовании детей, нейропсихологи используют все эти три подхода в зависимости от конкретных условий.

В качестве обобщения данных отечественной и зарубежной литературы можно сделать вывод о том, что теоретическую основу детской нейропсихологии составляют научные достижения в неврологии, генетике, психиатрии, психологии развития: представления о функциональных системах и их гетерохронном развитии (П.К. Анохин); представления о связи биологического и социального в развитии ребенка (Л.С. Выготский); концепция зоны ближайшего развития и теория интериоризации (Л.С. Выготский); теория системной динамической локализации ВПФ (А.Р. Лурия); принцип синдромного анализа ВПФ (А.Р. Лурия).

Проблемы современной нейропсихологии детского возраста связаны с вопросами морфо- и функциогенеза, квалификации нарушений высших психических функций на разных этапах онтогенеза. Соответственно, особо стоит отметить проблему диагностики особенностей развития высших психических функций и проблемы разработки диагностических методов.

Таким образом, при разработке методов, при организации самого нейропсихологического исследования детей, необходимо учитывать как возрастные особенности формирования и протекания психических процессов, так и индивидуальные особенности, связанные с социальными условиями развития ребенка, его соматическим состоянием. Также необходимо четко указывать цели и задачи исследования, связанные с качественной квалификацией нарушения или же с определением возрастных особенностей протекания ВПФ.

Литература

1. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста / под ред. Л.С. Цветковой. – М.: МПСИ, 2001. – 272 с.
2. Астапов, В.М. Психодиагностика и коррекция детей с нарушениями и отклонениями развития: хрестоматия / В.М. Астапов, Ю.В. Микадзе. – СПб.: Изд. «Питер», 2008. – 256 с.
3. Ахутина, Т.В. Культурно-исторические и естественнонаучные основы нейропсихологии / Т.В. Ахутина // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 4. – С. 20.
4. Вассерман, Л.И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: Изд. Центр «Академия», 2004. – 736 с.
5. Вассерман, Л.И. Методы нейропсихологической диагностики / Л.И. Вассерман, С.А. Дорофеева, Я.А. Меерсон. – СПб.: Изд. Стройлеспечать, 1997 – 304 с.
6. Глозман, Ж.М. Количественная оценка данных нейропсихологического исследования / Ж.М. Глозман. – М.: Центр лечебной педагогики, 1999. – 160 с.
7. Лурия, А.Р. О природе психологических функций и ее изменчивость в свете генетического анализа / А.Р. Лурия // Вопросы психологии. – 2002. – № 4. – С. 17.
8. Микадзе, Ю.В. Дифференциальная нейропсихология детского возраста / Ю.В. Микадзе // Вопросы психологии. – 2002. – № 4. – С. 111–119.
9. Семенович, А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста / А.В. Семенович. – М.: Генезис, 2005. – 319 с.
10. Nolin, P. Using neuropsychological profiles to classify neglected children with or without physical abuse / P. Nolin, L. Ethier // Child Abuse & Neglect. – 2007. – Volume 31. – Issue 6. – June. – P. 631–643.
11. Rabin, Laura A. Burton Assessment practices of clinical neuropsychologists in the United States and Canada / L.A. Rabin, W.B. Barr, L.A. Burton // Archives of Clinical Neuropsychology. – 2005. – V. 20. – I. 1. – January. – P. 33–64.
12. Vanderslice-Barr, Jana L. Screening for neuropsychological impairment in children using Reitan and Wolfson's preliminary neuropsychological test battery / J.L. Vanderslice-Barr, J.K. Lynch and Robert, J. McCaffrey // Archives of Clinical Neuropsychology. – 2008. – V. 23. – Issue 3. – May. – P. 243–249.

Поступила в редакцию 17 января 2010 г.

Астаева Алена Васильевна. Преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: astaeva_06@mail.ru.

Alena V. Astaeva. Assistant of professor of the Chair of Clinical Psychology, South Ural State University: astaeva_06@mail.ru.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ НАРУШЕНИЙ КРИТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ПРИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

К.В. Мещерякова, А.Ю. Рязанова

Предложен новый подход к клинико- и экспериментально-психологическому исследованию нарушений критичности при судебнопсихологической экспертизе. Данный подход позволяет отразить качественные данные исследований в количественных характеристиках наблюдаемых нарушений.

Ключевые слова: судебнопсихологическая экспертиза, нарушения критичности, органическое расстройство личности, расстройство личности, умственная отсталость.

Важным аспектом изучения психики правонарушителей с психическими аномалиями являются их критические способности, поскольку критичность, выступая в качестве критерия, дифференцирующего норму от патологии, тесно связана с социальной адаптацией и возможностью оценивать и регулировать свое поведение в соответствии с социальными требованиями и правилами [6–8]. В этой связи изучение проблемы критичности является одним из самых актуальных исследований современной психиатрии и медицинской психологии и имеет важное практическое значение для решения задач судебной психологопсихиатрической экспертизы [1, 4, 7].

Однако, несмотря на ключевое значение факта выявления нарушений критичности для вынесения квалифицирующего экспертного решения, и судебные психиатры-эксперты, и судебные психологи сталкиваются со сложностями диагностики критичности, вызванными, в частности, различиями в подходах к ее пониманию и верификации. Эксперты-психиатры рассматривают критичность в рамках клинкопсихопатологического метода диагностики сохранности-нарушенности у подэкспертного осознания и принятия факта своей болезни и собственных действий при совершенном им правонарушении. Патопсихологи рассматривают нарушение критичности с точки зрения структурно-динамического подхода с обязательным анализом личностного отношения больного к ситуации патопсихологического эксперимента и анализа нарушений внутренней организации умственного действия [3].

Программа исследования критичности психологами включает в себя экспериментально-психологические методики, направленные на исследование самооценки, ценностных ориентаций, эмоционально-мотивационной сферы, выявление отношения к ситуации эксперимента. Применяются также методики для исследования познавательных процессов, поскольку «они не существуют изолировано от установок и потребностей личности» [4, с. 15]. Обязательными для выявления нарушений критичности являются методы наблюдения, диалога, метод психологического анализа историй болезни, материалов уголовного дела.

Однако диагностика феномена критичности сопровождается определенными трудностями, поскольку не существует специфических методик, прицельно направленных на исследование нарушений критичности. В практике оцениваются в основном косвенные результаты различных методик, которые зачастую трудно сопоставимы между собой. Как правило, качественный анализ результатов исследования описывает изучаемое свойство исключительно в оценочных категориях («незначительно выражены...»; «грубые нарушения...» и т. п.). Подобное положение затрудняет квалификацию полученных экспериментальных данных и, в конечном итоге, вынесение экспертного решения, поскольку интерпретация результатов психологического исследования в значительной степени зависит от субъективного мнения и профессионального опыта специалиста.

Таким образом, современное состояние

Психодиагностика в различных областях практики

проблемы изучения феномена критичности характеризуется разрозненностью и некоторой противоречивостью теоретических и эмпирических данных об особенностях структуры критичности в норме и при ее нарушениях, что актуализирует задачу их обобщения в рамках комплексного подхода, опирающегося на результаты применения клинико-психопатологического и психологического, экспериментального и экспериментальных подходов.

Методологической основой исследования явились: концепция единства биологического и психосоциального в формировании психической патологии человека [3], концептуальные основы отечественной патопсихологии и их развитие применительно к задачам патопсихологического экспериментального исследования [4], к прикладным задачам психиатрии и смежных областей [1, 8]; теоретические принципы судебной психолого-психиатрической экспертизы [6, 7]; современные положения медицинской психодиагностики в практике использования нестандартизованных патопсихологических методик, включая применение таблиц-шкал для оценки степени выраженности нарушений психических функций в виде квантифицированных результатов экспериментально-психологического исследования.

Исходя из методологии и общей концепции исследования было проведено экспериментально-психологическое обследование 198 испытуемых мужского пола от 14 до 18 лет (средний возраст $16,2 \pm 1,8$), направленных судебно-следственными органами на судебно-психиатрическую и комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу в связи сомнениями в психической полноценности. Выборка испытуемых была поделена на три экспериментальных группы на основании наличия вынесенного врачами-психиатрами диагноза: «Органическое расстройство личности» (F 07.0) – 70 пациентов

(группа ОРЛ), «Расстройство личности», «Расстройства социального поведения» (F 60; F 91.0 – F 91.2) – 66 человек (группа РЛ), «Легкая умственная отсталость» (F 70) – 62 подростка (группа ЛУО).

Исследование проводилось с помощью стандартных патопсихологических методик для изучения познавательных процессов и интеллектуальных возможностей: одноцветные таблицы Шульте, корректурная проба Анфимова, методика на запоминание 10 слов, запоминание 10 пар слов (проба на ассоциативную память), методика исследования интеллектуальной деятельности Д. Векслера (WAIS). Исследование личностных особенностей проводилось с использованием методики «Уровень невротизации и психопатизации», «Индивидуального типологического опросника», «Патохарактерологического диагностического опросника» (ПДО) А.Е. Личко, теста цветочных выборов Люшера, методики «Дом-Дерево-Человек», шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн. Также использовались клинические методы: наблюдение, интервью, диалог, изучение медицинской документации и материалов уголовного дела.

Результаты исследования познавательной сферы испытуемых представлены в табл. 1.

Познавательная сфера подростков с органическим расстройством личности (ОРЛ) характеризуется неравномерностью темпа психических процессов, незначительным его замедлением, снижением объема внимания, снижением непосредственной и механической памяти, а также способности к отсроченному воспроизведению. Интеллектуальные возможности подростков с ОРЛ в целом характеризуются низким общим показателем и невербальным показателем интеллекта.

Личностные особенности подростков с ОРЛ представлены: преобладанием эпилептоидного, неустойчивого и истерического ха-

Таблица 1
Характеристика показателей познавательной сферы у испытуемых с ОРЛ, РЛ, ЛУО

Показатель	ОРЛ (n=70)	РЛ (n=66)	ЛУО (n=62)
Объем внимания и темп психических процессов (время, $t \pm \sigma$)	49,6 \pm 11,4	43,1 \pm 8,1	54,33 \pm 8,1
Оперативная память (стимулы, $n \pm \sigma$)	4,7 \pm 0,9	5,7 \pm 0,7	4,08 \pm 0,9
Механическая память (стимулы, $n \pm \sigma$)	7,2 \pm 1,25	9,1 \pm 0,76	5,62 \pm 0,9
Отсроченное воспроизведение (стимулы, $n \pm \sigma$)	4,3 \pm 1,3	5,9 \pm 0,6	3,16 \pm 1
Вербальная оценка интеллекта (IQ балл, $n \pm \sigma$)	82,4 \pm 4,64	85,6 \pm 5,06	70,9 \pm 3,96
Невербальная оценка интеллекта (IQ балл, $n \pm \sigma$)	75 \pm 6,89	80,2 \pm 4,91	64,88 \pm 5,96
Общая оценка интеллекта (IQ балл, $n \pm \sigma$)	78,02 \pm 5,28	82,5 \pm 4,35	66,6 \pm 4,24

рактерологических типов, наличием признаков дискордантности характера, чаще неопределенным уровнем психопатизации и невротизации, в целом неустойчивой (низкой или завышенной) самооценкой; склонностью к делинквентности, наличием признаков высокого риска социальной дезадаптации, выраженной реакцией эмансипации, умеренной и низкой конформностью; наличием показателя, указывающего на органическую природу изменений характера, достаточной активностью, экстравертированностью, ригидностью, агрессивностью, повышенной эмотивностью, чертами эмоциональной неустойчивости, возбудимостью, выраженной изменчивостью эмоционального фона, упрямством и стремлением к автономности.

Для познавательной сферы подростков с расстройствами личности (РЛ) характерны: достаточный темп психических процессов и объем внимания, незначительное снижение способности к отсроченному воспроизведению. При исследовании интеллектуального развития показатели у испытуемых с РЛ соответствуют низкой норме их возрастного периода.

Личностные особенности подростков с РЛ представлены: преобладанием эпилептоидного, неустойчивого и истерического характерологических типов, наличием психологической склонности к делинквентности, чаще неопределенным уровнем невротизации и очень высоким уровнем психопатизации, в целом сниженной или завышенной самооценкой; наличием признаков высокого риска социальной дезадаптации, умеренной реакцией эмансипации, отсутствием высокой конформности; достаточной активностью, аффективной ригидностью, агрессивностью, чертами эмоциональной неустойчивости, возбудимостью, изменчивостью эмоционального настроения, упрямством и стремлением к автономности.

Познавательная сфера подростков с легкой умственной отсталостью (ЛУО) характеризуется замедленностью темпа психических процессов, снижением объема внимания, снижением оперативной, механической и долговременной памяти. В целом полученные показатели вербального интеллекта у испытуемых соответствуют зоне, пограничной между нормой и умственным дефектом, а показатель вербального интеллекта соответствует легкому умственному дефекту. Общая оценка интеллектуального развития свидетельствует о наличии легкого умственного дефекта.

Личностные особенности подростков с ЛУО представлены: преобладанием лабильного и неустойчивого характерологических типов, чаще неопределенным либо низким уровнем психопатизации и невротизации, недифференцированной самооценкой; склонностью к делинквентности, наличием признаков высокого риска социальной дезадаптации, психологической склонностью к алкоголизации, наличием показателя методики ПДО, указывающего на органическую природу изменений характера, чертами эмоциональной и личностной незрелости. Актуальное состояние испытуемых на момент прохождения экспертизы характеризовалось пассивностью в сочетании с повышенной тревожностью и склонностью к пессимистической оценке ситуации, потребностью в защите и покое.

С целью диагностики нарушений критичности подростков нами по итогам анализа литературных источников были выделены 23 индикатора нарушений критичности, проявляющихся в результатах клинко- и экспериментально-психологического исследования (23 психодиагностических «мишени»). Например, были выделены такие проявления нарушений критичности, как игнорирование собственных ошибок, снижение чувства дистанции, опережающие реакции, бравада, импульсивность, агрессивность. Также была разработана система квалификации нарушений критичности, позволяющая установить соответствие качественных характеристик нарушения критичности и степени их выраженности (от 0 до 3 баллов).

Результаты экспериментального исследования у всех подэкспертных были соотнесены с индикаторами нарушений критичности и оценены по степени выраженности.

Полученные экспертные оценки подвергались первичной математико-статистической обработке и факторному анализу по методу главных компонент с последующим Varimax-вращением, выполняемому по классическим алгоритмам факторно-аналитических процедур. Расчет значений и визуализация данных проводились посредством обработки массивов данных с помощью специализированной компьютерной программы «Statgraphics. ver. 5.1».

Факторная структура нарушений критичности у подростков с различными нозологическими формами психических расстройств представлена в табл. 2.

Факторная структура нарушений критичности у подростков с различными нозологическими формами психических расстройств

Расстройство личности	Органическое расстройство личности	Легкая умственная отсталость
Аффективно-деструктивные нарушения и волевые нарушения (47,0 %)	Аффективно-деструктивные нарушения (41,6 %)	Эмоциональная неустойчивость (38,3 %)
Нарушения поведения (11,9 %)	Нарушения поведения (10,0 %)	Интеллектуальная недостаточность и нарушения социальной адаптации (15,6 %)
Интеллектуальная недостаточность (8,8 %)	Интеллектуальная недостаточность (7,4 %)	Деструктивные (асоциальные) нарушения (6,7 %)
	Социальная дезадаптация (6,2 %)	Самооценка и уровень притязаний (5,9 %)
	Самооценка и уровень притязаний (5,4 %)	

Факторная структура нарушений критичности при органическом расстройстве личности образована 5 факторами с общим потенциалом объяснения 70,6 % дисперсии переменных. Интерпретируемый состав входящих в каждый фактор переменных позволил определить эти факторы как «Аффективно-деструктивные нарушения» (41,6 % дисперсии переменных), «Нарушения поведения» (10,0 %), «Интеллектуальная недостаточность» (7,4 %), «Социальная дезадаптация» (6,2 %), «Самооценка и уровень притязаний» (5,4 %). Первый фактор, интерпретируемый как «Аффективно-деструктивные нарушения», включает в себя такие признаки, как враждебность (0,83), агрессивность (0,74), протестные реакции (0,76), раздражительность (0,69). Данные клинико-психологических показателей являются одними из основных диагностических критериев ОРЛ. Второй фактор образуют импульсивные реакции, ситуационные нарушения поведения (бравата (0,76), снижение чувства дистанции (0,71), опережающие реакции (0,71), отсутствие чувства экспертной ситуации (0,67), игнорирование ошибок (0,59)), свидетельствующие о снижении способности к волевому контролю деятельности. Третий фактор описывает интеллектуальные нарушения, имеющие в своей основе биологическую, органически неполноценную почву. Четвертый и пятый факторы («Социальная дезадаптация» и «Самооценка и уровень притязаний») включают в себя ситуационно-невротические реакции (0,83), коммуникативные затруднения (0,63), неустойчивость самооценки (0,71).

Факторная структура нарушений критичности у подростков с расстройством личности образована 3 факторами с общим потенциалом объяснения 67,8 % дисперсии оценок переменных. Учитывая состав входящих в каждый фактор переменных, проинтерпретированы они были как «Аффективно-деструктивные и волевые нарушения» (47,0 % дисперсии переменных), «Нарушения поведения» (11,9 %), «Интеллектуальная недостаточность» (8,8 %). По силе своего влияния на клиническую факторную картину на первый план в факторе «Аффективно-деструктивные нарушения» выходят враждебность (0,84), агрессивность (0,81), эмоциональная неустойчивость (0,75), социальная дезадаптация (0,72). Эти клинико-психологические симптомы являются, по сути, основными диагностическими критериями РЛ. Второй по значимости фактор описывает ситуационные нарушения поведения – бравата (0,85), снижение чувства дистанции (0,83), протестные реакции (0,72), отсутствие реакции на критику (0,52), которые проявляются в результатах клинических методов, применяемых в ходе экспертного исследования. Третий фактор – «Интеллектуальная недостаточность» описывает квазиинтеллектуальные нарушения, носящие «вторичный характер» и являющиеся следствием нарушения эмоций, планирования действий, их контроля и прогноза («относительное слабоумие», «парциальное слабоумие», «неполноценность интеллекта аномальных личностей» [2]).

Факторная структура нарушений критичности при РЛ и ОРЛ имеет общие черты (на первые 3 позиции выходят аналогичные фак-

торы), поскольку в обоих случаях основным является расстройство личности. Главным отличием могут служить лишь разные причины и механизмы развития интеллектуальных нарушений.

Факторная структура нарушений критичности при легкой форме умственной отсталости образована 4 факторами с общим потенциалом объяснения 66,5 % дисперсии переменных. Анализ входящих в каждый фактор переменных позволил следующим образом проинтерпретировать эти факторы: «Эмоциональная неустойчивость» (38,3 % дисперсии переменных), «Интеллектуальная недостаточность и нарушения социальной адаптации» (15,6 %), «Деструктивные (асоциальные) нарушения» (6,7 %), «Самооценка и уровень притязаний» (5,9 %). Фактор «Эмоциональная неустойчивость» по значимости занимает первое место в факторной структуре нарушений критичности. Это свидетельствует о том, что именно эмоциональная неустойчивость (0,82), импульсивность (0,89), протестные реакции (0,81) являются основными критериями снижения критичности у подростков с ЛУО. Фактор интеллектуальной недостаточности, стоящий на второй позиции, сочетается с нарушениями социальной адаптации, поскольку в данном случае именно интеллектуальный дефект обуславливает коммуникативные затруднения и явления дезадаптации. Третий фактор – «Деструктивные нарушения» отражает агрессивность (0,87), враждебность (0,87), делинквентность (0,54), характерные для психопатоподобного синдрома. Фактор «Самооценка и уровень притязаний», находящийся на четвертом месте, включает в себя иррациональность, нереальность уровня притязаний (0,78), а также самооценку (0,47), которая у испытуемых данной группы отличается недостаточной дифференцированностью.

Таким образом, предложенный подход

к организации клинико- и экспериментально-психологического исследования нарушений критичности при судебной психолого-психиатрической экспертизе позволяет отразить качественные данные исследования в количественных характеристиках наблюдаемых нарушений для соотнесения их в дальнейшем с экспертными решениями.

Литература

1. Гурьева, В.А. // *Руководство по судебной психиатрии* / В.А.Гурьева, Е.В. Макушкин; под ред. Т.Б. Дмитриевой и др. – М., 2004. – 478 с.
2. Дубинин, А.М. *Об интеллектуальной недостаточности психопатов* / А.М. Дубинин // *Труды института им. Ганнушкина*. – М., 1939. – Вып. 3. – С. 267–277.
3. Зейгарник, Б.В. *Патопсихология* / Б.В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 238 с.
4. Кожуховская, И.И. *Критичность психически больных* / И.И. Кожуховская. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 80 с.
5. Кудрявцев, И.А. *Судебная психолого-психиатрическая экспертиза* / И.А. Кудрявцев. – М.: *Юридическая литература*, 1988. – 224 с.
6. *Психологические проблемы критичности и некоторые механизмы отклоняющегося поведения* / И.А. Кудрявцев, М.Б. Ерохина, А.Н. Лавринович, Ф.С. Сафуанов // *Психологический журнал*. – 1986. – Т.7. – №2. – С. 127–136.
7. Симоненкова, М.Б. *Некоторые механизмы нарушения критичности у психопатических личностей* / М.Б. Симоненкова. – Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – Л., 1986. – 23 с.
8. *Судебная психиатрия* / Т.Б. Дмитриева, А.А. Ткаченко, Н.К. Харитонова, С.Н. Шишков; под ред. Т.Б. Дмитриевой и др. – М., 2008. – 750 с.

Поступила в редакцию 2 февраля 2010 г.

Мещерякова Кира Васильевна. Преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Kira V. Meshcheryakova. Assistant of professor, Department of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

Рязанова Анна Юрьевна. Старший преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Anna Y. Ryazanova. Assistant of professor, Department of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОГНОЗА НАРУШЕНИЙ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

М.А. Бербин, Ю.В. Кочкина

Проведён анализ современного состояния проблемы прогнозирования нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности с учетом её особенностей для сотрудников правоохранительной системы. Представлена система оценки и прогноза нарушения психической адаптации и профессиональной надёжности в терминах результатов психодиагностических методик и экспертных критериев оценки профессиональной надёжности. Разработана клиничко-психологическая модель прогноза психической адаптации и надёжности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: психическая адаптация, профессиональная надёжность, прогноз, стрессогенные профессии.

Актуальность исследования. В последние годы произошло несколько знаковых событий системного характера, которые значительно пошатнули репутацию сотрудников системы правопорядка и изменили отношение населения к правоохранительным органам. Ставшие известными из средств массовой информации правонарушения и преступления с участием сотрудников милиции повышают требования к совершенствованию сложившейся системы отбора кадров, и в частности прогнозирования нарушений их психической адаптации и профессиональной надёжности. При этом важно учитывать, что психологический статус человека, реализующего властные полномочия, подкреплён возможностью применения принуждения (в том числе с применением огнестрельного оружия) и определяет не только успешность профессиональной деятельности, но и возможность совершения инструментальной агрессии и неадекватных поступков, представляющих опасность и угрозу жизни для граждан.

В современных условиях ведомственными документами МВД РФ предусмотрено применение унифицированного набора основных психологических и психофизиологических методов, направленных на изучение психических функций, а также разработка многоступенчатой методики выявления и профилактики на ранней стадии симптомов стрессовых реакций и состояний у сотрудников органов внутренних дел.

Задачи повышения эффективности деятельности сотрудника правоохранительных органов в особых, усложнённых условиях (полифункциональности, стрессогенности, инноваций и т.д.) обостряют проблему эффективного противостояния субъекта служебной деятельности её негативным факторам. Как следствие, отмечаются трудности развития способности сотрудников правопорядка адекватно реагировать на требования среды, социума и профессии (проблема нарушения психической адаптации), а также нарушения способности безошибочно, своевременно и безотказно осуществлять необходимые профессиональные функции (проблема профессиональной надёжности).

Современные условия службы в условиях стрессогенности диктуют необходимость поиска психологической службой МВД всё более эффективных средств и методов в процессе прогнозирования нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников не только на стадии отбора кандидатов на службу и профессиональной подготовки, но и в ходе исполнения служебной деятельности личного состава органов внутренних дел (ОВД РФ). Существующий порядок отбора и сопровождения кадров в правоохранительные органы сам по себе не приводит к качественному выполнению функционально-ролевых обязанностей личным составом и не способствуют улучшению служебной деятельности сотрудников. Как следст-

вие, возникает необходимость организации психологического сопровождения на всех этапах профессиональной карьеры сотрудников правоохранительных органов.

При этом необходимо учитывать все первичные, и следовательно, наиболее частые явления социально-психологических форм дезадаптации, внешние (средовые) и внутренние (личностные) факторы, способствующие быстрой профессиональной деформации сотрудников ОВД. Этому положению способствуют многие факторы профессиональной деятельности, например, неопределенность (наличие неконкретных прав и обязанностей), сверхнормативность (противоречие объема работы и временем ее выполнения), экстремальность, постоянный дистресс с рисками и угрозами здоровью и жизни.

Описанная ситуация и реализация предусмотренных нормативными документами задач имеют явный клинико-психологический аспект. В частности, в настоящее время критерии психофизиологического отбора для службы в ОВД приведены к единым унифицированным диагностическим стандартам на основе действующего классификатора – Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10).

В силу этого ведомственными документами МВД РФ предусмотрено в числе безотлагательных мер организовать курсы специальной клинической подготовки и переподготовки психологов органов внутренних дел Российской Федерации.

Ориентация на усиление оценки роли психологических факторов профессионального и личностного статуса сотрудников ОВД вызывает необходимость определения и конкретизации требований к профессионально-психологическим особенностям данной профессиональной группы, разработки современных технологий в работе с личным составом.

Необходимость изучения клинико-психологических оснований прогнозирования профессиональной надежности сотрудников правоохранительных органов обусловлена рядом противоречий.

Во-первых, существующий порядок организации психологического сопровождения сотрудников МВД не ограничивает практических психологов в методическом инструментарии изучения личности и социума. Нормативные правовые акты и документы МВД России не регламентируют перечень разрешенных к применению диагностических ме-

тодик. Выбор адекватного психодиагностического инструментария является прерогативой практического психолога и в то же время сложной задачей для него. Дополнительная сложность вызвана тем, что отбор на службу в МВД осуществляется ведомственными Центрами психофизиологической диагностики по достаточно жестко фиксированному перечню методик и в соответствии с достаточно жесткими критериями, не допускающими вариативности.

Во-вторых, описанная выше ситуация свидетельствует о явном несоответствии между социальным и ведомственным заказом в отношении необходимости прогнозирования нарушений психической адаптации и профессиональной надежности сотрудника правоохранительных органов, с одной стороны, и дефицитом надежных и валидных моделей качественного психологического прогнозирования, с другой.

В-третьих, в современных условиях психологического сопровождения служебной деятельности сотрудников милиции, с одной стороны, отсутствуют единые психологические критерии в оценках профессионального соответствия и дифференцированный подход в выборе нормативных данных. С другой стороны, требования и запросы органов управления МВД к ведомственной психологической службе по прогнозированию нарушений адаптации и надежности личного состава не конкретизированы, что, в свою очередь, снижает прогностические возможности психологических заключений.

Возникшие несоответствия и противоречия теории и практики определили необходимость разработки новых и совершенствования прежних концептуальных подходов и принципов определения клинико-психологических оснований прогноза профессиональной надежности сотрудников правоохранительных органов, обоснования технологии, методов и критериев их оценки. При этом перспективным направлением представляется создание прогностически адекватной психодиагностической экспертной процедуры изучения значимых, лимитирующих психологических качеств и функциональных резервов на основе комплексного подхода к оценке психической, психологической и физиологической адаптации личности в новых условиях профессиональной деятельности.

Вышеописанное делает необходимым реализацию клинико-психологической экспертизы не только при осуществлении проце-

дуры профессионального отбора на службу, но и как комплексной технологии экспертно-психологического прогноза профессиональной надёжности сотрудников правоохранительных органов, определения возможностей и динамики их оптимальной адаптации, становления, а также условий разрешения личностно-профессиональных задач на различных этапах развития. При этом требуется учитывать, что проблема прогнозирования в составе психологического знания представляет собой широкий спектр исследований, характеризующихся разнообразием категориальных позиций, а зачастую отсутствием единой понятийной системы и общей методологической платформы исследований. Однако в статье не ставилась задача рассмотрения теоретических аспектов организации и обоснования предлагаемой системы психодиагностических критериев прогноза нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности. Отправными положениями исследования являлось выделение в структуре прогноза целевых и прогностических компонентов. При этом целевые признаки определяют задачу исследования, хотя и относятся не к ведению психологии. Правильное формирование целевых признаков является одной из гарантий успешности исследований такого рода, поскольку большинство неудач в работах по профотбору объясняется неправильным подбором или измерением целевых признаков. В качестве прогностических признаков рассматриваются психологические феномены, входящие в качестве независимых переменных в «уравнения прогноза», рассчитываемые в помощь различных методов математического анализа данных. В рамках данного исследования в этом качестве выступают результаты многомерных личностных измерений. Отдельную сложность для такого рода исследований представляет факт, что из-за отсутствия объективных параметров прогноза нарушений адаптации и профессиональной надёжности сотрудников правоохранительных органов (целевых признаков) психологам ОВД до сих пор не удается решить проблему ориентации на однозначные экспериментально-психологические критерии (прогностические признаки), необходимые для прогноза профессиональной надёжности сотрудников.

Исходя из вышеизложенного было выполнено комплексное клинико-психологическое и психодиагностическое исследование с целью разработки системы критериев

прогноза нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников милиции.

Материалы и методы исследования.

Исследование выполнено на базе районного отдела внутренних дел (РОВД), обслуживающего территорию с населением 64,5 тысячи человек. В 2009 году в данном РОВД проведено комплексное психологическое обследование личного состава. В статье представлен фрагмент комплексного исследования, выполненного по материалам психологической диагностики сотрудников ОВД по следующим методикам:

1. Стандартизированный многопрофильный метод исследования личности (ММИЛ).

2. Индивидуально-типологический опросник (ИТО).

3. Пятифакторный личностный опросник (NEO FFI).

Опросник NEO FFI использовался в утверждённой в системе МВД РФ модификации, включающей в себя систему пяти дополнительных индексов, разработанных для решения специальных задач психологического отбора и сопровождения профессиональной деятельности («Психологическая готовность к несению службы с оружием», «Необходимость дополнительного внимания со стороны психолога», «Психологическая пригодность к несению службы в экстремальных условиях», «Адаптационный (профессионально-психологический) потенциал индивида» (адаптивность), «Степень профессиональной деформированности личности»). Диагностические индексы интерпретируются по типологической схеме – путем отнесения психологического заключения к одному из трех фиксированных типов, для каждого из которых разработан вариант управленческих решений.

Характеристика выборки. Выборка состоит из 81 сотрудника ОВД в возрасте от 20 до 40 лет.

На первом этапе экспертами (руководителями служб и подразделений, психологом ОВД) определялся персональный состав групп участников исследования (включая состав группы лиц испытывающих напряжение механизмов адаптации и требующих углубленного психологического внимания).

Включение в группы осуществлялось на основании результатов клинико-психологического обследования, учитывающего следующие прогностически значимые характеристики статуса испытуемых:

– анамнез жизни (с уточнением особенностей детского развития и специфики детско-родительских отношений);

– специфику стилей адаптационных и поведенческих реакций, – селекционное интервью (объективизация вопросов, связанных с опытом работы, квалификацией, личными достижениями сотрудника);

– социально-психологический и индивидуально-психологический анамнез;

– особенности ценностно-мотивационной сферы (включая характеристики самоотношения и смысложизненных ориентаций);

– анамнез клинических рисков (наркологический и психологический статус, склонность к аутоагрессии);

– материалы селекционного интервью (объективизация вопросов, связанных с опытом работы, квалификацией, личными достижениями сотрудника).

Осуществлялось включённое динамическое наблюдение, при котором в числе основных критериев оценки психологического состояния сотрудников учитывались следующие психологические и поведенческие проявления:

– внутренняя напряженность, пониженный фон настроения, склонность к волнениям и беспокойству, сниженная способность к быстрому принятию решений и ориентации в незнакомой ситуации, безынициативность, затруднения в установлении межличностных контактов;

– сниженная способность к волевой концентрации при преодолении трудностей, уход от решения проблем, стремление к избеганию излишних нагрузок и ответственности, «бегство в болезнь»;

– недостаточный уровень эмоционального самоконтроля, повышенная возбудимость, импульсивность, ситуационные вспышки гнева, ориентация на собственное мнение, стремление к самостоятельности и независимости, конфликтность, непредсказуемость поступков;

– эмоциональная холодность, тревожность, ощущение собственного несовершенства, повышенное чувство вины и самоунижения, замкнутость, наличие своеобразных критериев и ориентации, непрактичность;

– несамостоятельность при принятии решений и действий, чувство незащищенности, пониженная критичность по отношению к себе, фантазирование, замещающее реальные поступки, эгоцентризм.

По итогам стандартизованного интервью и включенного динамического наблюдения в

первую группу наблюдений были включены испытуемые, отнесённые к группе углубленного психологического внимания по основаниям наличия тех или иных акцентуаций характера, вероятной склонности к психосоматическим реакциям и психогенно обусловленным нарушениям непсихотического уровня. Численность группы составила 20 человек. Вторую группу наблюдения составили испытуемые с недостаточно благоприятным прогнозом профессиональной деятельности по результатам итогового психодиагностического заключения, вынесенного психологической службой ГУВД при приёме на службу. Численность группы составила 16 человек. В третью группу наблюдений были включены адаптивные испытуемые с благоприятным экспертным прогнозом психической адаптации и профессиональной надёжности. Численность группы составила 45 человек.

Выполненное исследование являлось констатирующим. В исследовании использован многомерный метод экстраполяции данных. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью стандартных методов математической обработки с использованием пакета компьютерной программы «SPSS Statistics 18».

Результаты исследования. Основным методом обработки и анализа данных явился метод дискриминантного анализа. В качестве зависимой переменной выступала номинальная переменная, идентифицирующая принадлежность участвующих в обследовании сотрудников к одной из трёх групп наблюдения. В качестве группирующей переменной была взята «группа испытуемых». В исходную совокупность дискриминантных переменных были включены показатели результатов экспериментально-психодиагностических методик. Отбор переменных был осуществлён исходя из теоретической модели исследования, а также результатов анализа коэффициентов парной связи между группирующей переменной и потенциальными дискриминантными переменными. Эффективность созданной таким образом диагностической модели рассматривалась в соответствии с её способностью качественно и достоверно разделять (дискриминировать) диагностируемые классы.

На первом этапе дискриминантного анализа выяснялись межгрупповые различия исследовательских выборок. Отбор информативных дискриминантных функций осуществ-

влялся методом пошагового анализа. На втором этапе дискриминантного анализа отобранное подмножество наиболее информативных переменных использовалось для вычисления дискриминантных функций, представляющих линейную комбинацию дискриминантных переменных. Реальная полезность канонических дискриминантных функций для различения объектов определялась величиной коэффициента канонической корреляции. Теснота связи между отдельными дискриминантными переменными и дискриминантными функциями определялась по величине структурных компонентов. Показатель распознавания свидетельствует о степени соответствия дискриминантной модели эмпирическим данным. Дискриминантному анализу подверглись результаты, полученные и по каждой отдельной методике, и по совокупности исследования по всем трем методикам.

В результате статистической обработки по результатам каждой отдельно взятой методики были получены коэффициенты двух дискриминантных функций в стандартизованном виде, которые позволили построить модели дискриминантных функций при условии задания стандартизованных значений факторов. Полученные коэффициенты позволили для каждой методики построить модель искомого дискриминантных функций. Построение модели осуществлялось путём задания натуральных значений факторам, по которым решалась поставленная диагностическая задача.

На основании данных внутригрупповых ковариаций и корреляций значений переменных между собой попарно проведена проверка степени коррелированности переменных. Слабо связанные между собой переменные расценены как наиболее информативные, т. к. они несут самостоятельную информацию о распределении испытуемых по группам.

Рассчитывались нормированные значения координат центроидов каждой группы по каждой методике, а также координаты центроидов трёх групп испытуемых по результатам исследований по совокупности методик, что позволяет решить вопрос о классификации любого нового испытуемого по результатам его психологического обследования по каждой методике и по их совокупности.

Статистическая модель прогноза нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников ОВД строилась по обучающей выборке, а точность

прогноза на основании полученной модели оценивалась по тестовой выборке. Оценка точности классификации проводилась при помощи кросс-проверки наблюдений в анализе. При кросс-проверке каждое наблюдение классифицировалось по значениям дискриминантных функций, выведенных по всем наблюдениям, за исключением анализируемого случая. Данная процедура позволила оценить точность прогнозирования с помощью данных из специальной тестовой (кросс-проверочной) выборки путем сравнения точности прогноза индивидуального случая с данными по той выборке, по которой, собственно, и строилась прогностическая модель.

По результатам дискриминантного анализа для методики ММИЛ в исследовании обозначилась следующая модель прогностических факторов:

$$F1 = -8,74 + 0,04 * x_L + 0,05 * x_F - 0,02 * x_K + 0,06 * x_{1(Hs)} - 0,02 * x_{2(D)} - 0,01 * x_{3(Hy)} - 0,01 * x_{4(Pd)} - 0,05 * x_{6(Pa)} + 0,1 * x_{7(Pv)} + 0,03 * x_{9(Ma)}; \quad (1)$$

$$F2 = 5,35 + 0,06 * x_L + 0,08 * x_F + 0,01 * x_K + 0,03 * x_{1(Hs)} + 0,02 * x_{2(D)} - 0,05 * x_{3(Hy)} + 0,03 * x_{4(Pd)} + 0,07 * x_{6(Pa)} - 0,1 * x_{7(Pv)} - 0,04 * x_{9(Ma)}. \quad (2)$$

Анализ статистических данных показывает, что нормированные значения координат центроидов групп в ортогональном графике дискриминантных функций F1 и F2 по методике ММИЛ составляют:

а) для первой выборки сотрудников, испытывающих проблемы в адаптации – F1= 0,3 и F2= - 0,45;

б) для группы условно рекомендованных сотрудников – F1= 0,94 и F2= 0,30;

в) для группы адаптированных сотрудников – F1= - 0,47 и F2= 0,09.

На основании выполненного исследования по методике ММИЛ 63 % исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно.

Статистическая обработка диагностических показателей по методике ММИЛ определила прогностическую точность модели, на основании которой может осуществляться распределение сотрудников по группам психологического сопровождения, которая составила 20 % для группы сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 37 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 91 % для группы адаптированных сотрудников по результатам исходных сгруппированных наблюдений. Значимость

прогноза после перекрёстной проверки сгруппированных наблюдений составила 5 % для сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 12 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 79 % для группы адаптированных сотрудников.

Дискриминантная функция по результатам методики ИТО отличается «размытостью» данных, что свидетельствует о недостаточно высокой точности отнесения объектов к определённой группе.

В отношении методики ИТО получены следующие формулы дискриминантных функций:

$$F_1 = 0,12 + 0,54 * x_{агр} + 0,28 * x_{ложь} + 0,16 * x_{экстр} + 0,21 * x_{инт} - 0,18 * x_{лаб} - 0,45 * x_{риг} + 0,39 * x_{агрес} - 0,31 * x_{тревож} - 0,06 * x_{спонтан} - 0,02 * x_{сензит}; \quad (3)$$

$$F_2 = -2,5 - 0,82 * x_{агр} + 0,11 * x_{ложь} - 0,01 * x_{экстр} + 0,24 * x_{инт} - 0,13 * x_{лаб} + 0,24 * x_{риг} + 0,20 * x_{агрес} + 0,21 * x_{тревож} + 0,09 * x_{спонтан} - 0,28 * x_{сензит}. \quad (4)$$

Нормированные значения координат центров групп в графике дискриминантных функций по методике ИТО составляют:

а) для первой выборки сотрудников, испытывающих проблемы адаптации – $F_1 = 0,26$ и $F_2 = -0,45$;

б) для группы условно рекомендованных сотрудников – $F_1 = 0,76$ и $F_2 = 0,32$;

в) для группы адаптированных сотрудников – $F_1 = -0,39$ и $F_2 = 0,09$.

В результате обработки диагностических показателей по методике ИТО точность прогностической модели, на основании которой может осуществляться распределение сотрудников по группам психологического сопровождения, составляет 30 % для группы сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 25 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 89 % для группы адаптированных сотрудников по результатам исходных сгруппированных наблюдений. Значимость прогноза после перекрёстной проверки сгруппированных наблюдений составила 5 % для сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 12 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 79 % для группы адаптированных сотрудников.

Общая информационная ценность дискриминантной модели по опроснику ИТО составляет 61,7 %.

По результатам экспериментальных исследований по методикам ММИЛ и ИТО внутри первой и второй групп выборки испы-

туемых получены достаточно гомоморфные группы. Результаты исследования показывают, что данные опросники по своей информационно-диагностической нагрузке больше структурируют третью группу испытуемых, в которую вошли адаптированные сотрудники.

Для методики NEO-FFI по результатам дискриминантного анализа построены следующие уравнения классификационной линейной функции:

$$F_1 = -7,50 + 0,5 * x_{нейр} - 0,05 * x_{экстр} + 0,59 * x_{откр} + 0,02 * x_{соглас} - 0,25 * x_{сознат} + 0,67 * x_{вним.псих.} + 1,98 * x_{пригодн.ЧС} - 0,63 * x_{проф.деформ} - 0,64 * x_{адаптац}; \quad (5)$$

$$F_2 = -3,40 + 0,20 * x_{нейр} - 0,24 * x_{экстр} - 0,27 * x_{откр} - 0,37 * x_{соглас} + 0,98 * x_{сознат} - 1,06 * x_{вним.псих.} + 1,65 * x_{пригодн.ЧС} - 0,07 * x_{проф.деформ} + 0,42 * x_{адаптац}. \quad (6)$$

По методике NEO-FFI определены следующие значения координат центров групп в графике дискриминантных функций:

а) для первой выборки сотрудников, испытывающих проблемы адаптации – $F_1 = -0,10$ и $F_2 = -0,54$;

б) для группы условно рекомендованных сотрудников – $F_1 = 0,95$ и $F_2 = 0,10$;

в) для группы адаптированных сотрудников – $F_1 = -0,29$ и $F_2 = 0,20$.

По методике NEO-FFI в исследовании первой и третьей группах выборки испытуемых большинство переменных оказались умеренно взаимосвязанными и, как следствие, они образуют достаточно «плотную» группу объектов. Установленные в исследовании статистические закономерности несколько снижают наглядность представления результатов дискриминантного анализа в отношении данной выборки. Однако полученные результаты свидетельствуют, что точность прогностической модели, на основании которой может осуществляться распределение сотрудников по группам психологического сопровождения по результатам методики NEO-FFI, составляет 19 % для группы сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 19 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 89 % для группы адаптированных сотрудников по результатам исходных сгруппированных наблюдений. При этом значимость прогноза после перекрёстной проверки сгруппированных наблюдений составила 15 % для сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 19 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 89 % для группы адаптированных сотрудников.

Психодиагностика в различных областях практики

Дискриминантная модель по результатам опросника NEO-FFI устанавливает 56,8 % точности результатов классификации первично сгруппированных наблюдений.

На следующем этапе обработки статистических данных дискриминантному анализу подвергались все результаты испытуемых каждой группы, полученные с помощью всех трёх методик психологического обследования. По итогам использования процедуры были построены канонические дискриминантные функции по результатам использованных в исследовании методик отдельно для каждой группы испытуемых.

По совокупным результатам психодиагностических методик при графическом изображении в континууме ортогонально ориентированных осей дискриминантных функций отмечается, что плотность распределения объектов (испытуемых) существенно различается: от максимально «размытой» группы (в

группе испытуемых, испытывающих проблемы адаптации) до максимально плотной (в группе адаптированных сотрудников).

Были рассчитаны значения совокупных коэффициентов канонической дискриминантной функции (по результатам исследования всех испытуемых с помощью методик ММИЛ, ИТО и NEO-FFI) и были выделены 28 значимых признаков, достаточных для дискриминации сотрудников ОВД в группы, различающиеся по показателям риска нарушений психической адаптации профессиональной надежности, по которым были построены следующие значения искомым дискриминантных функций (табл. 1).

Учёт значений дискриминант функций центроидов позволяет с определённой степенью надёжности создать ортогональный график для того или иного испытуемого (табл. 2).

Анализ и графическое решение дискриминантного анализа (см. рисунок) статистиче-

Таблица 1
Значения коэффициентов канонических дискриминантных функций, обеспечивающих риск нарушений психической адаптации профессиональной надежности сотрудников ОВД

Шкалы методик	Коэфф. F1	Коэфф. F2	Шкалы методик	Коэфф. F11	Коэфф. F2
Аггравация	0,737	-0,760	Сознательность	-0,522	0,777
Ложь (ИТО)	0,210	0,055	Закрепление оружия	0,332	0,234
Экстраверсия (ИТО)	0,276	-0,146	Внимание психолога	1,053	-0,615
Интроверсия	0,180	-0,073	Пригодность ЧС	-0,468	2,695
Лабильность	-0,273	0,065	Профессиональная деформация	-0,833	0,364
Ригидность	-0,273	0,075	Ложь (ММИЛ)	0,030	0,028
Агрессивность	0,264	-0,068	Достоверность	0,038	0,042
Тревожность	-0,525	0,258	Коррекция	-0,038	0,032
Спонтанность	-0,087	-0,063	Ипохондрия	-0,017	0,122
Сензитивность	-0,064	-0,136	Депрессия	0,024	-0,022
Нейротизм	-0,238	0,444	Истерия	0,023	-0,069
Экстраверсия (NEO-5F)	-0,185	0,003	Паранояльность	-0,056	0,057
Открытость опыту	0,676	-0,231	Психастения	0,087	-0,051
Согласие	0,111	-0,316	Гипомания	0,046	-0,017
Константа	-5,770	-12,680			

Таблица 2
Значения показателей центроидов групп испытуемых в графике ортогональных дискриминантных функций, полученных при обработке совокупных результатов исследования сотрудников ОВД по методикам ММИЛ, ИТО, NEO-FFI

Группа предназначения	Функция	
	F1	F2
1	0,653	-0,901
2	1,822	0,649
3	-0,938	0,170

Канонические дискриминантные функции

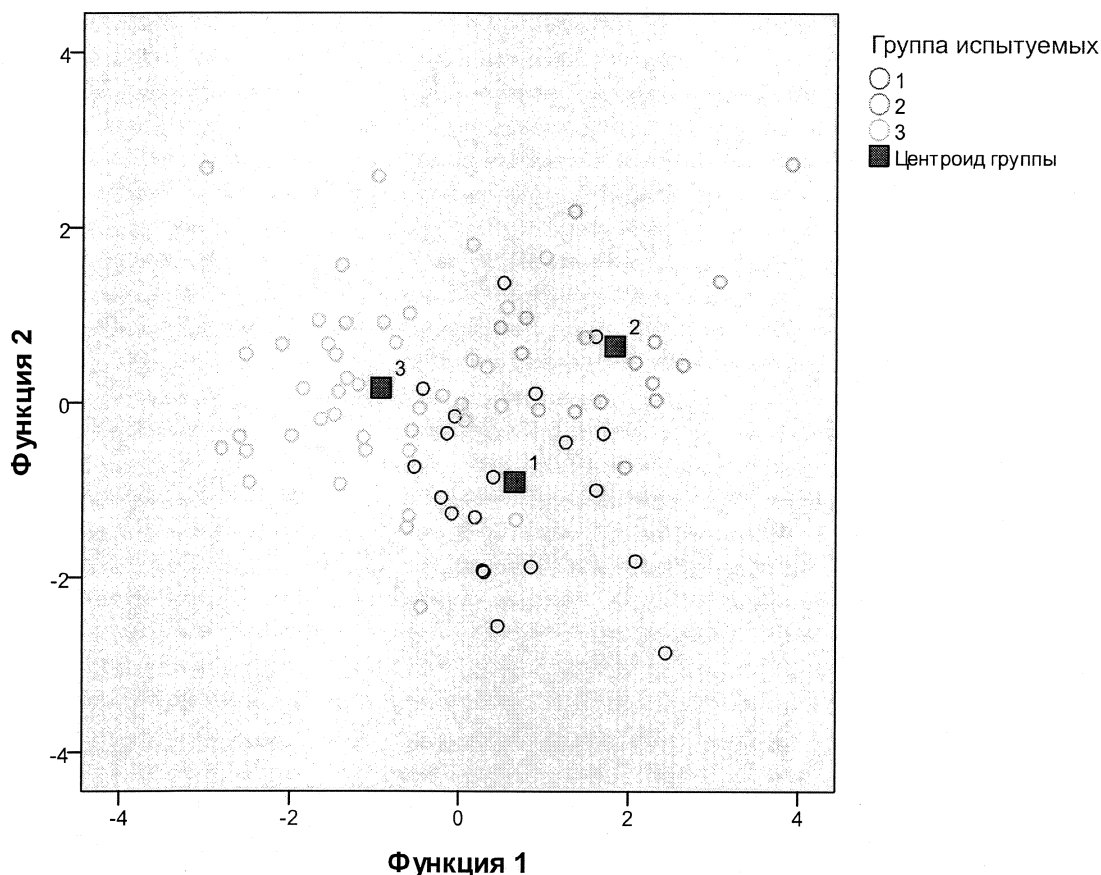

График показателей центроидов групп испытуемых в системе ортогональных дискриминантных функций, полученных при обработке совокупных результатов исследования сотрудников ОВД по методикам ММИЛ, ИТО, NEO-FFI

ских данных показывают, что нормированные значения координат центроидов дискриминантных функций F1 и F2 по результатам всех проведённых методик составляют:

а) для первой выборки сотрудников, испытывающих проблемы адаптации – $F1 = 0,65$ и $F2 = -0,90$;

б) для группы условно рекомендованных сотрудников – $F1 = 1,82$ и $F2 = 0,65$;

в) для группы адаптированных сотрудников – $F1 = -0,94$ и $F2 = 0,17$.

На основании соотнесения показателей всех психодиагностических методик прогностическая значимость исследования увеличилась на 20 % и определила справедливость классификации исходно сгруппированных наблюдений на уровне 79 %. Дискриминантная функция по результатам использованных в исследовании методик наглядно демонстрирует прогностическую значимость модели прогнозирования профессиональной надёжности.

Результаты свидетельствуют, что точность модели по совокупным показателям методик ММИЛ, ИТО, NEO-FFI, на основании которой может осуществляться распределение сотрудников по группам психологического сопровождения, составляет 65 % для группы сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, 69 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 89 % для группы адаптированных сотрудников по результатам исходных сгруппированных наблюдений.

Оценка точности классификации на данных кросс-проверочного множества по отношению группы сотрудников, испытывающих проблемы адаптации, оказалась слабо чувствительной. При этом значимость прогноза после перекрёстной проверки сгруппированных наблюдений значительно снизилась и составила 25 % для группы условно рекомендованных на службу сотрудников и 60 % для испытуемых третьей группы

Таблица 3

Результаты дискриминантной классификации по совокупным показателям методик исследования в группах испытуемых

Характеристика данных	Форма представления данных	Группа испытуемых	Предсказанная принадлежность к группе			Итого
			1	2	3	
Исходные данные	Количество	1	13	1	6	20
		2	3	11	2	16
		3	3	2	40	45
	Частота, %	1	65,0	5,0	30,0	100,0
		2	18,8	68,8	12,5	100,0
		3	6,7	4,4	88,9	100,0
Данные после кросс-проверки	Количество	1	0	7	13	20
		2	8	4	4	16
		3	11	7	27	45
	Частота, %	1	0,0	35,0	65,0	100,0
		2	50,0	25,0	25,0	100,0
		3	24,4	15,6	60,0	100,0

Примечание. 79,0 % исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно;
38,3 % перекрестнопроверяемых сгруппированных наблюдений классифицированы верно.

Наибольшее число расхождений в признаковом пространстве по совокупным показателям методик ММИЛ, ИТО, NEO-FFI выявлено между 2-й и 1-й группами: т. е. между выборкой, в которую были включены условно рекомендованные сотрудники, и выборкой сотрудников, испытывающих проблемы адаптации на различных этапах профессиональной карьеры. Таким образом, эти две группы занимают крайнее положение в возможном психологическом континууме исследованных индивидуально-психологических качеств.

Выводы. В исследовании прогноза нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников правоохранительных органов одной из задач являлось уточнение системы представленности индиви-

дуально-психологических качеств у сотрудников правоохранительных органов в показателях результатов психодиагностических методик. Применение дискриминантного анализа в практике экспериментально-психологического исследования позволило как интерпретировать межгрупповые различия, так и успешно решать задачу классификации новых объектов.

Итоги обсуждения результатов использования дискриминантного анализа позволяют сделать вывод о том, что информативность такого рода статистической обработки диагностики по методикам ММИЛ, ИТО и NEO-FFI расширяет прогностические основания для решения задачи прогноза рисков нарушения психической адаптации и профессиональной надёжности.

Поступила в редакцию 3 марта 2010 г.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

Кочкина Юлия Владимировна. Магистр кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Yulia V. Kotshkina. Master of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: 8(351)2679404.

ПРИНЦИПЫ В.Д. НЕБЫЛИЦЫНА И ИЗМЕРЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Д. НЕБЫЛИЦЫНА)*

Н.А. Курганский

Предлагается возможное развитие методологических позиций видного отечественного психофизиолога В.Д. Небылицына в направлении изучения и диагностики психических состояний. Проводится параллельное сопоставление отстаиваемых В.Д. Небылицыным подходов к пониманию и исследованию свойств нервной системы и взглядов автора на проблематику психических состояний. Показано, что методологические принципы, представленные В.Д. Небылицыным в первой главе его монографии «Основные свойства нервной системы человека» и других работах, остаются актуальными и в наши дни.

Ключевые слова: принципы В.Д. Небылицына, методологические принципы, психические состояния.

Почти полвека назад в первой главе книги «Основные свойства нервной системы человека» [1] В.Д. Небылицын сформулировал ряд важнейших методологических принципов (своего рода манифест), послуживших теоретической основой многих экспериментальных и неэкспериментальных работ, выполненных им и его коллегами по обширному кругу вопросов. Формулировка каждого из принципов имеет двучленный вид: принимаемый принцип против отвергаемого принципа. Эти принципы таковы: 1) изучение свойств нервной системы вместо определения «типов»; 2) математико-статистический анализ данных вместо монографического описания; 3) экспериментальный, лабораторный метод вместо анамнестического; 4) «непроизвольные» индикаторы вместо «произвольных»; 5) конструктивный подход вместо «оценочного». Можно предположить, что мотиватором формулирования указанных принципов послужило стремление отойти от догматизма и примитивизма, преобладавших в дифференциально-психофизиологических исследованиях того времени. Хотя В.Д. Небылицын достаточно убедительно критикует отвергаемые им принципы, он практически избегает ссылаться на авторов, придерживающихся этих принципов (возможно, не желая выборочно задевать чувства многих из них).

В наше время методологическая позиция В.Д. Небылицына, представленная в первой

главе его книги, стала общепринятой, по крайней мере, в исследованиях свойств нервной системы (правда, число таких исследований значительно поубавилось) и не только их. Однако существует некоторый класс психических явлений, в отношении которого наша позиция вынужденно перекликается с небылицынским манифестом. Речь идет о психических состояниях, их методологии, исследовании и диагностике. К сожалению или нет, но полемическая заряженность ряда положений манифеста, будучи отнесенной к изучению психических состояний, остается актуальной и в наши дни.

Ниже мы попытаемся параллельно изложить обоснования, даваемые В.Д. Небылицыным выдвинутым им принципам, и наши взгляды на соответствующие аспекты методологии психических состояний.

Прежде всего, В.Д. Небылицын полагает, что классификация типов высшей нервной деятельности в научном плане явилась очевидным шагом назад по сравнению с идеей об основных свойствах нервной системы; что при массовом подходе можно, конечно, подобрать ярких представителей заданного типа, но контингент в целом составит, скорее всего, распределение, подчиняющееся одному из законов математической статистики, при том, что пока нет никаких данных в пользу того, что какие-то сочетания свойств нервной системы являются типичными или хотя бы преобладающими.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-06-00144а).

Соответственно одним из важнейших принципов, которого автор настоящей публикации придерживается в отношении понимания и измерения психических состояний, является континуальность (в противовес типологичности). То есть выделение не типов состояний (имеющих названия), возникающих лишь время от времени и субъективно (и наблюдаемо) качественно определяемых, а характеристик, параметров, признаков, особенностей, сосуществующих в непрерывном режиме в весьма широких диапазонах распределений. (Но конечно, не свойств состояний – подобное словосочетание шло бы вразрез с нашим стремлением развести эти понятия). Также пока нет никаких экспериментально доказанных оснований полагать, что какие-то сочетания параметров состояний (кроме средних или медианных) представляют собой «зоны сгущения». В.Д. Небылицын пишет, что центральной проблемой является отнюдь не применение готовой типологической схемы, а детальное изучение природы и содержания основных свойств нервной системы, определение их структуры и характера взаимоотношений (их «сочетаемости») и лишь как результат – постановка вопроса о возможных их комбинациях, в том числе типических, и о классификации типов, если таковая вообще окажется возможной.

С нашей точки зрения, научное рассмотрение природы психических состояний с опорой на «типы» (ярко выраженные состояния, имеющие названия) может создать не очень научную иллюзию того, что психические состояния присутствуют у человека только в период манифестации этих «типов», в остальное же время их как бы нет вообще (или в более мягком варианте – хотя они вроде бы и есть, расплывчато именуясь «переходными» или «нейтральными», но в силу своей неопределенности не представляют большого интереса для исследователя).

При формулировании принципа приоритетности математико-статистического анализа В.Д. Небылицын исходит из того, что монографическое описание индивида по каким-то параметрам невозможно до тех пор, пока не будут определены сами эти параметры, равно как и их критерии. Он указывает, что в литературе существуют примеры малоосновательных заключений, полученных с опорой лишь на единичные наблюдения, но имеющих, однако, широкое распространение; в то время как зависимость какой-либо функции от другой может быть установлена лишь при широ-

ком сопоставлении и групповом анализе результатов измерений.

Мы полагаем, что в качестве параметров психического состояния могут, в частности, выступать и типологические характеристики со своими названиями, правда, олицетворяющие уже не монографически описываемые типы или виды состояний, а компоненты множественной структуры состояний. Впрочем, выделение этих компонентов может происходить и более формализованно посредством применения факторно-аналитических процедур (прежде всего, dR- и P-техник) по отношению к обширным, методически комплексным экспериментальным данным. Вслед за В.Д. Небылицыным мы считаем важным исследование характера распределения каждого из используемых для диагностики (психических состояний) показателей, причем в нашем случае это должно быть некое обобщение множества индивидуальных распределений.

Свое критическое отношение к анамнестическому методу сбора данных, рассматриваемых в качестве индикаторов свойств нервной системы, В.Д. Небылицын обосновывает непригодностью интерпретируемых «жизненных показателей» для точной диагностики этих свойств из-за искажений, вызываемых интерферирующим, маскирующим влиянием выработанных, обусловленных опытом систем временных связей, сквозь толщу которых могут пробиться только экспериментально-лабораторные методы, тогда как анамнестические могут иметь лишь подчиненное значение.

Если же обратиться к диагностике психических состояний, то анамнестические методы оказываются малопригодными в «буквальном» смысле как ретроспективные, запаздывающие, дающие информацию о прошедших состояниях через призму настоящих. Кроме того, ретроспективные показатели вынужденно оказываются одноуровневыми, так как не могут быть дополнены другими, например психофизиологическими или экспериментально-психологическими, применимыми лишь в ограниченном временном диапазоне существования референтных психических состояний.

Касаясь «произвольных» индикаторов свойств нервной системы, В.Д. Небылицын высказывает мнение, что методика, учитываемый индикатор которой поддается произвольному регулированию со стороны испытуемого, не будет пригодна для изучения этих свойств. При этом речь идет именно о самом индикаторе, а не

о способе получения его. Если же индикатор является «непроизвольным», а реакция, с помощью которой он объективизируется, «произвольна», то этот индикатор является вполне приемлемым. Все же В.Д. Небылицын отдает предпочтение объективным методикам (к числу которых относятся, например, электрофизиологические и вегетативные), так как в методике, основанной на самоотчете, даже при «непроизвольном» индикаторе испытуемый может ошибиться либо сознательно или бессознательно исказить свои показания.

Наша точка зрения на использование «произвольных» индикаторов для диагностики психических состояний является более терпимой, хотя мы и считаем, что применение самооценочных показателей в качестве единственных при оценке состояния явно недостаточно. Причем не только в силу очевидной неполноты описания психической деятельности посредством прямого субъективного шкалирования, но и из-за нередко возникающих (и иногда поддающихся научному объяснению) противоречивых отношений между (даже одноименными) «объективными» и «субъективными» компонентами психического состояния. Поэтому столь важен многоуровневый, комплексный подход, объединяющий достоинства различных методов.

Выступая против «оценочного» отношения к свойствам нервной системы, В.Д. Небылицын отстаивает принятый в его лаборатории конструктивный подход, основывающийся на строгом и объективном учете всех подмеченных в опыте соотношений, на возможно большем расширении экспериментального анализа, на отказе от ограничений, кажущихся привычными и само собой разумеющимися. Он убежден, что концепция, рассматривающая каждый из полюсов любого из свойств нервной системы как синтез положительных и отрицательных сторон, более подходит для толкования целого ряда фактов биологического и социальнопсихологического характера.

С этим методологическим принципом сложнее провести прямую параллель в том, что касается оценки тех или иных психических состояний (или их компонентов). Однако выделение из психического состояния некоторого комплекса характеристик, прямо или косвенно обуславливающих эффективность внешнего функционирования с заданными критериями, т. е. функционального состояния, позволяет затронуть проблему оценки состояний. Наша точка зрения здесь состоит в том, что далеко не

всегда существует единое для всех людей оптимальное сочетание уровней параметров, приписываемых конкретному функциональному состоянию. Более того, даже для отдельного субъекта может оказаться несколько таких сочетаний, равнооптимальных, но существенно различающихся по структуре.

Далее мы хотели бы коснуться еще одной проблемы, которой В.Д. Небылицын посвящает последнюю главу «Основных свойств...», а также специальную статью [2]. Это проблема парциальности проявлений свойств нервной системы, а также психических состояний.

Признавая принципиальную возможность существования частных (парциальных) особенностей свойств нервной системы, привязанных к конкретным анализаторам или отделам нервной системы, В.Д. Небылицын все же считает, что существуют и общие свойства, определяемые целостными параметрами мозговой организации, синтезом функциональных характеристик подкорки и коры, обеспечивающим общий тонус организма и самые общие динамические характеристики реагирования. Причем именно исследование общих свойств могло бы способствовать нейрофизиологическому объяснению особенностей личностного склада, интеллектуальной одаренности, динамики психических состояний и т. п. Частные же свойства нервной системы могут выступать как мозговые задатки развития специальных проявлений психики.

Поскольку (по разделяемому нами определению) психическое состояние представляет собой целостную картину психического функционирования, нет смысла здесь обсуждать возможность одновременного существования у психически здорового субъекта разных и никак не связанных между собой состояний. Мы также оставим в стороне подход, связанный с атрибутированием каждого психологического качества как состояния, так и черты. Однако при решении конкретных исследовательских задач возможно и вполне оправданно локальное рассмотрение различных слоев и компонентов психического состояния. Среди терминов, используемых при этом рассмотрении, выделим следующие: психофизиологическое состояние (не являясь самостоятельной научной категорией, служит аналогом основного понятия с определенным акцентом на его физиологических коррелятах); нервно-психический тонус (активация); эмоциональное состояние; субъек-

тивное состояние (последние два термина могут быть объединены категорией «переживание»); attentionное состояние (состояние внимания) и др.

Хотелось бы упомянуть также ряд принципиальных положений (не представленных в предшествующем изложении), связанных с пониманием нами такого класса явлений, как психические состояния. Эти положения таковы: формально-уровневая представленность характеристик; обратимость и (условная) воспроизводимость; наличие структуры (сохранение в течение какого-то периода времени определенной совокупности связей между множеством компонентов объекта, т.е. психического состояния субъекта); интраиндивидуальность (с преимущественной опорой при измерении на индивидуальные нормы и лишь условной возможностью сравнения состояний у разных субъектов); ограничение объема основного понятия только потенциально динамическими (вариативными) характеристиками психики, рассматриваемыми, в пределах некоторого временного интервала, как статические (фиксация момента устойчивости в изменении).

В энциклопедической статье «Темперамент» [3] В.Д. Небылицын излагает понимание этой характеристики индивида, исходя из анализа динамических особенностей его психической деятельности, т.е. темпа, быстроты, ритма, интенсивности психических процессов и состояний. Отдавая себе отчет в том, что анализ внутренней структуры темперамента представляет значительные трудности ввиду отсутствия у темперамента единого содержания и единой системы внешних проявлений, он тем не менее приходит к выделению трех главных, ведущих компонентов темперамента, относящихся к сферам общей активности

индивида, его моторики и его эмоциональности. Заметим, что эти три компонента, рассматриваемые, правда, в более сжатом временном пространстве, относятся к важнейшим, хотя и не исчерпывающим составляющим психического состояния.

Далее В.Д. Небылицын дает представление о сложном многомерном строении и разных формах психологических проявлений каждого из компонентов темперамента, а также о факторах, эти проявления обуславливающих. При этом он утверждает целостность проявлений темперамента, формируемую компонентами последнего в актах человеческого поведения на основе единства побуждения, действия и переживания.

Конечно, четкое, убедительное, научно обоснованное изложение сути предмета, опирающееся на многокомпонентный, континуальный, конструктивный подходы, характерно не только для этой, но и для многих других работ В.Д. Небылицына и может рассматриваться как еще один методологический принцип. Хотелось бы надеяться, что проблематика психических состояний также обретет своего Небылицына.

Литература

1. Небылицын, В.Д. *Основные свойства нервной системы человека* / В.Д. Небылицын. – М.: Просвещение, 1966. – 384 с.
2. Небылицын, В.Д. *К вопросу об общих и частных свойствах нервной системы* / В.Д. Небылицын // *Психофизиологические исследования индивидуальных различий*. – М.: Наука, 1976. – С. 208–229.
3. Небылицын, В.Д. *Темперамент* / В.Д. Небылицын // *Психофизиологические исследования индивидуальных различий*. – М.: Наука, 1976. – С. 178–186.

Поступила в редакцию 27 января 2010 г.

Курганский Никита Анатольевич. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета: giz.diana@mail.ru.

Nikita A. Kurgansky. Candidate of Psychological sciences, The senior scientific employee of Faculty of Psychology, St.-Petersburg State University: giz.diana@mail.ru.

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A., Melnikova N.N. Technology of test development: part III.

The article is continuation of the description of technology test development containing in two previous issues of the journal. In it within the frame of the further discussion of step-by-step technology of test development are described the following fifth stage which is called in the general scheme «standardization». In article different methods of standardization of tests and feature of various kinds of norms are considered. In particular, the questions, concerning formations representative samples of standardization and principles of stratification in the formation of group norms are discussed. The positions providing an overall performance of experts at an establishment of domain-referenced norms are resulted. The problems connected with development of criterion-referenced norms are discussed.

Keywords: development of the test, standardization of the test, norms, representative samples of standardization, stratification, cut score, expectancy tables.

Zagoryuev A.L. The immediate determination of retest reliability and discriminative ability of psychognostic method.

Easy and convenient algorithm of retest reliability and discriminative ability of psychognostic method determination is brought forward. This algorithm takes into account errors, stipulated by heterogeneity of examinee group. The algorithm application to accentuation intensity measurements (by Shmishek) is considered.

Keywords: measurements; metrology; psychodiagnostics; psychometric descriptions; retest reliability; discriminative ability.

Baturin N.A., Minbaleev A.V. Problems of psychological products copyright protection.

The attempt to adapt fundamental positions of copyright standards to psychological area is undertaken; the article explains some disputable for psychology issues referring to products protected by the copyright first of all relating to such kind of products as psychodiagnostics instruments. Instruments components protected and unprotected by copyright are allocated. The legal status of translated and adapted foreign instruments including protection of instrument trademark is analyzed.

Keywords: the copyright, product, psychological product, psychodiagnostics, translation and adaptation, trade mark.

Baturin N.A., Melnikova N.N. Principles of identification of psychodiagnostics instruments complexity.

The article offers the system of definition of psychodiagnostics instruments complexity with the purpose of their correlation with skill levels of different users. As a basis, both for instrument complexity evaluation and for user qualifying levels separation, concrete actions (operations) which are required from test user are considered. The concrete instrument complexity definition scheme (using the instrument complexity code – ICC), and their correlation with user qualifying levels is offered.

Keywords: certification of test users, instrument complexity, user actions during testing process, qualifying user levels, instrument complexity code.

Ivanov A.E. The analysis of local and foreign Codes of Good Practice of psychologists (On example of ethical requirements in psychodiagnostics).

The structure of the Russian and foreign Codes of Good Practice is compared, the problem moments and development opportunities and addition of Code of Good Practice for Russian Psychological Society are described.

Keywords: Code of Good Practice, regulation, psychological instrument administration.

Baturin N.A., Kim T.D., Naumenko A.S. Multilevel model of innovative professional potential and methods of its operationalization.

The article presents framework of innovation potential researches, various approaches to professional innovative behaviors are considered. The integrated multilevel model of professional innovation potential is offered, as well as the program of its empirical verification.

Keywords: innovation, innovativeness, personality innovation potential, professional innovation potential, professional innovative behavior, model of professional innovation potential.

Vyboyshchik I.V., Inozemtcev D.V., Karlyshev G.V., Yusupova Y.L. Method development of professional evaluation accuracy study.

The present article is concerned with problems determined by the specific of professional evaluation in contrast with everyday evaluation. Relevance of study of evaluative judgment's accuracy as criterion for recruitment of «good» experts-appraisers and for determination of quality of provided information is showed. The list of procedures developed for personality evaluation accuracy is stated. The findings of the pilot study are provided. Distortion causes of expert evaluation are separated.

Keywords: professional evaluation, personality evaluation, evaluative judgments, accuracy, criteria for assessments, distortions in evaluations.

Matveeva L.G., Tarasova E.V. Diagnostics of emotional intelligence on the basis of assessment-center procedure.

The research is devoted to creation of assessment-center procedure for diagnostics of emotional intelligence. The data analysis allows to compare the results received by standardized self-reports method and by the assessment-center on sample of senior students. Opportunities and restrictions of the used methods in diagnostics of emotional intelligence are analysed.

Keywords: emotional intelligence, the assessment-center, methods of emotional intelligence diagnostics.

Astaeva A.V. The basic problems of neuropsychological researches at children's age.

The basic methodological and theoretical problems of modern neuropsychology childhood. Highlights the problems organizing and content neuropsychological study features of development of higher mental functions. Reflect current trends in child neuropsychology: the relationship of biological and social context of individual features of the development.

Keywords: neuropsychological diagnosis, rule, morpho- and funktsiogenez, age periods, personality development.

Meshcheryakova K.V., Ryazanov A.J. Psychodiagnostic criteria for violations of the criticality of adolescents in forensic psychiatry and forensic psychological examination.

A new approach to clinical and experimental psychological investigation of violations of criticality in psychological forensic examination. This approach allows the data to reflect the qualitative research in the quantitative characteristics of the observed violations.

Keywords: forensic-psychological expertise, disturbance of criticality, personality disorder, personality disorder, mental retardation.

Berebin M.A., Kotshkina Y.A. Psychodiagnostic criteria for prediction of disruption of mental adaptation and reliability of professional law enforcement officers.

The analysis of the current state of the problem of predicting violations of mental adaptation and professional reliability in view of its features for law enforcement system. We present a system evaluation and prediction violations mental adaptation and professional reliability in terms of the results of psychodiagnostic methods and criteria for peer assessment of professional reliability. A clinical-psychological model for prediction of mental adaptation and reliability of internal affairs officials.

Keywords: mental adaptation, professional reliability, prediction, stressors profession.

Kurgansky N.A. Nebylitsyn's principles and assessment of psychological states (to the 80 anniversary of V.D. Nebylitsyn birth date).

In the article possible development of methodological positions of eminent psychophysicologist of our country V.D. Nebylitsyn towards study and diagnostics of psychological states is proposed. Parallel comparison of V.D. Nebylitsyn's approaches upheld towards understanding and research of properties of nervous system and the autor's viewpoints to problems of psychological states is carried out. It has been shown that the methodological principles presented by V.D. Nebylitsyn in the first chapter of his monograph «The basic properties of nervous system of man» and other works, being attributed to study of psychological states, remain actual in our days too.

Keywords: V.D. Nebylitsyn, methodological principles, psychological states.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ MS Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы и должность для всех авторов работы, контактная информация ответственного за подготовку рукописи).

2. Структура статьи: УДК, название (не более 12–15 слов), список авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов, текст работы, литература (ГОСТ 7.1–2003). После текста работы приводятся название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 11 pt. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 pt, межстрочный интервал – одинарный.

4. Формулы. Стиль математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 11 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки все черно-белые. Если рисунки созданы не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Психология»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestniksusu@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>), следуя ссылкой: «Научные исследования» → «Издательская деятельность» → «Вестник ЮУрГУ» → «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (180) 2010

Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 8

Редактор Л.М. Соколова

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 15.03.2010. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 500 экз. Заказ 69/165.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.

Федеральное агентство по образованию
Российское психологическое общество
Федерация психологов образования России
Южно-Уральский государственный университет

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие во II Всероссийской научной конференции «Современная психодиагностика в период инноваций», которая состоится 8–10 сентября 2010 г. в г. Челябинске на факультете психологии Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ).

Программный комитет конференции: Батулин Н.А. (ЮУрГУ, г. Челябинск), Доценко Е.Л. (ТГУ, г. Тюмень), Леонтьев Д.А. (МГУ, г. Москва), Орел В.Е. (ЯрГУ, г. Ярославль), Малых С.Б. (ПИ РАО, г. Москва), Маничев С.А. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Ушаков Д.В. (ИП РАН, г. Москва), Шмелев А.Г. (МГУ, г. Москва).

На конференции предполагается работа по направлениям:

1. Технология создания и адаптации психодиагностических методик.
2. Информационные технологии в современной психодиагностике.
3. Психодиагностика личности и ее развитие.
4. Применение психодиагностики в управлении человеческими ресурсами организаций.
5. Методология проективной диагностики личности.
6. Семантические и проективные методы диагностики творческой активности личности и группы.
7. Психодиагностика в образовании.
8. Медицинская психодиагностика: сегодня и завтра.
9. Имплицитная психометрика: альтернативы технологиям самоотчета.
10. Стандарты пользователей тестов и квалификация пользователей.
11. Рецензирование тестов.

В рамках конференции кроме пленарного заседания и работы секций будут проходить вечерние лекции, круглые столы, мастер-классы.

Получить дополнительную информацию о программе конференции, зарегистрироваться и выбрать удобную для вас форму участия Вы сможете на сайте www.conf.psytest.ru

Контакты: телефон лаборатории психодиагностики: 8 (351) 267-94-04, 267-95-63; факс 265-73-38.

e-mail: elena_pervuchina@mail.ru Первухина Елена Сергеевна, зав. лаб. психодиагностики факультета психологии ЮУрГУ.

Оргкомитет конференции